

ФРИДРИХ А. ХАЙЕК

ЧАСТНЫЕ

ДЕНЬГИ

ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Фридрих А.Хайек

ЧАСТНЫЕ ДЕНЬГИ

..отчаянный недуг
Врачуют лишь отчаянные средства
Иль никакие.

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР
(*"Гамлет", акт IV, сцена III*)
перевод Михаила Лозинского

ISBN 5-900520-064

Книга "Частные деньги" принадлежит перу лауреата Нобелевской премии по экономике Фридриха Хайека, посвящена практическим вопросам построения и функционирования свободного общества, в яркой убедительной форме показывает необходимость устранения правительственной монополии эмитировать платежные средства, показывает механизмы и последствия злоупотреблений общественным доверием со стороны правительств, содержит предложения по созданию конкурентной системы средств расчетов между юридическими и физическими лицами, включая покупки за наличные и создание резервов для будущих платежей.

© Русский перевод: Институт Национальной Модели Экономики, 1996

© Предисловие: В. Найшуль, 1996

© Denationalization of Money -IEA, 1976

First published by the *Institute of Economic Affairs*, London, October 1976 Впервые опубликовано *Institute of Economic Affairs*, Лондон, 1976

Перевод: Б. ВЕРПАХОВСКИЙ

Редакция: Р. КАПЕЛЮШНИКОВ, М. КОЗЛОВСКАЯ

Научная редакция: ГР. САПОВ

Обложка: АННА СВЯТКИНА

Макет: ИЛЬЯ ЗУЕВ

Верстка: АННА СВЯТКИНА

Руководство изданием: ДМИТРИЙ БОЧЕНКОВ

Оригинал-макет издания подготовлен издательством KOLONNA Publications. Издание осуществлено фирмой БАКОМ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию

Предисловие автора

Предисловие ко второму изданию

Предисловие к третьему изданию

I. Практическое предложение

- Свобода денежного обращения
- Это предложение более осуществимо, чем утопическая идея европейской валюты
- Принцип свободной торговли в банковском деле
- Как помешать правительству скрывать обесценение денег

II. Обобщение основного принципа

- Конкуренция валют не обсуждалась экономистами
- Первоначальные преимущества правительственной монополии на выпуск денег

III. Происхождение правительственной прерогативы на выпуск денег

- Правительственная сертификация веса и чистоты металла
- Появление бумажных денег
- Политические и технические возможности контроля за бумажными деньгами
- Монополия на деньги укрепила могущество правительств

IV. Постоянное злоупотребление правительственной прерогативой

- История денег, по большей части, есть история инфляции, организуемых правительствами
- Временная или локальная дефляция в раннем Средневековье
- Абсолютизм подавил попытки купцов создать стабильные деньги

V. Мистика "законного платежного средства"

- Суеверие, опровергаемое существованием спонтанно возникающих денег

- Частные деньги предпочтительнее
- "Законное платежное средство" как источник неопределенности
- Налоги и контракты

VI. Путаница вокруг закона Грэшема

VII. Ограниченный исторический опыт с использованием параллельных валют и торговых монет (trade coins)

- Параллельные валюты
- Торговые монеты

VIII. Введение в обращение частных денежных знаков

- Частный швейцарский "дукат"
- Постоянная, но не фиксированная ценность
- Контроль за ценностью валюты с помощью конкуренции

IX. Конкуренция между банками, выпускающими разные валюты

- Последствия конкуренции
- "Тысяча ищек": бдительная пресса
- Три вопроса

X. Определение денег - отступление

- Между деньгами и не-деньгами нет четкой границы
- Псевдоточность, статистические измерения и научная истина
- Юридические фикции и дефектная экономическая теория
- Значения терминов и определения

XI. Возможность контролировать ценность конкурентной валюты

- Контроль посредством покупки/продажи валюты и краткосрочных кредитов
- Текущая эмиссионная политика
- Решающий фактор: спрос на валюту
- Разрушит ли конкуренция эту систему?
- Могут ли паразитирующие валюты помешать контролю за ценностью валюты?

XII. Какой род валюты изберет республика?

- Четыре способа использования денег:
- 1) Покупки за наличные
- 2) Создание резервов для будущих платежей
- 3) Стандарт для отсроченных платежей
- 4) Надежная счетная единица

XIII. Что такое "ценность денег"?

- "Стабильная ценность денег"
- Взаимопогашающиеся отклонения
- Критерии выбора
- Эффективность учета - снова решающий фактор
- Оптовые товарные цены как стандарт ценности для валют в интернациональных регионах

XIV. Непригодность количественной теории денег для наших целей

- Подход с точки зрения остатков наличности...
- ... и скорости обращения
- Замечание о монетаризме
- Почему индексация не заменяет стабильной валюты
- Исторические свидетельства

XV. Желательная динамика предложения валюты.

- Предложение валюты, стабильные цены и эквивалентность инвестиций и сбережений
- Фикция "нейтральных денег"
- Возросший спрос на ликвидность

XVI. Свободная банковская деятельность

- Единая национальная валюта вместо нескольких конкурирующих валют
- Текущие счета аналогичны банкнотам и чекам
- Новый контроль за валютами, новая банковская практика

- Оппозиция новой системе со стороны существующих банков...
- ...и со стороны банковских аферистов
- Проблема "дорогих" (стабильных) денег

XVII. Никакой общей инфляции или дефляции в будущем?

- Не существует инфляции издержек, вызываемой ростом цен на нефть или любые другие товары
- Проблема жесткости цен и заработной платы
- Заблуждение насчет "благотворности умеренной инфляции"
- Ответственность за безработицу снова ложится на профсоюзы
- Предотвращение общей дефляции

XVIII. Денежная политика нежелательна и невозможна

- Правительства - главный источник нестабильности
- Денежная политика как причина депрессии
- Правительство не может действовать во имя общего блага
- Конец проблемы платежного баланса
- Одурманивающий наркотик дешевых денег
- Ликвидация центральных банков
- Конец фиксированных процентных ставок

XIX. Конкуренция дисциплинирует лучше, чем фиксированные обменные курсы

- Официальная валюта не должна быть ограждена от конкуренции
- Лучше, ненадежный "золотой якорь"
- Конкуренция обеспечит более надежные деньги, чем правительство
- Правительственная денежная монополия является необходимой
- Разница между добровольно принятыми и навязанными бумажными деньгами

XX. Должны ли существовать отдельные валютные зоны?

- Существование национальных валют не является ни неизбежным, ни желательным
- Жесткость ставок заработной платы: перемещение вверх всей структуры цен в стране нельзя считать решением

- Стабильный уровень внутренних цен может подорвать экономическую деятельность

XXI. Влияние на государственные финансы и расходы

- Хорошие национальные деньги невозможны при демократическом правительстве, зависящем от групп со специфическими интересами
- Правительственная денежная монополия и правительственные расходы
- Правительственные деньги и несбалансированность бюджетов
- Власть правительств над деньгами способствует централизации

XXII. Проблемы переходного периода

- Как помешать быстрому обесценению бывшей единственной валюты
- Вводить новые валюты сразу, а не постепенно
- Изменения в политике коммерческих банков

XXIII. Защита от государства

- Давление за возвращение к национальным денежным монополиям
- Возобновление правительственного контроля за движением валюты и капитала

XXIV. Долгосрочные перспективы

- Возможность появления множества сходных валют
- Сохранение стандарта долгосрочных долговых обязательств даже при возможной потере валютой своей ценности
- Новые правовые рамки банковского дела

XXV. Заключение

- Золотой стандарт - не решение
- Только собственный интерес, а не хорошие намерения может дать хорошие деньги
- Насколько осуществима система конкурентных бумажных валют?
- "Движение за свободные деньги"
- Вопросы для обсуждения

ПРИЛОЖЕНИЕ Крах бумажных денег 1950-1975

БИБЛИОГРАФИЯ

Фридрих А.Хайек -- ЧАСТНЫЕ ДЕНЬГИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Наше собственное заключение... состоит в том, что передача денежных и банковских установлений на усмотрение рынка привела бы к более удовлетворительному результату, чем тот, который ныне достигнут благодаря государственному вмешательству.

М. Фридман

лауреат Нобелевской премии по экономике.

(Friedman, Milton, and Schwartz, Anna, 1986, Has Government Any Role in Money?, Journal of Monetary Economics 17 (1986) 37-62.)

Эта книга - одно из самых необычных переводных изданий по социальным наукам за последние годы. Она знакомит читателя не со скороспелыми сенсационными концепциями и не с теориями, давно ставшими научной банальностью на Западе, и лишь теперь постепенно достигающими находившихся в карантине российских умов. Эта книга, принадлежащая перу выдающегося экономиста и философа этого столетия, лауреата Нобелевской премии по экономике Фридриха фон Хайека (1899-1992), впервые увидевшая свет в Англии в 1975 г., - авангард современной западной экономической мысли.

Сам Хайек, подводя итог своей огромной научной деятельности, скромно сказал, что он сделал лишь одно открытие и два изобретения. Одно из этих изобретений - *денационализация денег* - и составляет содержание этой книги. Однако логику этого изобретения нельзя понять без хотя бы краткого знакомства с главным открытием Хайека: его концепцией рынка как системы обмена знаниями (Хороший обзор творческого наследия Ф. фон Хайека содержится в книге И. Батлера "*Хайек и его вклад в развитие современной политической и экономической мысли*", русский перевод которой скоро увидит свет в издательстве Института национальной модели экономики.)

Хайековская концепция рынка. Каждый участник хозяйственной деятельности обладает одному ему известными *знаниями* о возможностях собственной производительной деятельности и своих потребительских нуждах. Экономическая система должна использовать эти знания для координации деятельности всех участников.

Наибольших успехов достигнет та экономическая система, которая наиболее полно использует эти *рассеянные в обществе знания*. Именно в использовании рассеянных знаний и состоит главное преимущество рыночной экономики перед другими способами координации хозяйственной деятельности, в том числе перед социализмом. Рыночная экономика координирует действия участников путем выработки сигналов - *рыночных цен*, которые и сообщают агентам нужную им для принятия решений информацию. Другим важным инструментом рынка является *конкуренция*, которая, отбирая лучшие индивидуальные решения участников, является для общества в целом *процедурой открытия нового*. Свобода напрямую связана с эффективностью: чем свободнее экономика, тем больше экономических открытий может совершить свободное творчество людей.

Хайкевская концепция рынка означает революционный пересмотр как самого предмета экономической науки, так и ее выводов относительно экономической политики государств.

Согласно ортодоксальной концепции экономики, рынок является лишь одним из инструментов оптимального распределения ресурсов. Следовательно, всякий раз, когда рыночное распределение ресурсов будет сочтено "неоптимальным", "неэффективным", желательно или даже необходимо предпринимать меры, которые "улучшали" бы работу рынка. Тем самым традиционная доктрина экономики становится матерью ползучего западного социализма:

непрекращающегося усиления государственного регулирования хозяйственной жизни общества. Согласно хайкевской концепции не так важно, является ли нынешнее распределение ресурсов "наиболее эффективным". Важно, посылает ли экономическая система сигналы, которые указывают людям правильное с точки зрения настоятельности потребностей общества действий.

Примеры. Из хайкевской концепции вытекают многочисленные следствия и рекомендации прямо противоположные тем, которые продуцирует ортодоксальная экономическая наука. Хорошо известно, например, что монополии приводят к нерациональному использованию ресурсов. Значит, говорит, традиционная наука, его можно и нужно улучшить, регулируя монополии государственными органами и проводя в жизнь антитрестовское законодательство. Надо создать соответствующие государственные органы, и они увеличат эффективность экономики.

Нет, следует из теории Хайека, проблемы монополий вообще не существует. Сверхвысокие монопольные цены посылают правильные сигналы другим экономическим агентам. Данная сфера - сверхэффективна, и стоит пытаться тем или иным способом обойти монополию. В условиях отсутствия государственного регулирующего органа монополия будет так или иначе похоронена. (Другая теория, развиваемая Вирджинской школой Общественного выбора *Public Choice*, утверждает, что государственный регулирующий орган имеет намного больше шансов плясать под дудку монополии, чем ее контролировать.)

Традиционная экономическая наука вполне оправдывает *государственную помощь бедным*: согласно ей общество имеет право заставлять всех платить за то, чтобы не быть травмированным бросающейся в глаза нищетой. Нет, следует из теории Хайека, государственная обезличенная помощь беднякам посылает им ложные сигналы: не зарабатывать, не делать сбережений, разрушать семьи, тратить время на стояние в очередях за пособиями и справками. Эти сигналы настолько сильны, что забивают и без того уже слабые сигналы рынка, побуждающие бедняков обратиться к полезной и лучше оплачиваемой деятельности. Результатом государственного денежного "спроса" на бедность будет лишь ее увеличенное производство. И надо сказать, что примеры широкомасштабных программ помощи беднякам, в частности в США, полностью подтверждает это умозаключение. Заметим, однако, что данный теоретический вывод не применим к "штучной" работе с бедняками, которую осуществляют частные благотворительные организации.

Государственное регулирование. Из теории Хайека следует, что вмешательство государства в свободу контрактных сделок приводит к экономическим рассогласованиям

и потерям, так как сигналы, посылаемые заказчиком, искажаются другим, более мощным источником - государственным аппаратом.

Так, поддержка государством одной из сторон сделки путем, например, установления минимальной заработной платы или особых прав потребителей, не принесет пользы ни обеим ее сторонам, ни обществу в целом.

Особенно вредно *оперативное* государственное вмешательство. В этом случае рыночным агентам почти невозможно распознать правдивую рыночную информацию в сопровождающем ее непредсказуемом государственном "шуме", и рынок дезорганизуется.

Последнее утверждение имеет важное приложение к сфере денежного обращения. В прошлом эмиссионная деятельность регулировалась государством в целях увеличения доходов казны. В нынешнем веке в соответствии с его общей доктриной **исправления природы**, денежное обращение стали оперативно регулировать для "улучшения рынка и исправления его недостатков": стимулирования экономического роста, борьбы с безработицей и т.п. Эти действия имеют, однако, далеко идущие негативные последствия.

Искусственно занижая кредитную ставку для стимулирования экономического роста, денежные власти формируют в предпринимательской среде необоснованный оптимизм. В результате начинают осуществляться инвестиционные проекты, для завершения которых в будущем не хватит ресурсов. Как только несоответствие потребных и наличных ресурсов становится очевидным, происходит массовое очищение рынка от ошибочных проектов, сопровождаемое свертыванием производства. Происходит экономический кризис, порожденный не рынком, а государственным регулированием.

"Игры" с кредитно-денежной политикой, которые вели в XX веке центральные банки почти всех стран, стали постоянным источником экономической дезинформации, вызывающим глобальную дискоординацию хозяйства, проявляющуюся в частности в искусственных колебаниях деловой активности.

Из общей хайековской концепции рынка следуют и требования к денежной системе. Ее задача состоит в том, чтобы обеспечить общество такими деньгами, которые передавали бы правильную ценовую информацию в сделках - и не только текущих, но и *на срок*.

Попытки решения проблемы. Перед тем как остановиться на предложении Хайека по денационализации денег как средстве достижения их нейтральности, коснемся попыток решения проблемы ограничения денежного произвола.

"Независимый центральный банк" - название самой распространенной на сегодняшний день схемы организации кредитно-денежной системы. В идеале предусматривается передача руководства денежной политикой страны в руки небольшой группы профессионалов - руководителей центрального банка, огражденных от влияний групповых интересов и блюдуших интересы страны и ее хозяйства.

Независимый центральный банк успешен тогда, когда занимает определенное положение в обществе. Профессиональная этика его руководителей должна делать их *зависимыми* от оценок признаваемых ими специалистов по денежной системе, среди которых должно быть определенное *единодушие* относительно того, что можно считать компетентной денежной политикой. Общественное мнение также должно ценить центральный банк и защищать его свободу от политических давлений. Вероятно, лучшим независимым

центральным банком является Бундесбанк - центральный банк Германии. Высокая немецкая профессиональная этика обеспечивает качество принимаемых его руководителями решений, а народная память о двух гиперинфляциях нынешнего столетия - их политическую поддержку. Однако подобное сочетание благоприятных условий встречается реже, чем их отсутствие. К тому же, примеры последних лет, в частности навязанный канцлером обмен остмарок на дойчмарки в пропорции 1:1, осуществленный исключительно в политических целях и заставивший Бундесбанк поднять ставки процента, косвенно спровоцировав валютные потрясения 1993 года, показал ограниченность независимости центрального банка.

Недостаточная эффективность центральных банков в борьбе с инфляцией побуждает к принятию специальных мер для усиления ответственности их руководителей за поддержание денежной стабильности. Одно из любопытных технических решений в этой связи осуществлено недавно в Новой Зеландии: центральный банк этой страны действует на основе договора, по которому он принимает на себя обязательства по недопущению инфляции выше установленного в договоре уровня, причем неисполнение карается штрафными санкциями.

Необходимо заметить, что хотя хороший независимый центральный банк может ограничить инфляцию - государственную денежную дезинформацию, он все же *в принципе* не способен снабдить общество такими деньгами, которые были неподвержены государственному манипулированию.

"*Currency Board*" или "*Валютная палата*" - название денежной системы, при которой денежная единица страны жестко привязана к валюте и финансовой системе стабильной и экономически мощной страны, либо к корзине валют.

Сама *Валютная палата* является учреждением, выпускающим денежные знаки с твердым курсом по отношению к материнской валюте (или набору валют) со 100% обеспечением резервами в ней. Для большей надежности эти резервы могут храниться вне доступности местных политиков в частных банках. Во второй половине XX века Валютные палаты были сознательным нововведением, призванным обеспечить устойчивость расстроенного денежного обращения.

Используя Валютную палату, страна ограничивает денежный суверенитет своего правительства. Что она получает взамен?

- 1) Местную валюту, такую же твердую, как и материнская валюта. В роли материнских валют выступали английский фунт, французский франк, американский доллар, немецкая марка, валютная корзина.
- 2) Процент по резервам, хранящимся в банках. Этот процент дает существенный экономический выигрыш от использования банкнот Валютных палат вместо материнской валюты.
- 3) Низкие трансакционные затраты в коммерческих операциях с зоной материнской валюты. Это особенно выгодно, когда страна имеет большой объем коммерческих операций с зоной материнской валюты.

В настоящее время обсуждаются следующие предложения по ограничению денежного производства.

Конституционное ограничение роста денежной массы. Милтон Фридман в прошлом предлагал внести в американскую конституцию поправку, ограничивающую рост денежной массы 5% в год (годовой рост производительности труда, а, значит, и потребности в деньгах, составляет обычно около 3%).

Денежная политика с таким ограничением безусловно лучше, чем без него. Однако политическая и правовая слабость предложения М. Фридмана - в его излишне техническом характере, слишком техническом, чтобы стать конституционным. С точки зрения экономической теории предложение не решает главной проблемы - определения рынком потребного объема денег в обращении. Ограничивая "государственный шум", оно не устраняет его; гарантируя низкий уровень инфляции, не обеспечивает качественных денег. К тому же эффективность ограничения зависит от способа статистического учета, который сам всегда является предметом политических манипуляций.

Золотой стандарт. Еще одно радикальное теоретическое предложение состоит в возврате к прежде действовавшему золотому стандарту. Тем самым полностью ликвидируется пагубный произвол государственной денежной политики, государственный шум, мешающий координации экономики.

Государство, однако, вольно в любой момент пересмотреть свое собственное решение, изменив золотой паритет валюты или отменив его вовсе.

Теоретическое возражение к использованию золотого стандарта состоит и в том, что динамика предложения золота, определяемая его добычей, может не соответствовать динамике потребности экономики в деньгах, определяемой ее ростом.

Предложение Хайека. В данной книге Хайек предлагает кардинально новый способ достижения денежной стабильности - систему, основанную на конкуренции параллельных частных валют.

Ее идейная основа проста... Валюту следует считать обычным коммерческим товаром и потому производить рыночным способом.

При этом подобно тому, как конкуренция между обычными товарами способствует улучшению их потребительских свойств и отбраковке низкокачественной продукции, конкуренция между частными валютами произведет отбраковку плохо обеспеченных и плохо управляемых валют. Останутся те валюты, которые будут наилучшим образом выполнять функции денег: служить средством платежа и сохранять свою стоимость во времени.

Важное свойство таких конкурентных денег состоит в том, что при их использовании в экономике исчезают макро-сигналы нерыночного характера, источником которых сейчас являются государственные регулирующие органы.

Устойчивость кредитно-денежной системы. Логика частных денег - центральная в рассуждениях Хайека, однако, не единственная. Другой важный аспект проблемы денежного обращения, который затрагивается в книге - устойчивость банковской системы.

Современная кредитно-денежная система западных стран характеризуется высокой нестабильностью, которую пытаются преодолеть, причем крайне неэффективно, путем

административного регулирования.

Эта нестабильность имманентно присуща денежной системе с государственной валютой. Ее глубинная причина состоит в резком ослаблении "иммунного" рыночного механизма конкурентной проверки и выбраковки принимаемых частными банками решений, ослабления, необходимого, в свою очередь, для того, чтобы рыночный механизм не отторг чужеродную административно-управляемую государственную валюту.

"Властный" эмитент государственной валюты заинтересован в уменьшении конкуренции, как и всякий "невластный" производитель, однако в отличие от последнего он имеет еще и средства добиваться этого. Его подстегивает падающая на него экстра-коммерческая нагрузка финансирования государственных расходов, ослабляющая его рыночные конкурентные возможности. Эта нагрузка тем более значительна, что источник заманчивых для государственного аппарата денежных ресурсов находится в подчиненном положении внутри этого аппарата, а не вне его, и является потому несравненно более удобной дойной коровой, чем всегда вызывающая общественное напряжение налоговая система.

На денежном рынке монопольный эмитент защищает себя от конкуренции других валют, ограничивая хождение иностранных денег и запрещая эмиссию частных банкнот. Полученная свобода рук используется и для политического манипулирования "стимулирующей" инфляцией, например, в связи с выборами.

На кредитном рынке эмитент государства одновременно: а) административно ограничивает кредитную эмиссию, устанавливая, в частности, обязательную норму резервирования, б) обеспечивает весь "плановый" объем кредитной эмиссии государственной валютой, с тем, чтобы избежать конкурентного давления на нее кредитной эмиссии. В результате блокируется рыночный механизм отбраковки низкокачественной кредитной эмиссии, и банковская система становится глобально неустойчивой.

Банкротство крупного банка при современной низкой норме резервирования приводит к сжатию денежной массы, провоцирующему снятие денег с текущих счетов других банков и их банкротство. Предвидя эту ситуацию, клиенты совершают набеги на свои банки, стремясь изъять деньги раньше, чем те лопнут. В такой ситуации эмитент государственной валюты, чтобы предотвратить коллапс банковской системы выступает как "кредитор последней руки" (lender of last resort), бросается на выручку и ссужает банки своими деньгами.

Вслед за тем государство, что вполне логично, принимает меры для предотвращения повторения подобных разорительных ситуаций и усиливает регулирование банковской деятельности, что резко снижает ее эффективность. Кроме того, в экономике расцветает пустая и дорогостоящая, но сделанная государством сверхприбыльной деятельность по обходу навязанных им ограничений.

В числе других регулятивов государственные органы вводят обязательное страхование банковской деятельности, которое национализует частные риски. Эти меры, уменьшая риск банкротства банков, одновременно делают их поведение более безответственным. От регулятивов - к скандалам и крахам - от скандалов и крахов - к новым регулятивам - это путь кредитно-денежной системы, базирующейся на государственной валюте.

В отсутствии государственной валюты и центрального банка сложатся совершенно иные институты эмиссионных, инвестиционных и кредитных услуг. Тот факт, что *конкуренция является процессом открытий*, заведомо не дает возможности предсказывать вид этих институтов (хотя на эту тему, конечно, можно теоретизировать, что и делает ряд авторов). Можно, однако, достоверно сказать, что при денационализации денег риски всех финансовых учреждений становятся частными, на риски распространяется механизм рыночного отбора, устраняя основные факторы сегодняшней нестабильности кредитно-денежной системы.

Особые проблемы развивающихся стран. Недостатки наиболее распространенной ныне в мире кредитно-денежной системы, основанной на национальной валюте и Центральном банке, имеют тяжелые последствия для развитых экономик Запада, но еще более разрушительны для развивающихся государств. Этому способствует ряд факторов.

Во-первых, экономическое положение этих стран динамичнее, что делает регулирование денежных институтов более сложным.

Во-вторых, развивающиеся страны часто имеют слабую, коррумпированную и, следовательно, неэффективную государственную администрацию.

В-третьих, они имеют мало спасительных общественных традиций и привычек, пригодных для современного капиталистического бытия, которые могли бы ставить в рамки государственный механизм и подстраховывать его.

Поэтому, как это ни парадоксально звучит, развивающиеся страны имеют дополнительные основания либо отказываться от денежного суверенитета, впрямую используя иностранную валюту или применяя замещающую ее Валютную палату, либо, опережая западные страны, проводить либерализацию денежной системы.

Многовалютная денежная система современной России. Еще молодая рыночная экономика России также имеет свои счеты к идее центрального банка и государственной валюты. Она имеет и свои веские причины интересоваться денационализацией денег.

Дореформенная система обращения последнего периода существования СССР была по сути *многовалютной*, то есть практиковался **бартер** между регионами и между предприятиями, употреблялись как отдельные валюты **наличные и безналичные рубли** с переменным курсовым отношением между ними, **наличная и безналичная иностранная валюта**, и, наконец, last not least - обмен административными услугами - **бюрократическая торговля**. (В. А. Найшуль, 1992, *Либерализм и экономические реформы*, Мировая экономика и международные отношения, N 8.)

Попытка перехода к системе единых национальных валют привела к ухудшению условий хозяйственных обменов внутри России и в бывшем СССР и результирующему падению объемов производства, вызвала многочисленные катастрофические сбои в самой системе денежного обращения.

Главной проблемой дореформенной системы обменов были легитимизируемые государством препятствия к совершению сделок, оборачивающиеся для экономики СССР высокими транзакционными издержками. Если бы государственная власть России - самой крупной и экономически мощной республики • вместо "созидания" искусственной новой национальной валюты (а до реформы рубль **реально не был всеобщим платежным**

средством) и подавления старой обменной системы стала бы убирать эти препятствия, оставляя самим хозяйственникам право выбора способа совершения обменных операций, результатом реформ стало бы **улучшение технологии обменов, сопровождаемое ростом, а не падением объемов производства.**

В СССР осуществлялась децентрализованная кредитная эмиссия безналичных рублей региональными отделениями государственного банка по факту осуществления плановой поставки товаров. Это не было большой проблемой, пока существовали мощные барьеры между "почти-не-являющейся-деньгами" *безналичной* и "почти-настоящими-деньгами" - *рублевой наличностью*, а в рамках единого политического пространства действовали единые правила поведения региональных финансовых органов.

С политическим распадом СССР эта ситуация, конечно, резко изменилась. Наступил кризис, эволюционным, естественным и к тому же самым либеральным выходом из которого стало бы установление свободных обменных курсов между валютами всех независимых эмитентов. (Насколько известно автору, лишь Центральный банк Латвии принял шага в этом направлении, начав котировать безналичку союзных республик.) Общесоюзный наличный рубль мог бы тогда стать твердой валютой со свободными курсами по отношению к безналичным рублям различных эмитентов.

Вместо этого, однако, была произведена национализация денег. Тем самым, не говоря уже о резком ухудшении условий обменов товарами между республиками, **был нанесен огромный ущерб эмиссионному предприятию России по обеспечению всего Советского Союза всюду признанным наличным рублем и сделано все возможное, чтобы лишить его рынков платежных средств бывших союзных республик.**

Кроме того, в угоду идее единой российской валюты было осуществлено приравнивание дотоле различных безналичных и наличных рублей. Силу возникшего финансового шторма можно представить себе уже потому, что курс наличных к безналичным рублям на момент реформы составлял примерно 2:1. Результатом искусственного объединения наличных и безналичных денег стал, как и следовало ожидать, резкий дефицит наличности и ее административное распределение, затем - первый послереформенный всплеск инфляции.

И, несмотря на такие грандиозные усилия и жертвы, в России все равно остается многовалютная система значение бартера и административных обменов резко уменьшилось, зато гораздо шире используются американский доллар, немецкая марка на западе России и японская йена на ее востоке.

Денежная реформа в России. Гораздо более естественной для России стала бы предлагаемая Хайеком денационализация денег: переход к свободному обращению параллельных конкурирующих валют. Реформа могла бы включать следующие мероприятия.

1. Признание юридического равноправия всех уже используемых в России валют, в том числе иностранных, что означает на деле легализацию уже существующей деловой практики. (Заметим, что Аргентина недавно осуществила эту меру, причем со ссылкой на Хайековскую теорию.)

2. Дерегулирование банковской деятельности. Разрешение на свободную эмиссию денег под собственной торговой маркой местными и иностранными коммерческими банками.

Лишение ЦБ России контролирующих функций в денежном обращении.

3. Реорганизацию ЦБ России в эмиссионный коммерческий банк, принадлежащий государству. Денационализацию рубля - превращение его в частную валюту этого банка. И, наконец, приватизацию бывшего ЦБ России.

Деньги и Свобода. Выйдя из 70-летней коммунистической тирании, мы стали особенно чувствительными к навязанной нам государством несвободе. Нам не безразлично количество ограничений, которым государство подвергает нас в нашей жизни и деятельности. Мы считаем противоестественными попытки государства заставить нас пользоваться своей слабой валютой, контролировать наши счета, подвергать произвольному налогообложению. Мы испытываем также своего рода отвращение к попыткам "планировать" нас, определяя, например, количество денег, необходимых России тем же самым манером, каким еще недавно определялись потребности в чугуне, электроэнергии или мужских костюмах.

В *Либеральной Хартии (Либеральная Хартия"*, Сегодня, 23 февраля 1993г.) - манифесте российских экономических свобод - сформулирован конституционный, а, следовательно, не допускающий изъятий принцип: ***Всякая ненасильственная деятельность - свободна.*** Следовательно, свободна и эмиссия денег под своей торговой маркой. Денежная система с государственной валютой и государственным регламентированием банковской деятельности несовместима с этим принципом.

Экономическая свобода не может быть полноценной, пока деньги являются государственными. Денационализация денег - путь экономического освобождения общества.

* * *

Идея денационализации денег была высказана практически одновременно Б. Клайном в статье в 1974 г. (Klein B., 1974, *The Competitive Supply of Money*, Journal of Money, Credit, and Banking 6,423-453.) и Ф. Хайеком в данной книге в 1975 г. независимо друг от друга. На момент публикации идея производила впечатление экстраординарной, и читатель данной книги легко заметит следы некоторой неуверенности автора, проскальзывающие в первых ее главах. За этими работами последовали многочисленные публикации других ученых, посвященные денационализации денежного обращения. Выяснилось, в частности, что существовавшие до эпохи Центральных банков, денежные системы многих стран основывались на принципах свободной конкуренции частных денег и были весьма эффективны. Событием в научной дискуссии о деньгах стала публикация в 1986 г. статьи *Has Government Any Role in Money?* выдающегося специалиста в области денежной теории, лауреата Нобелевской премии по экономике Милтона Фридмана, в которой он изменил свою прежнюю негативную оценку системы частных конкурентных валют и согласился в основном с позицией Хайека. Цитату из этой статьи мы вынесли в эпиграф данного предисловия.

Институт национальной модели экономики будет стараться знакомить российских читателей с этой интересной темой. В частности, в ближайшее время Институтом будет опубликована классическая работа ученицы Хайека Веры Смит *Происхождение центральных банков*, анализирующая причины, по которым в западных странах возникла эта относительно неэффективная денежная система. (Упомянем также о появившихся

недавно интересных обзорных работах российских авторов о свободных денежных системах: диссертация Анны Тайцилиной "Дерегуляция денежной системы: теоретические основания и программы реализации" и статья Николая Кузнецова "Дерегуляция денежного обращения: проблемы и подход", которая должна выйти в свет в 1996 г. в журнале "Вопросы экономики".)

В.А. Найшуль
Г.Г. Сапов
май 1996г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Ибо во всех странах мира, как я полагаю, скупость и несправедливость государей и государственной власти, злоупотребивших доверием подданных, постепенно уменьшили действительное содержание металла, первоначально содержавшееся в их монетах.

Адам Смит
"Богатство народов"

Примерно год назад, потеряв надежду найти политически осуществимое решение элементарнейшей в техническом смысле задачи - прекращения инфляции, я, отчаявшись, выдвинул в одной из своих лекций [31] несколько необычное предложение, последующее размышление над которым открыло совершенно неожиданные новые горизонты. Я не смог удержаться от дальнейшей разработки этой идеи, поскольку задача предотвращения инфляции всегда представлялась мне чрезвычайно важной, и не только из-за ущерба и страданий, причиняемых высокой инфляцией, но и потому, что я считал и считаю, что даже умеренная инфляция порождает в конечном счете повторяющиеся периоды депрессий и безработицы, которые стали весомым аргументом против системы свободного предпринимательства и которые в интересах выживания свободного общества должны быть предотвращены.

Мое предложение состояло в том, что правительство следует лишить монополии на эмиссию денег. Разработка этой идеи открыла поразительные теоретические перспективы и раскрыла целый ряд возможных комбинаций, которые прежде даже не рассматривались. Как только освобождаешься от общепринятого, но неявного убеждения в том, что правительство должно снабжать страну собственной, отличной от других, имеющей исключительное право хождения валютой, возникает множество интереснейших вопросов, которые прежде никогда не изучались. Результатом моей деятельности, таким образом, стало проникновение в совершенно неисследованную область. В данной краткой работе я могу изложить лишь некоторые открытия, сделанные в ходе ее первичного обследования. Я понимаю, что едва коснулся нового комплекса вопросов и еще очень далек от решения всех проблем, которые могут возникнуть в случае множества конкурирующих валют. Мне приходится поставить ряд вопросов, на которые я не знаю ответов; не в состоянии я рассмотреть и все теоретические проблемы, возникающие в связи с этой новой ситуацией. Здесь потребуется еще немало усилий, однако уже есть признаки того, что исходная идея пробудила воображение других исследователей, и что некоторые более молодые умы взялись за разработку этой проблемы [см. 35,59,60].

На данной стадии работы главный вывод состоит в том, что основной порок рыночного

порядка - его подверженность повторяющимся периодам депрессий и безработицы, вызывающая вполне оправданные упреки - есть следствие многовековой правительственной монополии на эмиссию денег. Теперь у меня не осталось сомнений, что частные предприятия, если бы им не мешало правительство, давно предоставили бы обществу широкий выбор валют, и те из денежных единиц, которые бы побеждали в конкурентной борьбе, имели стабильную ценность и предотвращали как чрезмерное инвестирование, так и последующие периоды спада.

Требование свободы выпуска денег вначале не без оснований покажется многим подозрительным, поскольку в прошлом оно неоднократно выдвигалось целой чередой людей одержимых, причем людей имевших сильные инфляционистские наклонности. От большинства приверженцев "свободных банков" (free banking) начала XIX столетия (и даже значительной части сторонников "банковского принципа" (banking principle)) и до проповедников "свободных денег" (Freigeld) - вроде Сильвио Гезелля [22] и майора С. Х. Дугласа [13], Х. Ритгерхаузена [51] и Генри Мейлена [44] в XX столетии, все агитировали за свободную эмиссию потому, что хотели *больше* денег. Несмотря на то, что часто в основе их аргументов лежало убеждение в несовместимости правительственной монополии с принципами свободы предпринимательства, все они без исключения, считали, что эта монополия привела скорее к излишнему ограничению денежной массы, чем к чрезмерному предложению денег. Они явно не видели, что правительство чаще, чем любое частное предприятие, снабжает нас обесценивающимися деньгами.

Добавлю, дабы не отклоняться от основной темы, что в этой книге я удержусь от соблазна втянуться в интересный методологический спор о том, как можно высказывать осмысленные суждения об обстоятельствах, с которыми мы практически никогда не сталкивались, хотя эта дискуссия выявляет любопытные особенности метода экономической науки вообще.

Эта работа показалась мне настолько важной и настоящей, что я на несколько недель прервал основную работу, которой были посвящены все мои усилия последние несколько лет и для завершения которой требуется еще один, третий по счету том. (Law, Legislation and Liberty: Vol. 1 Rules and Order, Roulledge & Keagan Paul, 1973. Vol. 2, The Mirage of Social Justice, Vol. 3, The Political Order of a Free Society.) Читатель, надеюсь, поймет, почему в этих обстоятельствах я, против всех своих привычек, после завершения первого варианта настоящего доклада, предоставил большую часть утомительной окончательной отделки и подготовки к публикации доброжелательному попечению Артура Селдона, директора издательского отдела Института экономических проблем, который выразил готовность взвалить на себя это бремя и который ранее помогал делать некоторые мои работы, издававшиеся Институтом, намного более приемлемыми для чтения. Ему, в частности, принадлежат подзаголовки и вопросы для обсуждения в конце работы. Превосходное название для работы (я собирался озаглавить ее "Конкурентные валюты") предложил генеральный директор Института, сэр Ральф Харрис. Я глубоко благодарен им за публикацию этого очерка. Без них он, вероятно, еще долго не увидел бы света, так как ответственность перед читателями трилогии "Право, законодательство и свобода" не позволяет мне отвлечься от ее завершения для занятий этим довольно специальным предметом дольше, чем требовалось для более или менее схематичного наброска моих аргументов.

Особые извинения я хотел бы принести всем тем моим друзьям, которым по прочтении книги станет ясно, что, пока в течение последних нескольких лет я был занят совсем

иными проблемами, я не читал их публикаций, тесно связанных с темой данной работы, хотя они, вероятно, научили бы меня многому и облегчили бы ее написание.

Ф. А. Хайек
Зальцбург 30 июня 1976г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Прошло ровно 13 месяцев, с тех пор как я начал писать эту работу и немногим более полугодом со дня ее первой публикации. Поэтому вполне понятно, что дополнения, которые я нашел нужным сделать ко второму изданию, вызваны, скорее, дальнейшими размышлениями на затронутую тему, чем полученными мной критическими замечаниями. В отзывах, в основном, пока выражается скорее недоверие и изумление, чем какие-либо возражения на мои аргументы.

Большинство дополнений касается довольно очевидных моментов, о которых я, вероятно, должен был высказаться яснее в первом издании. И только одно из них (см. стр. 98 первого издания) относится к вопросу, после размышления над которым я пришел к выводу о несколько ином развитии событий в случае принятия предложенной мной реформы, чем мне представлялось прежде. Мне кажется еще более важным проведение четкого разграничения между двумя типами конкуренции: первый из них привел бы, вероятно, к всеобщему принятию одного широко используемого товарного стандарта (или небольшого числа таких стандартов), тогда как второй выразился бы в конкуренции за доверие публики к валюте, деноминированной каким-то определенным образом. В этом издании я сделал довольно длинную вставку в раздел XXIV, в которой проследил одно из самых значительных возможных последствий, первоначально мною упущенное.

В текст книги внесена лишь небольшая стилистическая правка для достижения большей ясности. Сохранились даже различия в интонации, более предположительной в начале и, как заметит читатель, становящейся все более уверенной по ходу изложения. Дальнейшие размышления пока лишь укрепляют мою уверенность в желательности и осуществимости предложенного мной фундаментального изменения.

Важный вклад в исследование рассматриваемых проблем был внесен научными докладами на конференции Общества Мон Пелерин (Mont Pelerin Society) состоявшейся уже после того, как было подготовлено второе издание "Денационализации денег". Я не смог ими воспользоваться, так как сразу же после окончания конференции должен был отправиться в длительную поездку. Я надеюсь, что представленные там доклады скоро появятся в печати. Я, однако, успел добавить в последний момент реплику на замечание Милона Фридмана, которое, как мне казалось, требовало немедленного ответа.

Помимо ссылки на занятость другими задачами, помешавшую мне уделить обсуждаемой здесь теме все то внимание, которого она заслуживает, я должен добавить, что мое неверие в возможность построения эффективной денежной системы в условиях сегодняшней институциональной структуры является результатом исследований скорее последних нескольких лет, исследований, посвященных современному политическому устройству, в особенности эффектам правления посредством демократического собрания с неограниченными полномочиями, чем исследованиям того периода, когда в центре моих интересов находилась теория денег как таковая.

Я должен, пожалуй, поделиться еще одним соображением, которое часто высказывал

только устно. Я глубоко убежден, что главная задача экономиста-теоретика или политического философа - влиять на общественное мнение таким образом, чтобы сделать политически возможным то, что сегодня кажется политически невозможным. Поэтому возражения, указывающие на неосуществимость моих предложений в настоящее время, ни в малейшей степени не мешают мне развивать их.

Наконец, прочтя еще раз текст второго издания, я должен с самого начала предупредить читателя, что в сфере денег я не намерен вводить никаких запретов на деятельность правительства, - никаких, кроме одного - не мешать другим делать то, что они умеют делать лучше него.

Ф. А. Хайек
Фрайбург-в-Брейсгау

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Главная идея очерка профессора Хайека состоит в том, что стабильности цен можно достичь, только отняв у национальных правительств их монополию на создание денег. Хотя положение с уровнем цен в годы, предшествовавшие публикации доклада, было неудовлетворительным во всем мире (в Великобритании, например, стоимость жизни за последнюю четверть века выросла более чем на 500 процентов), эта работа не оказала сколько-нибудь заметного влияния на практические решения. Обсуждение по-прежнему велось вокруг того, как улучшить работу этих правительственных монополий, а не о том, как покончить с ними, в то время как идея конкуренции денег, если и упоминалась вообще, то отбрасывалась как "политически невозможная".

Как заметил Хайек, для экономиста это возражение не должно иметь значения: "...политические потребности сегодняшнего дня не должны волновать ученого-экономиста. Я без устали буду повторять, что его задача - сделать политически возможным то, что сегодня кажется политически невозможным. Решать, *что можно* сделать в настоящий момент, есть задача политика, а не экономиста" (второе издание 1978, стр. 79-80).

К счастью, Хайек не одинок в этом убеждении. Другие ученые последовали за ним и стали изучать периоды истории, когда правительственная денежная монополия отсутствовала. Лоуренс Уайт (1984) рассмотрел шотландскую конкурентную систему денежной эмиссии, которой восхищался Адам Смит. Юджин Уайт (1990) исследовал тот момент Великой французской революции, когда существовала конкуренция в выпуске денег. Хью Рокофф (1990) проанализировал конкурентную систему денежной эмиссии в США. Разумеется, ни один из этих эпизодов не стал образцом совершенного денежного обращения, и ни одна из этих систем не переносится на современность. Но во всех этих случаях наблюдалась большая стабильность, чем в условиях правительственной денежной монополии, а их историческая давность не имеет отношения к делу, ибо принцип, который они иллюстрируют, вечен: стимулы влияют на поведение. Таким образом, анализ Хайека представленный в настоящем докладе, получает дальнейшее эмпирическое подтверждение.

В то же время и те, кто считают себя практиками, начали думать о том, что можно сделать для улучшения нашей денежной системы. Еще несколько лет назад сама мысль о том, что Chancellor of Exchequer (Канцлер Казначейства, министр финансов - прим. ред.)

предложит вывести Банк Англии из-под власти Казначейства, показалась бы абсолютно невероятной. Но Найджел Лоусон признал, что он выдвигал подобное предложение в период, когда занимал этот пост. Повышенное внимание к этим вопросам неудивительно. За годы, прошедшие после первой публикации доклада Хайека, ситуация с ценами не улучшилась. За период 1978-1990 гг. стоимость жизни в Великобритании выросла на 230 процентов. Падение ценности фунта стерлингов произошло, несмотря на то, что британская экономика в попытках бороться с инфляцией, была ввергнута в глубокий спад.

Печальный опыт Британии не является уникальным. В Германии с 1978 г. цены поднялись на 138 процентов, в Швейцарии - на 143 процента, и в США на 190 процентов. Хотя эти показатели ниже, чем в Великобритании, они убедительно свидетельствуют о том, что независимый центральный банк, вопреки тому, что утверждал Милтон Фридман в 1962 г., не является гарантом удовлетворительного денежного обращения. Что же тогда можно и нужно делать?

Новозеландское правительство недавно признало важность стимулов и связало жалование руководителей центрального банка с их успехами в поддержании стабильности цен. Чарльз Гудхарт (1991) настаивает в своей работе на применении того же принципа в отношении Банка Англии.

Стоит ли пытаться достичь цели (снижение инфляции) путем использования стимулов? Достаточно ли важна цель? А если важна, то что еще можно сделать? В своей книге Хайек показывает с исключительной ясностью, почему инфляция так серьезна и опасна. Разумеется, инфляция перераспределяет ресурсы между заемщиками и кредиторами. Конечно, она имеет следствием неэффективность, связанную с разрушением рынка капитала. Однако проблемы, вызываемые инфляцией, шире - они затрагивают абсолютно всю экономику, так как инфляция затрудняет оценку уровня цен в будущем и интерпретацию их изменений в настоящем.

"Если ценность денег регулируется таким образом, что соответствующий средний уровень цен остается постоянным... будущие изменения цен остаются непредсказуемыми, что неизбежно в условиях функционирования рыночной экономики, но при этом достаточно высока вероятность, что в долгосрочной перспективе воздействия этих непредсказуемых изменений на жизнь людей будут в общем и целом взаимопогашаться."

Хайек противопоставляет такую ситуацию инфляции, когда: "отдельное предприятие оказывается неспособно ...полагаться в своих расчетах и решениях на некоторый средний уровень, от которого индивидуальные колебания цен с равной вероятностью могут отклоняться как в ту, так и в другую сторону. Экономический расчет на основе эффективного учета капитала и издержек в этой ситуации становится невозможным".

И эти проблемы, как подчеркивает Хайек, существуют в дополнение к "...временным изменениям в структуре относительных цен, также вызываемым инфляцией, приводящим к дезориентации производства".

Нестабильность, порождаемая этими искажениями и эпизодическими попытками правительства замедлить инфляцию, утверждает Хайек, ведет к характерным для капиталистической экономики повторяющимся периодам массовой безработицы. Выгоды денежной стабильности не ограничиваются стабильным уровнем цен.

Как же тогда достичь денежной стабильности? Милтон Фридман, а с недавнего времени и

многие другие экономисты, настойчиво рекомендуют следовать "денежному правилу", по возможности закрепленному "денежной конституцией", с тем, чтобы рост денежной массы стал постоянным и предсказуемым. (Стоит отметить, что в своей недавней работе, в соавторстве с Анной Шварц, (1986) Милтоп Фридман близко подошел к точке зрения, отстаиваемой здесь профессором Хайеком.) Нет сомнений, что такой правовой принцип покончил бы с вопиющими недостатками денежного регулирования. Но почему необходимо регулировать деятельность поставщиков денег? Вот где важна конкуренция. Регулирование отрасли законодательством, правительством, или регулирующим органом оправдано, только, если отрасль не поддается регулированию конкуренцией. В большинстве случаев именно конкуренция приводит к наилучшим из возможных результатов. Так почему бы не прибегнуть к ней и в денежной сфере? Этот вопрос и рассмотрен в настоящей работе, ответ гласит, что конкуренция в области предложения денег даст желаемые результаты, точно так же, как и в любой сфере экономической деятельности.

Новое издание книги Хайека сейчас особенно своевременно. Во-первых, разумеется, потому, что инфляция вновь усилилась. Во-вторых, потому, что в обозримом будущем не исключена возможность появления значительной конкуренции в сфере предложения денег. Страны ЕЭС обязались полностью отменить валютный контроль в отношениях друг с другом. Есть предложения пойти дальше - зафиксировать обменные курсы и ввести общую европейскую валюту (в настоящее время решение о введении единой европейской валюты принято Европейским Союзом и согласованию подлежит конкретный механизм ее функционирования - прим. ИНМЭ). Но если эти предложения встретят сопротивление, то мы будем иметь конкуренцию между национальными валютами в пределах Европы. (Выгоды денежной конкуренции в контексте ЕЭС были показаны Ваубелем (1979), повторно отмечены Вудом (1979) и впоследствии изложены Найджелом Лоусоном (в то время министром финансов Великобритании) в докладе (HM Treasury, 1989) на встрече министров финансов ЕЭС.) Благодаря этой простой мере мотивы престижа и извлечения прибыли (ибо правительства получают доход от эмиссии денег) начнут работать на обеспечение стабильности денег.

Всего через 12 лет предложение, выдвинутое профессором Хайеком в этой книге, перестало быть "политически невозможным" и теперь находится в пределах досягаемости. Мы должны использовать этот шанс.

*Октябрь, 1990
Джеффри И. Вуд,
профессор экономики, City University
Business School*

Фридрих А.Хайек -- ЧАСТНЫЕ ДЕНЬГИ

ГЛАВЫ I-XI (из XXV всего)

I. ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Мое конкретное предложение для ближайшего будущего и, одновременно, повод для исследования системы, идущей гораздо дальше, состоит в следующем:

Страны Общего рынка, желательно совместно с нейтральными европейскими государствами (а позднее, возможно, и со странами Северной Америки) принимают взаимные обязательства путем заключения формального договора - не препятствовать свободному обращению на своих территориях валют стран-участниц (включая золотые монеты) и не ограничивать иным способом свободы деятельности любого банковского учреждения, законно учрежденного на территории любой из этих стран.

Прежде всего, это должно означать отмену всех видов валютного контроля или регулирования движения денег между этими странами, а также полную свободу выбора валюты при составлении контрактов и бухгалтерском учете. Кроме того, это должно означать право всякого банка, действующего на территории одной из этих стран, открывать филиалы в любой другой на тех же условиях, на которых функционируют местные банки.

Свобода денежного обращения

Цель моего предложения состоит в том, чтобы ввести столь необходимую дисциплину в деятельность существующих денежных и финансовых органов, отняв у них возможность впредь когда-либо выпускать деньги, существенно менее надежные и пригодные, чем деньги, выпускаемые остальными. Как только люди привыкнут к этой новой для них ситуации, любое отклонение с достойного пути выпуска честных денег сразу же будет приводить к быстрому вытеснению ненадежной валюты другими, более надежными. При этом страны, лишенные возможности прибегать к уловкам, позволяющим им, "защищая" свои валюты, временно скрывать последствия своих действий, будут вынуждены сохранять их курсы достаточно стабильными.

Это предложение более осуществимо, чем утопическая идея европейской валюты

Этот план представляется мне более предпочтительным и более осуществимым, чем утопическая схема введения новой европейской валюты, которая, в конечном счете, только укрепит источник и корень всех денежных зол: правительственную монополию на денежную эмиссию и контроль за денежным обращением. Впрочем, если страны не готовы принять более ограниченный план, предлагаемый здесь, еще менее вероятно, что они пожелают ввести общеевропейскую валюту. Полное лишение правительства многовековой прерогативы на производство денег пока представляется большинству слишком непривычной и даже опасной идеей, которая вряд ли может быть принята в ближайшем будущем. Однако люди смогут научиться понимать ее преимущества, если, по крайней мере, вначале, валютам различных государств будет позволено конкурировать между собой в борьбе за благосклонность публики.

Хотя я всецело поддерживаю стремление завершить экономическое объединение стран Западной Европы, полностью либерализовав денежные потоки между ними, я сильно

сомневаюсь в том, что путь к этой цели состоит в создании новой европейской валюты, управляемой каким-либо наднациональным органом. Во-первых, страны-члены ЕЭС вряд ли смогут прийти к согласию о политическом курсе, которого должен будет придерживаться единый финансовый орган (при фактически неизбежной ситуации, когда некоторые страны получают валюту худшего качества, чем имеют сейчас). Во-вторых, крайне сомнительно, что даже при самых благоприятных условиях, единая политика будет осуществляться лучше, чем регулирование нынешних национальных валют. Более того, во многих отношениях единая международная валюта, если ею не управлять разумнее, будет не лучше, а хуже национальной валюты. Стране с более развитой финансовой системой не останется ни одного шанса избежать последствий решений других стран, принятых на основе грубых предрассудков. Преимущество создания международного ведомства должно заключаться главным образом в защите стран-участниц от вредных мер, предпринимаемых другими, а не в том, чтобы заставлять их присоединяться ко всякого рода глупостям.

Принцип свободной торговли в банковском деле

Предложение распространить свободу деятельности в сфере денежного обращения на банковское дело - абсолютно неотъемлемая часть плана, если мы хотим достичь намеченной цели. Во-первых, банковские депозиты переводятся в чеки и в силу этого образуют своего рода особый вид денег, эмитируемых частным образом. Сегодня они, как известно, составляют часть, причем, в большинстве стран основную часть общего объема общепризнанных средств обращения. Во-вторых, противодействие расширению кредита отдельными национальными банковскими суперструктурами в настоящее время служит главным оправданием для установления государственного контроля за денежной базой.

Относительно последствий принятия описанного выше предложения, я добавлю только, что оно, конечно же, направлено на то, чтобы сделать политически невозможным многое из того, что делают национальные финансовые и монетарные органы, делают просто потому, что имеют власть делать это. В настоящее время, все эти меры политически неустранимы, так как являются способом временного избавления от текущих трудностей. Однако все эти меры, предпринимаемые национальными регулирующими органами, все без исключения, очень опасны для стран и противоречат их долгосрочным интересам. К ним относятся меры, посредством которых правительства могут очень легко и очень быстро устранять причины недовольства отдельных групп населения или секторов экономики, но которые в долгосрочной перспективе неизбежно дезорганизуют и, в конце концов, разрушают рыночный порядок.

Как помешать правительству скрывать обесценение денег

Главное преимущество предлагаемой схемы состоит в том, что она помешала бы правительствам "защищать" денежные единицы, которые они выпускают, от вредных последствий предпринимаемых ими самими мер и не давала бы им возможности применять эти вредные инструменты в будущем. Они оказались бы неспособны скрывать девальвацию выпускаемой ими валюты, препятствовать оттоку денег, капитала и других ресурсов (происходящему из-за того, что их использование внутри страны становится невыгодным) или контролировать цены - то есть применять все те меры, которые, несомненно, должны вести к разрушению Общего рынка. Предложенный план, по-видимому, действительно удовлетворяет всем требованиям Общего рынка лучше, чем общая валюта, и не требует ни создания нового международного органа, ни

предоставления новых полномочий какому-либо наднациональному ведомству.

Все цели и задачи плана сводятся к тому, чтобы вытеснение национальных валют происходило только в том случае, когда национальные денежные власти начинают вести себя неправильно. Но даже тогда они смогут предотвратить полное вытеснение своей национальной валюты, быстро изменив собственное поведение. Возможно, что в некоторых очень маленьких странах, где большое значение имеют внешняя торговля и туризм, начнет доминировать валюта одной из крупных стран, но, при разумной политике, я не вижу причин, по которым большинство из существующих ныне валют не могло бы оставаться в обращении еще долгое время. (Было бы важно, конечно, чтобы стороны не входили в тайный сговор о том, чтобы не выпускать настолько надежные деньги, что их предпочли бы граждане других стран! И, разумеется, по отношению к тем правительствам, деньги которых отвергаются обществом, всегда должна применяться презумпция виновности!).

Я не думаю, что этот план помешает правительствам делать то, что они должны делать в интересах нормально функционирующей экономики и, что в долгосрочной перспективе принесет пользу любой группе населения. Но здесь возникают сложные проблемы, которые лучше обсудить после того, как будет полностью раскрыт наш основной принцип.

II. ОБОБЩЕНИЕ ОСНОВНОГО ПРИНЦИПА

Если всерьез рассматривать вопрос о немедленном введении в обращение на ограниченной территории нескольких конкурирующих валют, то нужно видимо, выяснить, к чему приведет широкое применение принципа, на котором основывается наше предложение. Если мы намерены отменить исключительное хождение на территории каждой страны единственной национальной валюты, выпускаемой правительством, и допустить равноправное обращение валют, выпускаемых другими правительствами, сразу же возникает вопрос: не является ли столь же желательным отказ от правительственной монополии на выпуск денег вообще и, соответственно, разрешение частным предприятиям снабжать публику альтернативными средствами обмена?

Вопросы, поднимаемые подобной реформой, в настоящее время носят теоретический характер гораздо в большей степени, чем изложенное выше практическое предложение, ибо оно еще слишком странно и непривычно для широкой публики, чтобы можно было обсуждать возможности его претворения прямо сейчас. Пока что даже специалисты плохо представляют себе проблемы, которые возникнут в этой ситуации, и вряд ли можно было бы дать надежный прогноз точных последствий при реализации такой схемы. Однако, уже сейчас вполне очевидно, что безоговорочно принимаемая ныне монополия правительств на выпуск денег не является ни необходимой, ни даже полезной. Вполне может оказаться, что эта монополия вредна и что ее отмена станет огромным благом, открывающим возможности для намного более успешного хода дел. Поэтому, чем раньше начнется обсуждение, тем лучше. И хотя реализация плана может казаться полностью неосуществимой, раз общественное сознание не подготовлено и не в состоянии критически оценить догму о необходимости денежной монополии правительств, тем не менее, это не должно больше служить препятствием на пути исследования человеческим разумом увлекательных теоретических проблем, которые возникают в связи с этой идеей.

Конкуренция валют не обсуждалась экономистами

Трудно поверить, что до недавнего времени проблема конкурирующих валют никогда серьезно не исследовалась. (Хотя я абсолютно самостоятельно пришел к мысли о преимуществах независимо выпускаемых конкурирующих валют, я должен здесь уступить интеллектуальный приоритет профессору Бенджамину Клейну, который в статье, написанной в 1970 г., опубликованной в 1975 [35] и не известной мне до недавнего времени, четко разъяснил главное преимущество конкуренции между валютами.) В имеющейся литературе нет ответа на вопрос, почему правительственная монополия на денежную эмиссию повсюду рассматривается как неизбежная и не проистекает ли это убеждение всего лишь из неизвестно откуда взявшегося допущения, гласящего, что на любой данной территории в обращении должен быть один-единственный вид денег? Такая система могла представлять определенное удобство до тех пор, пока единственно возможными видами денег всерьез считались только золото и серебро. Не можем мы найти ответа и на вопрос, что случится, если отменить эту монополию и возложить решение задачи снабжения населения деньгами на открытую конкуренцию частных предприятий, выпускающих разные денежные единицы. Большинство, по-видимому, воображает, что любое предложение о разрешении частным агентам выпускать деньги подразумевает разрешение на выпуск всеми ими *одних и тех же денег* (в сфере разменной монеты они, конечно, оказались бы попросту фальшивомонетчиками), а не явно отличимых друг от друга *разных* видов денег, среди которых можно было бы осуществлять свободный выбор.

Первоначальные преимущества правительственной монополии на выпуск денег

Возможно, что в те времена, когда денежная экономика медленно распространялась на отдаленные регионы и одной из главных проблем было научить большое количество людей искусству денежных расчетов (а это было не так уж давно), единые, легко распознаваемые деньги могли значительно помочь делу. И можно утверждать, что исключительное использование таких единых денег сильно облегчало сравнение цен, а, следовательно, способствовало развитию конкуренции и рынка. Кроме того, в ситуации, когда в подлинности металлической монеты можно было убедиться только путем сложного пробирного процесса, для которого обычный человек не имел ни квалификации, ни оборудования, убедительной гарантией подлинности монеты могло служить клеймо какого-то общепризнанного органа власти, а таковым, за пределами крупных торговых центров, могло быть только правительство. Но сегодня эти первоначальные преимущества, которые могли оправдать присвоение правительством исключительного права на чеканку металлических монет, уже не перевешивают недостатков подобной системы. В ней обнаруживаются дефекты, характерные для любой монополии: приходится использовать продукт, даже если он оставляет желать лучшего. Прежде всего, монополия препятствует поиску более совершенных способов удовлетворения потребности, поскольку у монополиста нет к этому никаких стимулов.

Если бы люди поняли, что за удобство пользоваться в обычных сделках одним-единственным видом денег (без права использования других видов и, соответственно, без выбора между привычными и альтернативными деньгами) они расплачиваются периодически повторяющейся инфляцией и экономической нестабильностью, они, вероятно, сочли бы эту цену слишком высокой. Ибо это удобство намного менее значительно по сравнению с возможностью пользоваться надежными деньгами, из-за которых не будет периодически нарушаться плавное течение экономической жизни - возможностью, которой публика лишена из-за правительственной монополии. Но людям

никогда не давали возможности обнаружить это преимущество. Правительства во все времена были сильно заинтересованы убедить публику в том, что право на эмиссию денег принадлежит исключительно им. И пока на практике это означало чеканку золотых, серебряных и медных монет, это не играло такой важной роли, как сегодня, когда мы знаем, что существует так много видов денег, и далеко не только бумажных, в обращении с которыми правительства еще менее компетентны, и которыми они склонны злоупотреблять в еще большей степени, чем металлическими деньгами.

III. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРЕРОГАТИВЫ НА ВЫПУСК ДЕНЕГ

В течение более 2000 лет правительственная прерогатива, или исключительное право на обеспечение общества деньгами означало на практике всего лишь монополию на чеканку монеты - золотой, серебряной или медной. Именно в течение этого периода такая прерогатива начала приниматься безоговорочно, как существенный атрибут суверенитета, окутанный покровом тайны, с которой обычно связывалась священная власть правителей. Быть может, это представление возникло даже раньше шестого столетия до Р. Х., когда лидийский царь Крез отчеканил первые монеты, - еще в те времена, когда было заведено ставить клейма просто на металлических слитках, чтобы удостоверить пробу металла.

Во всяком случае, при римских императорах прерогатива правителя на чеканку монеты была твердо установлена. (W.Endemann [15], Vol.2,p.171) Когда на заре Нового времени Жан Боден разработал концепцию суверенитета, он рассматривал право на чеканку монет как один из самых важных и существенных ее элементов. (J. Bodin [5], p. 176. Болен, который разбирался в проблеме денег лучше, чем большинство его современников, вполне мог надеяться на то, что правительства больших государств будут вести себя более ответственно, чем тысячи мелких князьков и городов, которые получили в эпоху позднего Средневековья привилегию чеканить монеты и иногда злоупотребляли ею даже сильнее, чем богатые князья крупных территории.) Regalia, как назывались по-латыни эти королевские прерогативы, среди которых чеканка монеты, разработка руд и сбор таможенных пошлин считались самыми важными, в течение Средних Веков были главным источником дохода князей и рассматривались только под этим углом. Очевидно, что по мере распространения чеканки монеты, правительства повсюду вскоре обнаружили, что исключительное право на чеканку было не только заманчивым источником барыша, но и важным орудием власти. Эту прерогативу никогда не отнимали и не уступали, говоря, что она необходима для общего блага: она существовала просто как неотъемлемый атрибут правительственной власти. (То же относится и к почтовой монополии; качество почтовых услуг повсюду неуклонно ухудшается. Как сказал об этом недавно Генеральный секретарь Союза почтовых работников Великобритании, "Правительства обеих политических партий низвели некогда великую государственную службу до уровня дешевой шутки" (Таймс, 25.5.1976) *Политически* монополия на радио и ТВ может оказаться еще опаснее, но я сомневаюсь, что *экономически* какая-нибудь монополия причинила больше вреда, чем монополия на эмиссию денег.) Монеты, подобно флагу, служили символами могущества, при помощи которых правитель утверждал свой суверенитет и сообщал своему народу о том, кто его повелитель. Его лик монеты доносили до самых отдаленных частей королевства.

Правительственная сертификация веса и чистоты металла

Задача, решение которой правительство взяло на себя, состояла первоначально не столько

в изготовлении денег, сколько в удостоверении веса и качества материалов, повсеместно служивших деньгами. (См. Адам Смит [54] стр. 40 эти "...государственные учреждения называемые монетными дворами. Они имеют совершенно такой же характер, как и учреждения, созданные для надзора за правильностью мер и клеймения сукон и полотен".) С древнейших времен эту функцию сохраняли за собой только металлы: золото, серебро и медь. Предполагалось, что эта задача скорее должна быть схожа с созданием и поддержанием единой системы мер и весов.

Кусочки металла считались собственно деньгами только в том случае, если они имели клеймо соответствующего органа власти, в обязанность которого входило, как полагали, удостоверять, что монеты действительно имеют установленный вес и содержат металл. должной пробы, что и придавало им их стоимость.

В эпоху Средневековья, однако, возникло суеверие, согласно которому само это действие правительства наделяет деньги ценностью. Хотя опыт всегда доказывал обратное, доктрина *valor impositus* (навязанная ценность, лат.) рассматривалась по большей части как имеющая силу закона и служила отчасти причиной постоянных, но тщетных попыток князей навязать ту же самую ценность монетам, содержащим меньше драгоценного металла. (В начале нашего столетия средневековая доктрина была возрождена германским профессором Г. Ф. Кнаппом; его "Государственная теория денег", кажется, все еще оказывает некоторое влияние на современную теорию права (Endemann [15], p. 172. Knapp [36], ср.: Mann [41].)).

Нет причин сомневаться в том, что частные предприятия могли бы, если бы им было позволено, выпускать столь же хорошие или, по меньшей мере, столь же достойные доверия монеты. Иногда частное предприятие действительно это делало само или же уполномочивалось на это правительством. Однако пока техническая задача изготовления одинаковых и легко распознаваемых монет еще представляла серьезные трудности, выполнение этой работы правительством представлялось, по крайней мере, полезным. К несчастью, правительства вскоре обнаружили, что решение этой задачи не только полезно для общества, но может быть и очень прибыльным - по крайней мере, пока у людей нет альтернативы тем деньгам, которые им предлагают. "Сеньораж", или пошлина, предназначенная для покрытия издержек чеканки монет, оказалась весьма привлекательным источником дохода и вскоре увеличилась настолько, что ее размеры намного превысили действительные издержки изготовления монет. А от присвоения избыточной части металла, привозимого на правительственный монетный двор для чеканки новых монет, оставался только один шаг к практике, все шире распространявшейся в Средние Века: изъятию монет из обращения для последующей перечеканки в различные номиналы с пониженным содержанием золота или серебра. Мы рассмотрим результат такой порчи монеты в следующем разделе.

Однако, с тех пор, как обязанность правительств при выпуске денег перестала ограничиваться простым удостоверением веса и качества какого-либо кусочка металла и стала предполагать также сознательное определение количества денег, которое должно быть выпущено, правительства оказались совершенно неспособны справиться с этой задачей и, можно сказать, непрестанно и повсеместно злоупотребляли доверием, обманывая народ.

Появление бумажных денег

Правительственная прерогатива, первоначально сводившаяся только к выпуску монет (так как это был единственный используемый вид денег), быстро распространилась на другие разновидности денег, по мере их появления в обращении. Первоначально новые виды денег появлялись тогда, когда правительства испытывали нужду в деньгах. Они пытались раздобыть необходимые им средства посредством принудительных займов, расписки, в получении которых приказывали всем принимать как деньги. Нам сейчас сложно оценить значение постепенного появления правительственных бумажных денег, а вскоре и банкнот, поскольку долгое время проблема состояла не в появлении новых видов денег с различными номиналами, а в использовании в качестве денег бумажных векселей на получение определенной суммы узаконенных металлических денег, выпускаемых на основе правительственной монополии.

Вероятно, было бы невозможно добиться, чтобы листочки бумаги или другие кусочки материала, не имеющие сами по себе значимой рыночной ценности, стали постепенно общепринятыми деньгами, если бы они не представляли собой квитанцию на какой-либо ценный предмет. Чтобы быть принятыми в качестве денег, они должны были вначале почерпнуть свою ценность из какого-то иного источника, такого, как, например, конвертируемость в другой вид денег. Вследствие этого золото, серебро и квитанции на их получение долгое время оставались единственными видами денег, между которыми была возможна конкуренция. Из-за резкого падения ценности серебра в XIX в. последнее перестало быть серьезным конкурентом золоту (возможности биметаллической системы не имеют отношения к поднятым нами проблемам. (См. раздел VII))

Политические и технические возможности контроля за бумажными деньгами

Однако, ситуация изменилась коренным образом, когда повсеместное хождение стали иметь бумажные деньги. Пока господствовали металлические деньги, правительственная монополия была достаточно вредна. Но она стала непоправимым бедствием с тех пор, как бумажные деньги (или другие деньги-знаки), которые могут быть как наилучшими, так и наихудшими деньгами, попали под политический контроль. Деньги, предложение которых сознательно контролируется агентством, чей интерес заставляет его удовлетворять потребности *пользователей*, могут быть наилучшим вариантом. Деньги, которыми манипулируют ради удовлетворения групповых интересов, обречены быть наихудшими из возможных (см. XVIII).

Ценность бумажных денег может регулироваться на основе применения ряда принципов. Это представляется очевидным, хотя мы считаем чрезвычайно сомнительным, чтобы какое-либо демократическое правительство с неограниченной властью могло бы удовлетворительно справиться с этой задачей. На первый взгляд, исторический опыт подтверждает веру в то, что только золото может обеспечить стабильность денежной единицы и что рано или поздно все типы бумажных денег обречены на обесценение. Все наши исследования процессов, определяющих ценность денег, говорят, что это предрассудок, не имеющий никаких оснований, хотя и понятный. Нет поводов сомневаться в *технической* возможности контролировать количество любых денежных знаков таким образом, чтобы их ценность вела себя желательным образом и чтобы, по этой причине, их продолжали принимать и они не обесценивались, хотя достижение такого результата правительствами не представляется *политически* достижимым. Существование такой технической возможности позволяет, если это будет допущено правительством, иметь множество по сути различных денег. Они могли бы представлять не просто разные количества одного и того же металла, но также различные абстрактные

денежные единицы, ценность которых колеблется относительно друг друга. Подобным же образом мы могли бы иметь валюты, обращающиеся на конкурентной основе во многих странах, оставляя людям право выбора между ними. Эта возможность до недавнего времени, как кажется, нигде не обсуждалась всерьез. Даже самые радикальные сторонники свободного предпринимательства такие, как философ Герберт Спенсер [57] или французский экономист Жозеф Гарнье [21], похоже, выступали лишь за частную чеканку монеты, а движение за свободную банковскую деятельность (free banking) в XIX столетии боролось лишь за право выпуска банкнот, выраженных в стандартной валюте (Vera C. Smith [55]).

Монополия на деньги укрепила могущество правительств

Как мы скоро увидим, исключительное право правительств на эмиссию и регулирование денег не помогло обществу получить деньги лучшего качества, чем деньги, которые мы имели бы без участия правительств. Вероятно, эта монополия породила намного худшие деньги. В то же время она стала одним из главных инструментов проведения господствующей сегодня государственной политики и сильно способствовала общему усилению могущества государства. В значительной степени современная политика основана на допущении, что правительство имеет власть по собственному желанию создавать и заставлять народ принимать любой дополнительный объем денег. По этой причине правительства будут яростно защищать свои традиционные права. По этой же причине крайне важно лишить их этих прав.

Правительство, как и любое частное лицо, не должно иметь права (по крайней мере, в мирное время) брать все, что захочет, а должно быть строго ограничено теми средствами, которые отданы в его распоряжение представителями народа, и оно должно быть не в состоянии увеличивать объем имеющихся у него ресурсов сверх того, что народ согласен ему предоставить. Современной экспансии государства сильно способствовала возможность покрывать дефицит путем денежной эмиссии - обычно под предлогом увеличения занятости. Наверное, неслучайно Адам Смит [54, стр. 687] не включает контроль над выпуском денег в число тех трех обязанностей, которые, "согласно системе естественной свободы, надлежит исполнять государю."

IV. ПОСТОЯННОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРЕРОГАТИВОЙ

Когда изучаешь историю денег, не перестаешь удивляться тому, как долго люди мирились с правительствами, которые в течение 2000 лет пользовались исключительной властью для того, чтобы постоянно эксплуатировать и обманывать их. Это можно объяснить только тем, что миф о необходимости правительственной прерогативы укоренился настолько прочно, что даже профессиональным исследователям (включая, до недавнего времени, и автора этих строк - Ф. А. Найек [29], pp. 324 et seq.) не приходило в голову когда-либо поставить его под сомнение. Но стоит только усомниться в истинности существующей доктрины, как становится ясно, на какое непрочное основание она опирается.

Мы не можем проследить в деталях злостную деятельность правителей по монополизации денег дальше эпохи греческого философа Диогена, который еще в IV столетии до нашей эры назвал деньги политической игрой в кости. Но со времен Древнего Рима вплоть до XVII столетия, когда бумажные деньги начали играть значительную роль, история

чеканки монеты - это почти непрерывная цепь порчи или постоянного снижения содержания драгоценного металла в монетах и соответствующего роста всех потребительских цен.

История денег, по большей части, есть история инфляции, организуемых правительствами

Никто еще не написал исчерпывающей истории этих событий. Это была бы чересчур монотонная и унылая история. Но я думаю, не будет преувеличением считать, что история человечества есть в значительной степени история инфляции, причем инфляции, устраиваемых правительствами и ради выгоды правительств, хотя открытие новых источников золота и серебра в XVI столетии произвело аналогичный эффект. Историки вновь и вновь пытались оправдать инфляцию, утверждая, что благодаря ей стали возможны периоды быстрого экономического развития. Они создали даже ряд инфляционистских теорий истории (в особенности, Вернер Зомбарт [56], а до него Арчибальд Алисон [1] и другие. См. о них книги Поля Барта [4], посвятившего целую главу "Истории как функции ценности денег", и Марианны Фон Херцфельд [32].), которые, однако, явно опровергаются реальностью: цены в Англии и Соединенных Штатах в конце периодов самого быстрого развития этих стран остались почти на том же уровне, как и двумя столетиями раньше. Но люди, заново открывающие для себя этот факт, обычно незнакомы с более ранними дискуссиями.

Временная или локальная дефляция в раннем Средневековье

Начало Средних веков принято считать периодом дефляции, способствовавшей экономическому упадку во всей Европе. Но даже этого нельзя утверждать с полной уверенностью. Вообще говоря, похоже, что сокращение торговли привело к уменьшению количества денег в обращении, а не наоборот. В исторических источниках мы находим достаточно много жалоб на дороговизну товаров и порчу монеты, чтобы считать дефляцию всего лишь локальным явлением в регионах, где войны и миграции разрушили рынок и денежная экономика стала съезживаться по мере того, как люди прятали свои сокровища. Но там, где, как в Северной Италии, рано возрождается торговля, мы немедленно видим, как все мелкие князьки начинают соперничать друг с другом в порче монеты - идет процесс, который, несмотря на ряд безуспешных попыток частных торговцев создать лучшее средство обмена, продолжался в течение столетий, так что Италия завоевала репутацию страны с наилучшими авторами, пишущими о деньгах, и с худшими деньгами.

Но, хотя теологи и юристы дружно осуждали эту практику, она не прекращалась, до тех пор, пока бумажные деньги не предоставили правительствам еще более дешевого метода обмана народа. Разумеется, правительства не могли навязывать народу плохие деньги, не прибегая к самым жестоким мерам. Вот как в одном юридическом трактате кратко изложена история наказаний за простой отказ принимать официальные деньги: "От Марко Поло мы узнаем, что в XIII столетии китайский закон карал за отказ принимать императорские бумажные деньги смертью. Двадцать лет каторги, а в некоторых случаях смертная казнь, были наказанием за отказ принимать французские ассигнации. Раннее английское право предписывает рассматривать отказ принимать правительственные деньги как государственную измену. В эпоху американской революции отказ от приема банкнот Континентального Конгресса рассматривался как враждебный акт и иногда вел к потере права на взыскание долга" (A.Nussbaum [50], p.53).

Абсолютизм подавил попытки купцов создать стабильные деньги

Некоторые из первых банков в Амстердаме и других местах обязаны своим появлением попыткам купцов обеспечить себя стабильными деньгами. Однако укреплявшийся абсолютизм вскоре подавил все усилия, направленные на создание негосударственных денежных единиц. Вместо этого он покровительствовал развитию банков, выпускавших банкноты, выраженные в официальных правительственных деньгах. На этом примере можно показать, как подобное развитие событий открыло двери новым политическим злоупотреблениям, причем показать нагляднее, чем на материале истории металлических денег.

Говорят, китайцы, наученные своим горьким опытом с бумажными деньгами, пытались навсегда запретить их (разумеется, безуспешно), еще до того, как их изобрели европейцы. (См. [62] и [59], которые, однако не упоминают часто повторяемой истории об "окончательном запрете") Конечно, европейские правительства, узнав о новой возможности, начали безжалостно ее эксплуатировать, но не для того, чтобы обеспечить людей качественными деньгами, а чтобы получить для казны как можно большую прибыль. С тех пор как в 1694 г. британское правительство продало Банку Англии ограниченную монополию на выпуск банкнот, главная забота всех правительств состояла в том, чтобы не дать власти над деньгами, ранее основанной на прерогативе чеканки монеты, ускользнуть из их рук, перейдя к действительно независимым банкам. На некоторое время господство золотого стандарта и вера в то, что его поддержание есть важный элемент престижа, а вынужденный отказ от него - национальный позор, существенно ограничили эту власть. Это дало миру единственный продолжительный период (около 200 лет) относительной стабильности, в течение которого могла развиваться современная промышленность, страдавшая, впрочем, от периодических кризисов. Но как только около 50 лет назад мир осознал, что конвертируемость в золото есть просто способ контроля за количеством денег, и что это и было реальным фактором, определявшим их ценность, правительства начали предпринимать отчаянные попытки уклониться от соблюдения дисциплины, и деньги сделались, более чем когда-либо, игрушкой в руках политиков. Лишь немногие великие державы сохранили на время хоть какую-то стабильность денег, привнеся ее также в колонии, входившие в состав их империй. Но, например, ни Восточная Европа, ни Южная Америка *никогда* не знали длительных периодов денежной стабильности.

И хотя правительства никогда не использовали свою власть для обеспечения устойчивости денег на сколько-нибудь длительное время и могли воздерживаться от грубых злоупотреблений, только когда их дисциплинировал золотой стандарт, причина, которая должна заставить нас отказаться долее терпеть безответственность правительств, состоит в том, что сегодня мы знаем о возможности контролировать количество денег таким образом, чтобы предотвращать сильные колебания их покупательной способности. Более того, хотя есть все основания не доверять правительству, не связанному золотым стандартом или чем-то подобным, нет оснований сомневаться, что частное предприятие, процветание которого зависит от успеха его деятельности, может обеспечить стабильную ценность выпускаемых им денег.

Прежде чем мы покажем, как работает такая система, необходимо разобраться с двумя предрассудками, которые могут служить возражениями против нашего предложения.

V. МИСТИКА "ЗАКОННОГО ПЛАТЕЖНОГО СРЕДСТВА"

Первое недоразумение касается понятия "законного платежного средства" или "legal tender". Для нашего исследования это понятие не имеет большого значения, но оно широко используется при объяснении или оправдании правительственной монополии на выпуск денег. Первый испуг, вызванный обсуждаемым здесь предложением, обычно сопровождается такой реакцией: "Но должно же быть законное платежное средство". Как будто это замечание доказывает незаменимость единых правительственных денег для нормальной деловой жизни.

В своем строго юридическом значении "legal tender", или законное средство платежа означает не более, чем деньги, выпускаемые правительством, от которых не может отказаться кредитор при уплате этими деньгами причитающегося ему долга (Nussbaum [50], [41] и Breckinridge [6]). Даже при таком определении важно отметить, что этот термин не имеет общепринятого толкования в английском законодательстве ([41], p. 38. С другой стороны, отказ английских судов (до недавнего времени) выносить решения по платежам в любой валюте, кроме фунта стерлингов, сделал этот аспект законного тендера особенно значимым в Англии. Но положение должно, вероятно, измениться после недавнего судебного решения (Milliangos V. George Frank Textile Ltd. [1975]), установившего, что английский суд может выносить решения об уплате в иностранной валюте по денежным искам, выраженным в такой валюте, так что теперь в Англии можно, например, требовать через суд выплаты доли от продаж в швейцарских франках. (Financial Times, 6 November 1975, отчет воспроизведен в: F.A. Hayek [31], pp. 45-46)). В иных источниках он просто означает средство расплаты по долговым обязательствам, измеряемым согласно договору, в денежных единицах, выпускаемых правительством, а также по иным обязательствам, налагаемым решениями суда. Поскольку правительство владеет монополией на денежную эмиссию и использует ее, чтобы навязать один единственный вид денег, оно должно, вероятно, также иметь власть приказывать, какими предметами может быть уплачен долг, измеренный в его денежных единицах. Но это не означает ни того, что все деньги должны быть "законным средством платежа", ни даже того, что все предметы, которым закон присваивает статус "legal tender", должны быть деньгами. (Есть исторические примеры, когда суды обязывали кредиторов принимать в уплату денежных исков такие товары, как табак, который вряд ли можно назвать деньгами, Nussbaum [50], pp.54-55.)

Суеверие, опровергаемое существованием спонтанно возникающих денег

В сознании публики, однако, термин "законное платежное средство" окутан туманом смутных представлений о необходимости государства как источника снабжения деньгами. Это пережиток средневековой идеи о том, что именно государство каким-то образом придает деньгам ценность, которой они сами по себе не обладали бы. А это, в свою очередь, является верным лишь в том, очень узком смысле, что правительство может заставить нас принимать в уплату долга все, что посчитает нужным, вместо того, о чем мы договаривались первоначально; лишь в этом смысле оно может придать заменителю ту же ценность с точки зрения должника, что и та, которой обладал объект, первоначально фигурировавший в договоре. Но суеверное представление о том, что правительству (обычно, для пущей важности именуемому "государством") надлежит определять, что должно быть деньгами, как будто оно создало деньги, которых без него не существовало бы, коренится, вероятно, в наивном убеждении, что такое орудие, как деньги, должно было быть "придумано" и передано нам неким первоначальным изобретателем.

Эта вера была полностью подорвана нашим пониманием спонтанного возникновения в

процессе социальной эволюции никем не проектировавшихся институтов, хрестоматийным примером которых могут служить деньги. Другими важнейшими примерами такого рода являются язык, закон и мораль. Когда многоуважаемый немецкий профессор Кнапп возродил в нашем столетии средневековую доктрину *valor impositus*, она проложила путь политике, которая в 1923 г. довела германскую марку до 1/1000 000 000 000 ее прежней стоимости!

Частные деньги предпочтительнее

Разумеется, деньги могут существовать (и существовали) без какого-либо участия правительства. Они даже оказывались вполне удовлетворительными, хотя им и редко удавалось просуществовать в течение длительного времени. (Эпизодические попытки властей торговых городов обеспечить деньга хотя бы с постоянным содержанием драгоценного металла (такие, как создание Амстердамского Банка) в течение долгого времени были вполне успешными и их деньга использовались далеко за пределами национальных границ. Но даже в этих случаях власти рано или поздно начинали злоупотреблять своим квазимонопольным положением. Амстердамский Банк был государственным учреждением, услугами которого люди должны были пользоваться в определенных случаях, а его деньга были единственным законным средством платежей, превышающих некоторую сумму. Его услугами нельзя было пользоваться при обычных мелких сделках и местных операциях за пределами города. То же самое, в общем, относится к аналогичным экспериментам в Венеции, Генуе, Гамбурге и Нюрнберге.) Нужно, однако, помнить урок, содержащийся в работе столетней давности одного голландского автора, посвященной Китаю. Он заметил о бумажных деньгах, обращавшихся тогда в той части мира, что *"поскольку они не являются законным средством платежа и не предоставлены попечению государства, они повсюду принимаются как деньги"* [62]. Именно правительствам мы обязаны тем, что сегодня в пределах данных национальных территорий общепринятым является только один вид денег. Но желательно ли это, и могут ли люди, поняв собственную выгоду, получить лучшие деньги безо всякого шума вокруг "законного тендера" - вопрос открытый. Более того, "законное средство платежа" (*gesetzliches Zahlungsmittel*), не обязательно должно быть точно определено законом. Достаточно, если закон позволяет судье решать, в каких именно деньгах должен быть уплачен тот или иной долг.

80 лет назад с позиций здравого смысла дело очень ясно изложил выдающийся сторонник либеральной экономической политики, юрист, статистик и высокопоставленный государственный чиновник лорд Фаррер. В работе, написанной в 1895 г. (Lord Farrer [17], p.43.), он признал, что если нации "...ограничиваются введением стандартной единицы законного платежного средства (принятой ценности), не будет ни нужды, ни возможности для действия какого-то специального закона о законных платежных средствах. Обычное договорное право делает все необходимое безо всякого закона, приписывающего особое значение тем или иным видам денег. Допустим, мы приняли за единицу, или стандарт ценности, золотой соверен. Если я обещал уплатить 100 соверенов, нет нужды в каком-то специальном правовом акте о законном тендере, гласящем, что я обязан уплатить 100 соверенов и что, если у меня потребуют уплаты 100 соверенов, я не могу расплатиться по этому обязательству чем-либо еще".

Исследовав типичные случаи применения понятия законного платежного средства, лорд Фаррер заключает: "Глядя на приведенные случаи применения закона (или, скорее, злоупотребления законом) о законном платежном средстве... мы видим, что в них есть

одна общая черта - а именно, что закон во всех случаях разрешает должнику .уплатить и требует от кредитора принимать другое средство платежа, не предусмотренное контрактом. В сущности, это насильственная и неестественная конструкция, навязанная людям, заключающим сделки, произвольной властью". (Ibid, p. 45. *Locus classicus* 110 этому вопросу - это рассмотрение Карлом Менгером в 1892 г. [43a] законного средства платежа под более подходящим немецким эквивалентом *Zwangskurs*, (навязанный курс) работа, которая, несомненно, повлияла на формирование моих взглядов, хотя я забыл об этом, когда писал первый вариант настоящего доклада. См. стр. 98-106 репринта, особенно стр. 101, где *Zwangskurs* описан как "средство, навязанное обращению или искусственно удерживаемое в нем, посредством осуществляемых вопреки воле населения злоупотреблений монетной или банкнотной прерогативой, вызывающих к жизни патологические средства обращения", и стр. 104, на которой Менгер определяет его как "узаконенное принуждение принимать в уплату денежного долга виды денег, относительно которых между сторонами не было ни письменных, ни подразумеваемых договоренностей, и обладающих такой установленной ценностью, которую бы они не имели в случае свободного обращения". Особенно интересна также первая сноска на стр. 102, где Менгер указывает, что в течение первой половины 19-го столетия на этот счет существовало почти полное единство мнений среди либеральных экономистов, тогда как во второй половине под влиянием юристов (по-видимому, германских) экономисты ошибочно начали рассматривать *legal tender* как атрибут совершенных денег.)

К этому лорд Фаррер добавляет несколько строк, о том, что любой закон о законном платежном средстве по природе своей "является подозрительным" (Ibid., p. 47).

"Законное платежное средство" как источник неопределенности

Истина состоит в том, что "*legal tender*" есть просто дозволенное законом средство заставить людей принимать в уплату по контракту что-то, что они не собирались принимать, когда заключали контракт. При некоторых обстоятельствах это становится фактором, усиливающим неопределенность деловых операций и состоит, как заметил в этой связи лорд Фаррер "...в подмене свободного заключения добровольных контрактов и закона, просто обязывающего соблюдать условия таких контрактов, искусственной конструкцией, которая никогда не пришла бы в голову сторонам, если бы не навязывалась им произвольным законом".

Все это ясно видно на примере того исторического периода, когда выражение "*legal tender*" стало широко применяться в качестве определения денег. На печально известных "процессах о законном средстве платежа" в Верховном Суде Соединенных Штатов после Гражданской войны, стоял вопрос о том, должны ли кредиторы принимать доллары по текущему курсу "доллар за доллар" в уплату за деньги, данные займы, когда доллар имел намного более высокую ценность (ср. Nussbaum [50], pp. 586-592.). Та же проблема стала еще острее в конце эпохи великих европейских инфляций после Первой мировой войны, когда, даже в крайнем случае с немецкой маркой, принцип "марка есть марка" применялся до самого конца - хотя позже были предприняты некоторые попытки предложить ограниченную компенсацию наиболее пострадавшим. (В Австрии после 1922 г. имя "Шумпетер" стало среди простых людей почти ругательством из-за следования принципу "крона есть крона". Экономист И. Шумпетер в течение своего краткого пребывания на посту министра финансов дал свое имя указу правительства, лишь кратко излагавшему действующий в то время закон и гласившему, что долги, взятые в кронах тогда, когда крона имела более высокую ценность, могут быть выплачены в обесцененных кронах,

имевших, в конечном счете, лишь 1/15000 первоначальной стоимости.)

Налоги и контракты

Правительство, конечно, должно быть вправе определять, в каких денежных единицах должны уплачиваться налоги, и заключать контракты в любых единицах по своему выбору (таким образом, оно может поддерживать валюту, которую выпускает или желает укрепить). Но трудно найти объяснение тому, почему оно должно отвергать другие счетные единицы в качестве основы при определении налогов. В недоговорных платежах, таких, как возмещение ущерба или компенсация в случае гражданского правонарушения, валюту, в которой надлежит выплачивать компенсацию, должен был бы определять суд, возможно вырабатывая при этом новые правила. Однако здесь нет необходимости в каком-либо специальном законодательстве.

Реальная трудность, возникающая при замене выпускаемой правительством денежной единицы другой, имеет место в случае, когда правительство перестает существовать в результате завоевания, революции или распада страны. Новое правительство обычно устанавливает специальный правовой режим для частных контрактов, выраженных в единицах исчезнувшей валюты. Если частный эмиссионный банк прекращает операции и становится неспособным выкупить эмитированные им обязательства, скорее всего его "валюта" лишается ценности и ее держатели не могут предъявить требование о возмещении, обеспеченное правовой санкцией. Суды, однако, могут решить, что в подобном случае обязательства, выраженные в данной денежной единице, по контрактам между третьими лицами, заключенными еще в тот период, когда были основания надеяться на ее стабильность, должны быть исполнены в какой-то другой валюте, использование которой в наибольшей степени соответствует предполагаемым намерениям участников контракта.

VI. ПУТАНИЦА ВОКРУГ ЗАКОНА ГРЭШЕМА

Непонимание так называемого закона Грэшема приводит к убеждению, что правительственная монополия необходима из-за существования тенденции к вытеснению хороших денег плохими. Именно для того, чтобы доказать этот тезис, выдающийся экономист У. С. Джевонс выразил Закон Грэшема в очень категоричной форме: лучшие деньги не в состоянии вытеснить худшие. Правда, он утверждал это, возражая философу Герберту Спенсеру, который предлагал сделать чеканку золотых монет открытой для свободной конкуренции в то время, когда допускалось только два вида различных валют - золотые и серебряные монеты. Возможно, Джевонс, которого привел в экономическую науку опыт работы пробирным мастером на монетном дворе, еще меньше, чем большинство его современников, принимал всерьез возможность существования какого-либо иного вида денег. Но как бы то ни было, негодование по поводу спенсеровского предложения о том, что мы могли бы доверить "какой-нибудь Heaton and Sons, или какой-нибудь другой предприимчивой бирмингемской фирме снабжать нас соверенами и шиллингами на свой страх и риск и ради собственной прибыли подобно тому, ...как мы доверяем бакалейщику снабжать нас пачками чая, а булочнику - булками хлеба" (W. S. Jevons [34], p. 64, о его возражениях Герберту Спенсеру [57].), привело Джевонса к категоричному заявлению, что, по его мнению, вообще "нет ничего, менее подходящего для конкуренции, чем деньги". (Ibid., p. 65. Еще раньше характерную попытку оправдать неприменимость к банковской деятельности и эмиссии банкнот общего принципа защиты свободного предпринимательства можно найти в датированных 1837 г. работах С. Дж.

Лойда (позднее лорда Оверстоуна) [38], р. 49: "Обычные преимущества конкуренции для общества состоят в том, что она возбуждает изобретательность и усердие производителей, и, таким образом, обеспечивает наилучшее снабжение общества товарами в должном количестве и по самой низкой цене, в то время как беды, возникающие из-за ошибок или просчетов производителей, падают на них самих, а не на публику. В отношении бумажных денег общественный интерес, однако, заключается совсем в ином: последовательное и равномерное регулирование их объема твердым законом есть цель, к которой следует стремиться, а вредные последствия любой ошибки или просчета в этом случае падают в гораздо большей степени на публику, чем на эмитента". Очевидно, что Лойд думал только о возможности выпуска *одной и той же* валюты различными агентствами, а не о *разных валютах*, конкурирующих между собой.)

Интересно, что даже Герберт Спенсер проповедовал ограниченный принцип, согласно которому частному предприятию должно быть позволено производить тот же вид денег, что и выпускавшийся тогда правительством, а именно золотую и серебряную монету. Видимо, он считал их единственным видом денег, который имеет смысл принимать во внимание. Как следствие этого, Спенсер считал, что между правительственными и частными деньгами должны быть установлены фиксированные обменные курсы (а именно 1:1 для монет одного веса и пробы). В этих условиях, если какой-нибудь производитель начнет поставлять низкопробные деньги, закон Грэшема, действительно, должен сработать. Совершенно очевидно, что Джевонс имел в виду именно это, так как он обосновывал свое осуждение предложения Спенсера следующим образом: "...хотя во всех других делах люди, руководствуясь собственным интересом, выбирают лучшее и отвергают худшее, в случае денег они, как представляется, парадоксальным образом сохраняют худшее и избавляются от лучшего" (ibid., р. 82. Фраза Джевонса неудачно построена, так как в буквальном смысле закон Грэшема, конечно, проявляется в том, что люди избавляются от худшего, прибегая к лучшему для иных целей).

Джевонс, как и многие другие, проглядел или счел несущественным, что закон Грэшема применим *только* к различным видам денег, твердый обменный курс между которыми устанавливается *законом* (ср.: Hayek [30] и Fetter [17a]). Если закон делает два вида денег полностью взаимозаменяемыми при выплате долгов и заставляет кредиторов принимать монету с меньшим содержанием золота вместо монеты с большим содержанием, должники, разумеется, будут уплачивать долги только монетами первого типа и найдут более прибыльное применение для второго.

В отличие от случая с установленными законом фиксированными обменными курсами, при плавающих обменных курсах деньги худшего качества будут цениться ниже, и люди будут стараться избавиться от них как можно быстрее, в особенности, если существует угроза дальнейшего падения их ценности. Процесс отбора будет продолжаться до тех пор, пока люди не придут к наилучшему виду денег среди выпускаемых разными агентами. В ходе этого процесса быстро произойдет вытеснение тех денег, которые считаются неудобными или ничего не стоящими. (Если Грэшем, как его иногда цитируют, действительно утверждал, что лучшие деньги вообще никогда не могут вытеснить худшие, он был просто не прав во всех отношениях, если только мы не примем в расчет его нигде явно не сформулированное допущение о принудительно устанавливаемом *фиксированном* обменном курсе.) Действительно, во всех случаях, когда инфляция раскручивается по-настоящему, любые предметы, обладающие более стабильной ценностью, от картошки до сигарет и коньяка, от яиц до иностранной валюты (например, долларовых банкнот),

начинают все шире использоваться в качестве денег. (Ср.: Bresciani-Turroni [7], p. 174: "В условиях, характеризующихся большим недоверием к национальной валюте, принцип закона Грэшема превращается в свою противоположность и *хорошие деньги вытесняют плохие*, а ценность последних постоянно падает". Но даже Брешиани-Туррони не указывает, что решающее отличие состоит не в "большом недоверии", а в наличии или отсутствии принудительно установленных и эффективно контролируемых фиксированных обменных курсов.) Так происходило к концу великой германской инфляции, когда было признано, что закон Грэшема ошибочен. Но это неверно. На самом деле он не ошибочен. Просто этот закон имеет место лишь в том случае, когда между различными видами денег установлен *фиксированный обменный курс*.

VII. ОГРАНИЧЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ВАЛЮТ И ТОРГОВЫХ МОНЕТ (TRAD COINS)

Во времена, когда монеты из драгоценных металлов оставались единственным реальным и общепринятым видом денег, и пока все близкие заменители денег подлежали, по меньшей мере, размену на них (медь сравнительно рано была низведена до материала для вспомогательной мелкой монеты), единственными разновидностями сосуществовавших видов денег были золотые и серебряные монеты.

Все множество монет, с которыми приходилось иметь дело менялам прежних времен, сводилось, в конечном итоге, к этим двум разновидностям, и их относительная ценность в пределах каждой группы определялась содержанием одного или другого металла (которое мог определить специалист, но не рядовой человек). Большинство правителей в законодательном порядке пытались установить фиксированный обменный курс между золотыми и серебряными монетами, создавая тем самым то, что впоследствии было названо системой биметаллизма. Но поскольку, несмотря на очень ранние предложения о фиксации этого курса посредством системы международных договоров (В 1582 г. его выдвинул Г. Скаруффи (G. Scaruffi [57])), правительства все же устанавливали разные обменные курсы, каждая страна шла к потере всех монет из того металла, который она недооценила относительно курсов других стран. В результате эта система была впоследствии более правильно названа системой альтернативного стандарта, поскольку ценность валюты в ней зависела от металла, ценность которого в данное время была завышена. Незадолго перед тем, как во второй половине XIX столетия эту систему, наконец, отвергли, была сделана последняя попытка установить единый международный обменный курс золота к серебру равный 1:15,5. Эта попытка могла быть успешной до тех пор, пока не происходило больших изменений в объемах добычи этих металлов. Поскольку основная часть совокупных запасов обоих металлов использовалась в виде монет, их приток или отток из сферы денежного обращения мог бы, вероятно, вести к установлению их относительной ценности на уровне того курса, по которому они должны были легально обмениваться в качестве денег на законном основании.

Параллельные валюты

В некоторых странах, однако, золото и серебро также обращались одновременно в течение длительных периодов бок о бок, но при этом их относительная ценность колебалась вместе с изменением условий. Такая ситуация сложилась, например, в Англии с 1663 по 1695 гг., когда, наконец, установив декретом обменный курс между золотыми и серебряными монетами с завышением ценности золота, Англия неумышленно установила золотой стандарт (A.E. Feaveryear [16], p.142). Позже один ученый из Ганновера, где такая

система просуществовала до 1857 г., назвал одновременное обращение монет из двух металлов без фиксированного обменного курса между ними системой параллельных валют (*Parallelwahrung*), чтобы отличить ее от биметаллизма (H. Grote [23]).

Совместное обращение золотых и серебряных монет - это единственная когда-либо широко использовавшаяся форма параллельного обращения валют. Но эта система оказалась на редкость неудобной по одной специфической причине. Поскольку большую часть времени равное по весу количество золота было более чем в 15 раз дороже серебра, очевидно, его необходимо было использовать для крупных денежных единиц, тогда как серебро - для более мелких монет, а медь для мелочи. Но при изменениях ценности монет из разного металла монеты меньшего достоинства не могли составлять постоянной доли от крупных. Иными словами, золотые и серебряные монеты выступали как элементы разных денежных систем, причем одна из этих систем оказывалась лишенной монет крупного достоинства, а другая - мелкого. (В Средние века золотые монеты, выпускавшиеся крупными торговыми республиками Италии, некоторое время широко использовались в международной торговле и довольно длительный период содержали постоянное количество золота; в то же время мелкие монеты, в основном из серебра, используемые в местной розничной торговле, постоянно страдали от прогрессирующего обесценения.) Это делало проблемой любой пересчет крупных единиц в мелкие и никто не был способен, даже ради собственных интересов, придерживаться одной счетной единицы.

За исключением отдельных случаев из недавней истории Юго-Восточной Азии (G. Tullock [59], [60]; ср.: V. Klein [35]), похоже, едва ли найдется много примеров конкурентного обращения валют, и память о параллельном обращении золотых и серебряных монет наградила эту систему довольно плохой репутацией. Она, тем не менее, представляет интерес тем, что это единственный важный исторический эпизод, когда проявились некоторые проблемы, неизбежно возникающие при использовании конкурентных валют. Не последняя по значимости среди них заключается в том, что понятие *количества* денег какой-либо страны или территории при такой системе не имеет смысла, так как складывать количества различных денег в обращении можно только после того, как нам стала известна относительная ценность разных денежных единиц.

Торговые монеты

Другие случаи использования различных торговых монет не слишком отличаются от рассмотренных выше, будучи чуть более сложными. (Полезную сводку информации о торговых монетах см.: Nussbaum [50], p. 315 Tullock [59], [60]; ср.: V. Klein [35].) Это - талер Марии-Терезы в районе Красного моря и мексиканский доллар в ряде стран Дальнего Востока, а также случаи одновременного обращения двух или более национальных валют в некоторых пограничных районах и центрах туризма. В сущности, наш опыт так ограничен, что нам остается только вернуться к обычной практике классической экономической теории. На основе того, что нам известно о человеческом поведении в соответствующих ситуациях, мы попытаемся поставить мысленный эксперимент: что произойдет, если множество людей столкнется с новыми альтернативами?

VIII. ВВЕДЕНИЕ В ОБРАЩЕНИЕ ЧАСТНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ

В ходе обсуждения ниже я буду исходить из предположения о том, что в разных регионах

мира можно создать ряд учреждений, имеющих право свободно выпускать конкурирующие банкноты и счета до востребования, деноминированные в своих собственных, "частных" единицах. Я буду называть эти учреждения просто "банками", и "эмиссионными банками" в случаях, когда понадобится отличать их от других банков, предпочитающих не выпускать банкноты. Далее я предполагаю, что наименование единицы, которое банк выбирает для эмиссии, будет защищено от использования без разрешения как защищена фирменная или торговая марка и что будет обеспечена такая же защита от подделок, как в случае любых других документов. Эти банки будут соперничать за использование публикой выпускаемых ими денег, стараясь сделать их как можно более удобными в употреблении.

Частный швейцарский "дукат"

Поскольку читатели, вероятно, сразу же спросят, каким образом такие банкноты могут начать повсеместно приниматься в качестве денег, вероятно лучше всего пояснить, как бы действовал я, если бы руководил, скажем, одним из ведущих швейцарских коммерческих акционерных банков. Допуская, что это юридически возможно (хотя специально вопрос об этом мной не изучался), я объявил бы об эмиссии беспроцентных сертификатов или векселей и о готовности открывать текущие чековые счета в денежной единице с зарегистрированным торговым наименованием, скажем, "дукат". Единственное юридическое обязательство, которое я бы на себя брал, состояло бы в следующем: осуществлять погашение этих банкнот или выдачу средств с текущих счетов по выбору держателя - по курсу либо 5 швейцарских франков, либо 5 германских марок, либо 2 доллара США за дукат. Этот курс, однако, должен был бы рассматриваться только как предел, ниже которого не может упасть ценность моей денежной единицы, ибо одновременно я объявил бы о своем намерении регулировать количество дукатов таким образом, чтобы сохранять их (точно определенную) покупательную способность как можно более постоянной. Далее, я объяснил бы публике, что полностью осознаю, что могу надеяться сохранить свои дукаты в обращении, только если выполню свое обязательство о практически постоянной реальной ценности дуката. Я объявил бы также, что предполагаю время от времени устанавливать точный товарный эквивалент, в терминах которого я намерен поддерживать ценность дуката постоянной, сохраняя за собой право, после предварительного сообщения, изменять состав товарного стандарта в соответствии с приобретенным опытом и выявленными предпочтениями публики. Хотя принятие эмиссионным банком юридических обязательств по поддержанию постоянной ценности своей денежной единицы не представляется ни необходимым, ни желательным, он должен будет, однако, в своих кредитных договорах специально оговаривать, что любой заем может быть погашен либо по номинальной стоимости в собственной валюте банка, либо соответствующими суммами в другой валюте или валютах, достаточными для того, чтобы купить на рынке товарный эквивалент, который использовался в качестве стандарта на момент предоставления кредита. Поскольку банк должен выпускать свою валюту в основном путем предоставления кредитов, а заемщиков вполне может отпугнуть формальная возможность того, что банк произвольно поднимет ценность своей валюты, они должны быть явным образом защищены от этой опасности.

Такие сертификаты и векселя, или эквивалентные им кредиты в безналичной форме станут доступны для публики посредством предоставления краткосрочных ссуд и/или продаж их за другие валюты. Дукаты будут, вероятно, с самого начала продаваться с премией сверх ценности любой из валют, за которую они могут быть куплены, вследствие

наличия права выбора, которое они воплощают в себе. По мере падения реальной ценности этих правительственных валют премия должна будет возрастать. Реальная стоимость дукатов при цене, по которой они были проданы впервые, должна служить стандартом, который эмитенту следует сохранять постоянным. Если существующие валюты по-прежнему будут обесцениваться (а доступность надежного альтернативного варианта вполне может ускорить этот процесс), то спрос на стабильную валюту должен быстро возрасти и вскоре возникнут конкурирующие предприятия, предлагающие аналогичные денежные единицы, но, естественно, с иными наименованиями.

Главной формой выпуска новой валюты первоначально должна стать продажа, осуществляемая в обычном порядке или на аукционах. После становления регулярного рынка валюта будет выпускаться в обращение только посредством обычных банковских операций, то есть через краткосрочное кредитование.

Постоянная, но не фиксированная ценность

Было бы целесообразно, чтобы эмиссионное учреждение с самого начала точно указало набор товаров, в рамках которого оно намерено сохранять ценность "дуката" постоянной. Но было бы ненужным и нежелательным, чтобы оно юридически связывало себя конкретным товарным стандартом. Изучение реакции публики на конкурирующие предложения постепенно покажет, какие комбинации товаров составляют самый желательный стандарт в любом данном месте и в данный момент времени. Изменения в степени важности товаров, объеме сделок по ним, относительной стабильности или чувствительности их цен (особенно в том, определяются они на конкурентном или неконкурентном рынке) подскажут те структурные сдвиги, которые сделают новую валюту более популярной. Не углубляясь в детали, могу сказать, что по причинам, которые будут разьяснены ниже (см. XIII), набор, базирующийся на ценах сырьевых товаров, близкий к тому, что был предложен для товарного резервного стандарта (ср.: Наук [30], pp. 318-320.), кажется наиболее подходящим как с точки зрения целей эмиссионного банка, так и для обеспечения стабильности экономики в целом.

Контроль за ценностью валюты с помощью конкуренции

Во многих отношениях предлагаемая система окажется наиболее реальным методом достижения всего того, что ожидается от товарного резервного стандарта или какой-либо другой разновидности "табличного стандарта". (Т.е. стандарта заданного в форме таблицы, где в каждой строке указано наименование обмениваемого ресурса и курс обмена. - Прим. ред.) Отняв тем самым контроль у монопольного органа и доверив его заботам частных лиц, такая система в то же время устранила бы необходимость делать стандарт полностью автоматическим. Угроза быстрой потери всего бизнеса при неспособности оправдать ожидания (мы легко можем себе представить как любая правительственная организация стала бы злоупотреблять возможностями игры на ценах сырья!) обеспечит куда более сильный предохранитель против правительственной монополии, чем любое средство, которое можно было бы придумать. Конкуренция, безусловно, окажется более эффективным ограничителем, заставляющим эмиссионные учреждения поддерживать ценность своей валюты постоянной (в рамках заявленного набора товаров), чем любое обязательство об обмене валюты на эти товары, или на золото. И этот метод был бы бесконечно дешевле, чем накопление и хранение материалов, представляющих ценность.

То доверие, на которое будут опираться частные банки, не должен слишком отличаться от доверия, на которое сегодня опираются все частные банки (или, опирались еще недавно, как в Соединенных Штатах, до введения системы государственного страхования депозитов). Сегодня люди верят, что банк для того, чтобы сохранить свой бизнес, станет вести свои дела так, чтобы в любое время быть в состоянии выдавать по вкладам до востребования наличные деньги, хотя известно, что у банков не хватит наличности произвести такую операцию, если все решат воспользоваться своим правом и потребуют незамедлительной выплаты одновременно. Аналогичным образом, в рамках предлагаемой схемы, управляющие банков поняли бы, что их бизнес зависит от несокрушимой веры людей в то, что банк будет продолжать регулировать выпуск дукатов (или других единиц) таким образом, чтобы их покупательная способность оставалась примерно постоянной.

Не слишком ли велик, однако, риск такого предприятия для того, чтобы привлечь к участию в нем людей консервативного склада, людей, участия которых оно, вероятно, потребует для успешного ведения дел? (Вопрос о степени его привлекательности отчасти затрагивается Стэнли Фишером [18], когда он говорит о всем известном нежелании предприятий выпускать индексированные облигации. Правда, постепенный рост ценности (в других конкурирующих валютах) банкнот, выпускаемых банком, может создать ситуацию, в которой совокупная стоимость находящихся в обращении банкнот (плюс другие обязательства) превысит его активы. Банк, конечно, не должен юридически быть обязан выкупать свои банкноты по такой стоимости, но чтобы сохранить свой бизнес, он должен сразу же покупать по текущему курсу все свои предлагаемые ему банкноты. Пока банку удастся поддерживать реальную ценность своих банкнот ему никогда не потребуется выкупать больше незначительной их части. Вероятно, никто не будет сомневаться, что торговец гравюрами, владеющий досками знаменитого художника, мог бы, пока художник остается модным, поддерживать рыночную ценность его гравюр, расчетливо продавая и покупая, хотя он никогда не мог бы выкупить все существующие оттиски. Банк, подобным же образом, вполне мог бы поддерживать ценность своих банкнот, хотя никогда не смог бы выкупить их все.) Нельзя отрицать, что, будучи раз объявленным и принятым, решение об уровне обязательств, перестанет целиком зависеть от эмиссионного учреждения. Чтобы достичь объявленной цели поддержания постоянной покупательной способности своей валюты, ее объем должен быстро адаптироваться к любому изменению спроса, его повышению или понижению. В самом деле, пока банк успешно поддерживает постоянную ценность своей валюты, нечего опасаться внезапного крупного сокращения спроса на нее (хотя преуспевающие конкуренты вполне могут совершать на него серьезные набеги). Самым затруднительным может оказаться быстрый рост спроса, переходящий границы, которых предпочло бы придерживаться частное учреждение. Но мы можем быть вполне уверены, что в случае такого успеха новые конкуренты вскоре освободят банк от этой головной боли.

Эмиссионный банк мог бы вначале, без излишних издержек держать наличность в размере 100-процентного резерва валют, в которые должен осуществляться размен его банкнот. При этом получаемая премия могла бы использоваться и для других целей. Но поскольку валюты, используемые для резервирования, в результате инфляции будут обесцениваться относительно дуката, банк должен быть готов к тому, чтобы поддерживать ценность дуката, выкупая значительные объемы дукатов по господствующему более высокому обменному курсу. Это означает, что банк должен быть действительно способен быстро переводить в ликвидную форму значительные капиталы. Поэтому свои инвестиции он должен выбирать очень тщательно, чтобы временный скачок спроса на его валюту не

привел к неприятностям позже, когда банку-инициатору придется делить рынок с другими банками-подражателями. Кстати, найти инвестиции гарантированной стабильной ценности при сохранении возможности покрытия подобных обязательств для такого банка будет делом не столь уж трудным, как это представляется сегодняшним банкирам: все ссуды, предоставленные в собственной валюте банка, будут, конечно, являться такими стабильными активами. Любопытный факт, что такой эмиссионный банк будет иметь активы и пассивы в денежной единице, ценность которой он определяет сам (хотя он и не может делать это произвольно или непредсказуемо, не разрушая тем самым основу своего бизнеса), может поначалу вызывать беспокойство, но в действительности он не будет создавать трудностей. Проблемы учета, которые могут вначале показаться головоломными, по большей части снимаются, если вспомнить, что такой банк, разумеется, должен вести счета в своей собственной валюте. Выпущенные в обращение банкноты и депозиты такого банка не образуют требований к нему в каких-то других единицах стоимости; он сам определяет ценность единицы, в которой исчисляет активы и пассивы и ведет свои бухгалтерские книги. Это перестанет казаться шокирующим, если мы вспомним, что практически все центральные банки делали ровно то же самое в течение почти полувека, хотя их банкноты, естественно, не имели абсолютно никакого покрытия. Однако, банкноты, ценность которых может повышаться относительно большинства других капитальных активов, действительно могут поставить перед бухгалтерами проблемы, с которыми им прежде никогда не приходилось сталкиваться. Первоначально эмиссионный банк будет, конечно, юридически обязан обменивать свою валюту на другие, по отношению к которым ее ценность была определена в момент выпуска. Но после того, как эта валюта просуществует некоторое время, ценность других валют может резко упасть, или они могут быть вообще изъяты из обращения. (Действительные трудности могли бы возникнуть, если бы на внезапное сильное повышение спроса на такую стабильную валюту, например, из-за острого экономического кризиса, пришлось бы отвечать продажей больших ее объемов в обмен на другие валюты. Банк должен, конечно, помешать такому повышению ее ценности и может добиться этого, только расширяя предложение своей валюты. Но ее продажа в обмен на другие валюты приведет, скорее всего, к обесценению активов банка в собственной валюте. Банк, вероятно, не сможет очень быстро увеличить объем краткосрочных кредитов, даже предлагая их по очень низкой процентной ставке (хотя в такой ситуации было бы безопасней предоставлять ссуды даже с небольшой отрицательной процентной ставкой, чем продавать свою валюту в обмен на другие). И, по-видимому, было бы возможно предоставлять долгосрочные ссуды под очень низкий процент с обеспечением имеющими хождение ценными бумагами (в единицах собственной валюты), которые можно будет легко продать, если внезапный рост спроса на валюту этого банка так же быстро сменится падением.)

IX. КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ БАНКАМИ, ВЫПУСКАЮЩИМИ РАЗНЫЕ ВАЛЮТЫ

Предположение, что снабжение деньгами нельзя доверить конкуренции, считалось бесспорным настолько долго, что, вероятно, немногие люди могут объяснить, почему это так. Как мы видели, объяснение, по-видимому, состоит в том, что обычно предполагается, будто в стране должен быть только *один* единый вид валюты, а конкуренция означала бы, что совокупный объем денежной массы определяется несколькими агентствами, действующими независимо. Ясно однако, что было бы непрактично разрешать выпускать на конкурентной основе денежные знаки одного и того же наименования, свободно

обмениваемые между собой, ибо никто не смог бы контролировать их количество и, следовательно, отвечать за их ценность. Вопрос состоит в том, не предоставит ли в распоряжение публики конкуренция между эмитентами, выпускающими легко отличимые друг от друга виды валют, измеренные в *разных* единицах, такие деньги, которые будут лучшими, чем мы когда-либо имели. А ведь связанные с этим преимущества вполне могут перевесить неудобства от использования более чем одной валюты (с которыми, впрочем, большинству из нас даже не придется сталкиваться).

В таких условиях ценность валюты, выпускаемой одним банком, не обязательно станет реагировать на предложение других валют со стороны других банков (частных или правительственных). Во власти любого эмитента некоторой валюты должно быть регулирование ее количества таким образом, чтобы сделать ее наиболее приемлемой для публики - и конкуренция заставит его поступать именно так. В самом деле, он будет понимать, что наказанием за неспособность оправдать ожидания будет скорый крах бизнеса. Успешное вхождение в такой бизнес будет, очевидно, весьма прибыльным предприятием, а успех будет зависеть от укрепления надежности и веры в то, что банк способен и полон решимости реализовать заявленные им намерения. Похоже, в такой ситуации простое стремление к выгоде сможет дать деньгам лучшее обеспечение, чем любое обеспечение когда-либо дававшееся правительствами. (Кроме банкнот и чековых депозитов, в качестве собственной, отличной от других валюты эмиссионный банк, очевидно, должен также обеспечивать наличие мелкой разменной монеты с номиналом в долях основной единицы. Доступность удобных мелких монет вполне может стать важным фактором популярности валюты. Привычка пользоваться одним и тем же видом монет (особенно в торговых автоматах, при оплате транспорта, для чаевых и проч.), вероятно, может обеспечить какой-либо одной валюте преобладание в розничной торговле в той или иной местности. Эффективная конкуренция между разными валютами будет, вероятно, ограничена в основном сделками между предприятиями, а розничная торговля будет следовать их решениям о том, в какой валюте лучше выплачивать заработную плату.

Определенные проблемы могут возникнуть там, где нынешняя торговая практика основана на единообразном использовании нескольких относительно мелких стандартных монет (торговые автоматы, городской транспорт, таксофоны). Вероятно, даже в тех районах, где будет использоваться несколько разных валют, доминировать станет одна разновидность мелких монет. Если, как кажется вероятным, большинство конкурирующих валют будут поддерживаться при практически одинаковой ценности, техническая проблема обеспечения мелкими монетами может быть решена множеством способов. Например, одна организация - скажем, ассоциация розничных торговцев • может специализироваться на выпуске стандартных монет со слегка колеблющимися рыночными ценами. Торговцы могут объединиться с предприятиями транспорта и связи данной местности, чтобы продавать по рыночным ценам и, вероятно, через банки общий набор монет для всех автоматов на ее территории. Мы, несомненно, можем ожидать, что коммерческая изобретательность быстро справится с подобными мелкими трудностями. Другим возможным путем может стать замена нынешних монет пластиковыми жетонами с электронными отметками, которые любой кассовый или торговый автомат способен считывать, а "подпись" на них можно юридически защитить от подделки, как и любую другую ценную бумагу.)

Последствия конкуренции

Мне представляются достаточно очевидными следующие положения:

а) спрос на деньги, покупательная способность которых, согласно прогнозам должна оставаться на одном уровне, будет устойчивым так долго, как долго люди могут свободно использовать эти деньги;

б) в условиях такого устойчивого спроса, зависящего от успешного поддержания ценности валюты на постоянном уровне, можно полагать, что эмиссионные банки станут предпринимать все возможное для достижения этой цели и сделают это лучше, чем любой монополист, который ничем не рискует, обесценивая свою валюту.

в) эмитент может достичь этого результата, регулируя количество выпускаемых им денег;

г) такое регулирование количества каждой из валют стало бы наилучшим из всех доступных методов контроля за количеством средств обмена для любых возможных целей.

Ясно, что нескольким конкурирующим эмитентам различных валют придется конкурировать друг с другом, предлагая их в качестве денег, используемых в кредитных или торговых операциях. Если конкурирующие эмитенты убедительно продемонстрируют, что их валюты больше подходят для нужд общества, чем валюта, которую когда-либо выпускало правительство, не будет никаких препятствий к их всеобщему признанию и предпочтению правительственным валютам - по крайней мере, в странах, где правительства устранят все препятствия к использованию частных денег. Появление и расширение использования новых валют, очевидно, снизит спрос на существующие национальные валюты и, если объем этих последних не будет быстро уменьшен, произойдет их обесценение. По мере развития этого процесса постепенно будут вытесняться все ненадежные валюты. Условие, необходимое для прекращения процесса вытеснения правительственных денег, пока они совсем не исчезли из обращения, состоит в том, чтобы правительство пересмотрело свой подход и следило за тем, чтобы эмиссия его валюты регулировалась теми же принципами, что и эмиссия валют конкурирующих частных учреждений. Маловероятно, что правительство в этом преуспеет, поскольку, чтобы помешать ускоряющемуся обесценению своей валюты, оно должно будет реагировать на новые валюты быстрым сокращением собственной эмиссии (или даже изымать деньги из обращения - прим. русск. ред.).

"Тысяча ищек": бдительная пресса

Конкуренцию между эмиссионными банками можно резко обострить с помощью тщательного наблюдения за их поведением со стороны прессы и валютной биржи. Любая информация, необходимая для принятия столь важного для бизнеса решения, а именно, какую валюту использовать в контрактах и расчетах, должна ежедневно публиковаться в финансовой прессе и предоставляться самими эмиссионными банками для сведения публики. В самом деле, тысяча ищек будет преследовать несчастного банкира, не успевшего отреагировать достаточно быстро, чтобы обеспечить устойчивую ценность выпускаемой им валюты. Газеты, вероятно, стали бы ежедневно публиковать не только текущие обменные курсы валют, но также и таблицы их текущей ценности и отклонений каждой из них от объявленного товарного стандарта стоимости. Таблицы могут выглядеть примерно как Таблица I (инициалы гипотетического эмиссионного учреждения даются в

скобках после названия валюты).

Ничто не будет вызывать большего страха у банкиров, чем возможность увидеть в газете котировки своей валюты, напечатанные жирным шрифтом и указывающие на то, что ее реальная ценность упала ниже стандарта допустимых отклонений, установленного данным финансовым изданием.

ТАБЛИЦА I *Иллюстрация возможных текущих отклонений в ценности валют*

Наименование валюты	Отклонение от	
	Объявленного стандарта (%)	Нашего контрольного стандарта (%)
Дукаты (SGB)	-0.04	-0.04
Флорины (FNB)	+0.02	+0.03
Менгеры (WK)	+0.10	+0.10
Пиастры (DBS)	-0.06	-0.12
Реалы (CNB)	-1.02	-1.01
Шекели (OKT)	-0.45	-0.43
Таланты (ATBC)	+0.26	+0.02

Три вопроса

Эта беглая зарисовка развития конкуренции между несколькими частными эмиссионными учреждениями требует ответов на ряд вопросов, которые мы подробнее рассмотрим в последующих разделах.

Во-первых, всегда ли конкурирующее эмиссионное учреждение будет способно регулировать ценность своей частной валюты путем контроля за ее количеством, с тем, чтобы сделать ее привлекательнее остальных, и насколько другие эмитенты будут в состоянии помешать этим усилиям?

Во-вторых, валюте с какой ценностью (или с какими иными свойствами) отдаст предпочтение публика, если разные банки объявят (и продемонстрируют свою способность выполнить), что они намерены поддерживать постоянной объявленную ценность своих валют?

Третий, и не менее важный вопрос: будет ли тот вид денег, который большинство людей выберет на основе своих индивидуальных предпочтений, наилучшим образом служить также и их общим целям? Несмотря на кажущуюся очевидность, здесь не обязательно должно быть полное совпадение. Можно себе представить, что успех усилий отдельных

людей будет зависеть не только от того, какими деньгами пользуются они сами, но и от последствий использования этих денег другими, и выгоды, которые они извлекут для себя при пользовании каким-либо конкретным видом денег, могут существенно перекрываться отклонениями, порождаемыми использованием этих денег всем обществом. Я не верю в то, что это будет иметь место в нашем случае, однако вопрос, несомненно, требует подробного исследования.

Прежде чем продолжить обсуждение взаимодействия между валютами, уместно будет посвятить раздел более точному определению того, что мы понимаем под деньгами, или валютой, и их различными видами, а также возможным отличиям валют друг от друга.

Х. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕНЕГ - ОТСТУПЛЕНИЕ

Деньги обычно определяются как *единственное* принимаемое всеми средство обмена. (Это определение было дано Карлом Менгером [43], работа которого избавила нас, наконец, от средневекового представления, согласно которому деньги или их ценность считались творением государства. [62, р. 9], сообщает, что в древности китайцы выражали свои представления о деньгах термином, означающим буквально "текущие товары". Выражение, широко принятое теперь - "деньги есть наиболее ликвидный актив", означает, конечно, то же самое (как указал Карлайл [8] еще в 1901 г.). Служить повсеместно принятым средством обмена - единственная функция, которую объект должен выполнять, чтобы называться деньгами, хотя общепринятое средство обмена, вообще говоря, приобретает также дополнительные функции: счетной единицы, средства сохранения ценности, средства отсроченного платежа и др. Однако определение денег как "средства платежа" представляет собой, с точки зрения логики, замкнутый круг, поскольку оно уже предполагает, что долги делаются в денежном выражении (ср.: L. v. Mises [45], p. 34 ff.).

Определение денег как всеми принимаемого средства обмена, конечно, не обязательно означает, что даже в пределах одной национальной территории должен быть один-единственный вид денег, принимаемый шире, чем все остальные; возможно, существование нескольких принимаемых наравне друг с другом видов денег (их удобнее назвать валютами), особенно если есть возможность быстро обменять один вид на другой по какому-то, может быть, и не фиксированному, курсу.) Нет, однако, никаких причин, почему в данном сообществе должен существовать единственный принятый всеми (или хотя бы широко распространенный) вид денег. В австрийском приграничном городке, где я прожил последние несколько лет, лавочники и большинство других бизнесменов обычно принимают германские марки так же охотно, как и австрийские шиллинги, и только закон не позволяет германским банкам в Зальцбурге вести свой бизнес в германских марках, как они делают за 10 миль от города, на германской стороне границы. То же самое наблюдается в сотнях других туристических центров Австрии, посещаемых, в основном, немцами. В большинстве из них доллары принимают почти так же охотно, как германские марки. Я полагаю, что на обеих сторонах протяженных границ между США и Канадой, или между США и Мексикой, как и на многих других границах, ситуация не слишком отличается от австрийско-германской.

Но хотя в таких регионах каждый может охотно принимать несколько валют по текущему обменному курсу, некоторые люди могут использовать разные виды денег для создания ликвидных резервов, для заключения договоров с отсроченными платежами, или для целей учета. Сходным образом и общество в целом может реагировать на изменения в объемах различных валют.

Говоря о различных видах денег, мы имеем в виду денежные единицы разного наименования, ценность которых может взаимно колебаться. Эти колебания ценности нужно особо отметить, поскольку средства обмена могут отличаться между собой не только этим. Они могут также, даже будучи выражены в одной и той же денежной единице, сильно различаться по степени готовности к их приему (то есть по степени ликвидности - того самого качества, которое и делает их деньгами) или по составу групп, соглашающихся их принимать. Это означает, что различные виды денег могут отличаться друг от друга более чем по одному признаку.

Между деньгами и не-деньгами нет четкой границы

Это означает также, что расхожее представление, будто существует четкая разграничительная линия между деньгами и не-деньгами - а закон обычно пытается провести такое разграничение - на самом деле неверно, если говорить о причинно-следственных связях в денежной сфере. Мы обнаруживаем здесь скорее некий континуум, в котором объекты с разной степенью ликвидности и с разной (колеблющейся независимо друг от друга) ценностью постепенно переходят друг в друга постольку, поскольку они функционируют как деньги (ср.: J.R.Hicks [33]).

Я всегда находил полезным разъяснять студентам, что мы довольно неудачно выбрали для обозначения денег имя существительное. Для объяснения денежных феноменов было бы полезнее, если бы "деньги" были прилагательным, описывающим свойство, которым различные вещи обладают в различной, причем меняющейся, *степени*. (Махлуп, по этой причине, говорит иногда о "денежности" и "почти денежности" (например, [39] p. 225).) Слово "валюта", происходящее от латинского *valutus* (имеющая ценность), по этой причине более уместно, поскольку объекты могут иметь разную ценность в разных регионах или слоях населения.

Псевдоточность, статистические измерения и научная истина

Здесь мы сталкиваемся с проблемой, с которой часто встречаемся при попытках объяснить трудно определимые явления экономической жизни. Чтобы упростить описание очень сложных взаимосвязей, которые иначе едва ли удалось бы проследить, теоретики проводят резкие границы там, где в реальной жизни разнообразные свойства объектов плавно переходят друг в друга. Подобная ситуация возникает, в частности, при попытках установить четкое разграничение между такими понятиями, как товары и услуги, потребительские товары и товары производственного назначения, товары длительного и текущего пользования, воспроизводимые и невозпроизводимые блага, блага специфические и общие, взаимозаменяемые и невзаимозаменяемые, и т.д. Все это очень важные разграничения, но они могут дезориентировать, если мы, стремясь к модной квазиточности, будем рассматривать эти классы как множества с отчетливо выраженными границами. Это означает упрощение, которое иногда необходимо, но всегда опасно, и не раз приводило экономическую науку ко множеству ошибок. Хотя различия являются существенными, это не значит, что мы можем четко и однозначно разделить экономические явления на два (или любое другое число) отличных друг от друга класса. Мы часто говорим и, по-видимому, в некоторых случаях должны говорить так, как будто такие разграничения точно определены в действительности, но подобная практика может быть очень обманчивой и приводить к совершенно ошибочным заключениям. (Это особенно характерно для статистиков, так как использование статистического аппарата часто требует проведения жестких разграничений. Хотя модная в экономической науке

тенденция принимать только *статистически* проверяемые теории дала нам некоторые полезные, хотя и весьма грубые приближения к истине, как например, в случае с количественной теорией ценности денег, концепции такого рода совершенно незаслуженно приобрели свою нынешнюю репутацию. С этой точки зрения большинство количественных формулировок экономической теории неприменимы по отношению к предлагаемой нами структуре. Вводить резкие разграничения, не существующие в реальном мире, для того, чтобы сделать предмет пригодным для математической обработки, значит сделать его не более, а скорее, менее научным.)

Юридические фикции и дефектная экономическая теория

Сходным образом, тезис о существовании одной, четко определенной вещи, именуемой "деньгами", которую можно легко отличить от других вещей, является юридической фикцией. Эта фикция, введенная для удовлетворения нужд адвоката или судьи, никогда не была истинной, поскольку явления, остающиеся за ее рамками, вполне могут вызывать последствия типично "денежного" характера. Однако она принесла много вреда, порождая требование пользоваться для определенных целей только "деньгами", выпускаемыми правительством, или, допуская существование только какого-то одного объекта, о котором можно говорить как о деньгах данной страны. Это привело также, как мы увидим далее, к выработке в экономической теории таких объяснений ценности денег, которые, будучи построенными на крайне упрощающих предпосылках, хотя и давали некоторое полезное приближение к реальности, оказывались бесполезными для решения тех задач, которые нам предстоит здесь рассмотреть.

В ходе дальнейшего изложения важно помнить, что отличия различных видов денег друг от друга бывают двух разных, хотя и взаимосвязанных типов: во-первых, по степени готовности их принимать (ликвидность) и, во-вторых, по оценкам изменений их ценности (стабильность). Ожидания по параметру стабильности будут, очевидно, влиять на ликвидность денег того или иного вида, но в краткосрочной перспективе ликвидность может оказаться важнее стабильности, или, переформулируя, готовность принимать более стабильные деньги может по каким-то причинам быть ограничена довольно узким кругом людей.

Значения терминов и определения

Здесь, пожалуй, самое время дать четкие определения смысла, который мы будем вкладывать в те или иные часто используемые термины. Достаточно очевидно, что нам удобнее говорить о "валютах" (currencies), а не о "деньгах" (money), не только потому, что в английском языке первый термин можно легче использовать во множественном числе, но также и потому, что, как мы видели, термин "валюта" подчеркивает важный оттенок смысла. Мы будем пользоваться словом "валюта", быть может, вступая в некоторое противоречие с первоначальным значением этого термина, имея в виду не только бумажные ассигнации и другие деньги, "переходящие из рук в руки", но и банковские чековые счета, а также прочие средства обмена, которые могут использоваться для большинства всех тех целей, для которых используются чеки. Однако, как мы только что отметили, нет никакой необходимости в слишком резком разграничении между тем, что является деньгами, и тем, что ими не является. Читателю лучше всего помнить о том, что мы имеем дело с некоторым *рядом* объектов, различающихся по степени готовности их принимать (ликвидностью), которые на одном конце ряда, бесспорно, являются деньгами, а на другом незаметно переходят в объекты, которые, несомненно, ими не являются.

Хотя мы будем часто называть агентства, выпускающие валюту, просто "банками", это не означает, что все банки должны эмитировать деньги. Термин "обменный курс" (rate of exchange) будет использоваться для обозначения пропорций обмена между валютами, а термин "валютная биржа" (currency exchange), вводимый по аналогии с "биржей ценных бумаг" (stock exchange), - для обозначения организованного рынка валют. Иногда мы будем говорить о "заменителях денег" (money substitutes) - при рассмотрении случаев на грани шкалы ликвидности, таких, как дорожные чеки, кредитные карточки и овердрафты (overdraft - сумма, получаемая по чеку сверх остатка на текущем счете. - Прим. ред.), когда невозможно точно сказать, являются они частью обращающейся валюты или нет.

XI. ВОЗМОЖНОСТЬ КОНТРОЛИРОВАТЬ ЦЕННОСТЬ КОНКУРЕНТНОЙ ВАЛЮТЫ

Главное, чем эмитент конкурентной валюты может привлечь своих клиентов, - это гарантия того, что ее ценность останется стабильной (или будет меняться предсказуемым образом). Мы отложим до раздела XII вопрос о том, какой именно род стабильности, вероятнее всего, предпочтет публика. Сейчас мы займемся вопросом, будет ли эмиссионный банк, конкурирующий с другими эмитентами подобных валют, иметь возможность контролировать величину собственной эмиссии так, чтобы определять рыночный курс своей валюты.

Ожидаемая ценность валюты будет, конечно, не единственным соображением, заставляющим людей покупать или одалживать ее. Но ее ожидаемая ценность будет решающим фактором, определяющим, сколько же этой валюты публика пожелает иметь на руках. Эмиссионный банк вскоре обнаружит, что желание публики *держат* его валюту будет существенным обстоятельством, от которого зависит ее ценность. Вначале может показаться очевидным, что эмитент валюты, полностью контролирующей ее предложение, будет способен определять ее цену до тех пор, пока находится кто-то, готовый купить ее по этой цене. Однако на самом деле проблема не так проста. Если, как мы пока предположим, цель эмиссионного банка - сохранять постоянную - измеренную в единицах его валюты - совокупную цену конкретного набора товаров, он должен противодействовать любой тенденции повышения или падения этой совокупной цены, регулируя количество своей валюты в обращении.

Контроль посредством покупки/продажи валюты и краткосрочных кредитов

Эмиссионный банк обладает двумя способами изменения количества своей валюты, находящейся в обращении: во-первых, он может продавать или покупать свою валюту в обмен на другие валюты (или в обмен на ценные бумаги, а возможно, и на некоторые товары); во-вторых, он может сокращать или расширять свою кредитную деятельность. Для сохранения контроля над выпущенной в обращение валютой он должен будет ограничивать свою кредитную деятельность в основном относительно краткосрочными контрактами, так чтобы при сокращении или временной приостановке выдачи новых ссуд, текущие платежи по выданным ранее кредитам приводили бы к быстрому сокращению совокупной эмиссии.

Для обеспечения постоянной ценности своей валюты банк должен придерживаться следующего принципа: никогда не увеличивать ее объема свыше той общей суммы, которую готова держать публика, чтобы не увеличивать расходы, осуществляемые в этой валюте, и, следовательно, не подталкивать вверх выраженные в ней цены товаров. Нельзя

также сокращать ее предложение ниже общей суммы, которую публика готова держать, поскольку иначе публика начнет сокращать расходы в ней, подталкивая цены вниз. На практике многие или даже большинство товаров из того набора, по отношению к которому должна поддерживаться стабильность валюты, будут продаваться и котироваться, главным образом, в каких-то других, конкурирующих валютах (особенно если, как мы предполагаем в разделе XIII, это будут в основном цены на сырье или оптовые цены на продукты питания). Поэтому, банк должен будет следить не столько за тем, как изменения в обращении его валюты непосредственно влияют на цены других *товаров*, сколько за тем, как они влияют на обменные курсы других *валют*, в которых эти товары преимущественно продаются и покупаются на рынке. Хотя задача установления соответствующих обменных курсов (с учетом данных обменных курсов между различными валютами) будет сложной, компьютер поможет сделать почти мгновенный расчет, так что банк будет знать ежечасно, увеличивать ли ему или уменьшать объем своей валюты, предлагаемой для ссуд и/или для продажи. Быстрые, незамедлительные меры будут приниматься путем покупки или продажи валюты на бирже, но длительный эффект может быть достигнут только путем изменения ссудной политики.

Текущая эмиссионная политика

В этом параграфе я намерен изложить более детально, как должен действовать эмиссионный банк, чтобы удержать ценность своей валюты на избранном постоянном уровне. Основой для повседневных решений, касающихся его ссудной политики (а также продаж и покупок валют на валютной бирже), должны служить результаты постоянных вычислений на компьютере, в который непрерывно вводится, по мере поступления, самая свежая информация о ценах на товары и обменных курсах. Характер этих вычислений можно проиллюстрировать на примере следующей упрощенной таблицы (Таблица II). Я пренебрегаю здесь вопросом о том, насколько должны или не должны учитываться транспортные расходы на пути от главного рынка к некоему общему центру или отдельные статьи, отражающие затраты на разные виды транспорта.

Важнейшей информацией будет ключевое число в правом нижнем углу таблицы, получаемое либо в результате такого подбора объемов различных товаров, чтобы на исходную дату их совокупная цена в дукатах равнялась 1.000, либо в результате выбора 1.000 в качестве базы для расчета индексного числа. Эта величина и ее текущие изменения должны служить сигналом, указывающим руководителям банка, как им следует поступать. Появившееся на экране число 1.002 скажет им, что нужно ужесточить контроль, то есть, ограничить ссуды (делая их дороже или, предоставляя более избирательно и продавая другие валюты более свободно); число 0.997 скажет, что они могут слегка расслабиться и расширить продажи. (Специальная компьютерная программа сообщит монитору, установленному в кабинете председателя правления, кто из его подчиненных быстрее прореагировал на сигналы). Влияние такого сокращения или расширения эмиссии на цены товаров будет по преимуществу косвенным - через обменные курсы валют, за которые, в основном, продаются и покупаются эти товары. Оно будет прямым только для товаров, которые продаются и покупаются преимущественно за дукаты.

ТАБЛИЦА II *Иллюстрация схемы стабилизации валюты*

Товар	Количество	Валюта, в которой котируется товар	Цена в этой валюте	Обменный курс	Цена в нашей валюте
Алюминий	х тонн	\$	*	*	*
Говядина	*	Фунты стерлингов	*	*	*
Камфора	*	Дукаты	-	-	*
Какао	*	*	*	*	*
Кофе	*	*	*	*	*
Уголь	*	*	*	*	*
Кокс	*	*	*	*	*
Медь	*	*	*	*	*
Копра	*	*	*	*	*
Кукуруза	*	Дукаты	*	*	*
и т.п.	*	*	*	*	*
Всего					1.000

Тот же сигнал должен подаваться на валютной бирже и, если банк создал себе репутацию учреждения, способного на быстрые и эффективные меры по выправлению любых отклонений, его усилиям будет способствовать повышение спроса на его валюту, когда ожидается повышение курса в условиях, когда ценность его валюты ниже нормальной (1.002 на таблице), либо на снижение спроса, когда ожидается небольшое понижение курса (число упало до 0.997). Ясно, что такая политика при ее последовательном проведении должна сократить колебания ценности валюты относительно избранного товарного стандарта до очень узкого диапазона.

Решающий фактор: спрос на валюту

Представляется несомненным, что в условиях, когда банк понимает значение готовности публики держать его валюту, а, значит, и его бизнес, а также понимает, что эта готовность зависит от сохранения ценности его валюты, то он будет не только способен, но и вынужден достигать этого результата с помощью соответствующего непрерывного регулирования количества валюты, находящейся в обращении, делая это прямо или косвенно (через цены других валют). Решающим фактором, о котором банк должен помнить, чтобы удержать большую и растущую массу своей валюты в обращении, будет не спрос на ссуды, а желание публики *держат* эту валюту. Поэтому, неосторожное увеличение текущей эмиссии может привести к тому, что обратный приток валюты в банк начнет опережать рост спроса публики, желающей ее держать.

Пресса, как указывалось, должна внимательно следить за результатами усилий каждого эмиссионного банка и ежедневно публиковать данные об отклонениях различных валют от установленных самими эмитентами стандартов. Эмиссионным банкам следует, вероятно, позволить себе маленький, заранее объявленный стандарт допустимых отклонений в обоих направлениях. При наличии такого допуска, если банк демонстрирует свою силу и решимость быстро возвращать обменные курсы (или цены на товары в своей валюте) назад, к стандарту, игра на валютной бирже придет ему на помощь и освободит его от необходимости поспешно принимать меры, обеспечивающие абсолютную стабильность.

Пока банк успешно поддерживает ценность своей валюты на желаемом уровне, вряд ли он станет ради этой цели сокращать ее обращение так быстро, что это вызовет неприятности. Обычно причиной подобных событий в прошлом были обстоятельства, которые увеличивали спрос на наличность. Но банку придется сокращать совокупный объем валюты, находящейся в обращении, просто для того, чтобы приспособиться к условиям снижения общего спроса на его валюту в обеих ее формах. Если ссуды выдавались в основном на короткие сроки, их своевременный возврат достаточно быстро восстановит курс валюты. Все это кажется весьма простым и легким, если мы допускаем, что все конкурирующие банки стараются контролировать свои валюты с целью сохранения их ценности на постоянном уровне.

Разрушит ли конкуренция эту систему?

Каковы, однако, будут последствия, если один из конкурентов попытается выиграть, предложив какие-то другие преимущества, такие, как низкая процентная ставка или кредит в форме открытого счета, или, может быть, даже выпуск банкнот (иными словами, долговых обязательств, оплачиваемых по первому требованию) в валюте, выпускаемой другим банком? Может ли все это всерьез помешать эмиссионным банкам контролировать ценность своих валют?

Разумеется, для любого банка всегда будет сильным искушением попытаться расширить обращение своей валюты, предоставляя кредиты дешевле, чем это делают конкурирующие банки. Но поддавшийся этому искушению банк вскоре обнаружит, что если дополнительные ссуды не основаны на соответствующем приросте сбережений, такое увеличение эмиссии неизбежно рикошетом ударит по нему самому. Хотя люди, без сомнения, будут весьма охотно *занимать* деньги, предлагаемые по низкой процентной ставке, они не захотят *держат* большую долю своих ликвидных активов в валюте, об увеличении эмиссии которой они вскоре узнают из различных сообщений и по различным симптомам.

Правда, пока валюты можно почти мгновенно обменивать друг на друга по известному обменному курсу, относительные цены товаров, выраженные в этих валютах, также останутся неизменными. Даже на тех товарных рынках (или в тех регионах), где большая доля спроса выражена в единицах валюты с возросшей эмиссией, а цены - в единицах всех остальных валют, цены таких товаров будут иметь тенденцию к повышению по сравнению с другими ценами. Однако решающие события будут происходить на валютной бирже. При данном обменном курсе объем валюты, предложение которой возросло, скоро приведет к росту ее доли в сумме всех валют, которые обычно держат люди. Прежде всего, каждый, у кого есть долги в валюте с более высокой процентной ставкой, чем та, которую ему предстоит уплатить, попытается получить дешевые ссуды, чтобы на них приобрести валюты для уплаты более обременительных долгов. И все банки, не снизившие своих процентных ставок, быстро вернут банку, ссужающему "по дешевке", всю его валюту, которую они получают. Результатом должно быть появление на валютной бирже избыточного предложения чрезмерно эмитированной валюты, что быстро приведет к падению ее обменного курса. И именно по этому новому обменному курсу цены на товары, обычно котирующиеся в других валютах, будут переводиться в валюту банка-нарушителя; а цены, обычно выраженные в ней, будут немедленно подброшены вверх. Падение рыночной котировки и повышение цен на товары в данной валюте скоро заставят ее обычных держателей перейти на другую валюту. Последующее сокращение спроса на нее, вероятно, быстро перекроет временный выигрыш от дешевых ссуд. Если эмиссионный банк будет, тем не менее, следовать политике дешевых ссуд, бегство от его валюты станет общим и продолжение дешевых ссуд будет означать, что все большие и большие объемы этой валюты будут выбрасываться на биржу. Мы можем с уверенностью заключить, что банк не сможет понизить реальную ценность других валют посредством чрезмерной эмиссии своей валюты. Это, безусловно, верно для случая, когда эмитенты других валют готовы, насколько это необходимо, противодействовать такой попытке, временно ограничив свою эмиссию.

Могут ли паразитирующие валюты помешать контролю за ценностью валюты?

Более трудный вопрос, ответ на который, пожалуй, не столь ясен, состоит в том, в какой мере неизбежное появление "паразитирующих валют", - то есть создание надстройки в виде пирамиды из текущих кредитов, предоставляемых банками, обслуживающими счета до востребования, ведущими чековые счета, или даже эмиссия банкнот, выраженных в валюте первоначального эмитента, - может расстроить контроль эмитента за ценностью его собственной валюты? Трудно представить себе, чтобы закон мог или должен был бы запрещать такие паразитные эмиссии, если они четко зафиксированы в качестве задолженности, которая должна быть погашена в валюте эмитента.

Ясно, что не все банки пожелают, да и не все смогут выпускать собственную валюту. Тем, кто ее не выпускает, не останется ничего иного кроме как принимать депозиты и предоставлять кредиты в некой другой валюте. Ясно, что они предпочли бы оперировать лучшей из доступных валют. Первоначальный эмитент вовсе не должен стремиться помешать этому, хотя выпуск банкнот может понравиться ему меньше, чем простое ведение чековых счетов в его валюте. На банкнотах, выпускаемых вторичным эмитентом, должно быть, конечно, четко указано, что это не оригинальные дукаты, выпущенные банком, владеющим данной торговой маркой, а просто требования на дукаты, поскольку в противном случае они будут просто подделкой. Я не вижу, каким образом обычная правовая защита фирменных знаков или торговых марок может помешать выпуску таких

требований в форме банкнот, и сильно сомневаюсь в желательности предотвращения этого с помощью специального закона, особенно ввиду явного сходства между такими банкнотами и чековыми депозитами, появлению которых даже эмиссионные банки вряд ли захотят мешать.

Прежде всего, первоначальный эмитент такой валюты не должен повторять ошибок правительств, в результате которых контроль над этими вторичными или паразитирующими эмиссиями ускользнул из их рук. Эмитент должен ясно дать понять, что не готов быть поручителем вторичных эмитентов, снабжая их "наличностью" (то есть оригинальными банкнотами), в которых они будут нуждаться для погашения своих обязательств. Ниже мы увидим (раздел XVI), как правительства попали в эту ловушку и позволили, чтобы их монополия на эмиссию денег была подорвана самым нежелательным образом. (Они разделили ответственность за контроль над общим объемом стандартных денег, поддавшись непрекращающемуся давлению в пользу дешевых денег; следствием этого стало быстрое распространение банков, которым правительства помогали, гарантируя их ликвидность; в конце концов, получилось так, что никто больше не владеет полным контролем за денежной массой).

Решение этой, самой серьезной проблемы, возникающей в рамках нашей схемы, состоит, как мне кажется, в следующем. Хотя частные эмитенты должны будут терпеть появление "паразитического" обращения депозитов и банкнот того же наименования, им следует не способствовать этому, а скорее, ограничивать этот процесс, дав ясно понять с самого начала, что они не будут обеспечивать своими банкнотами "паразитные" эмиссии иначе, чем посредством обмена на, так сказать, "звонкую наличность" (hard cash), то есть какую-то другую надежную валюту. Строго придерживаясь этого правила, они заставят вторичного эмитента действовать по принципу очень близкому к принципу "100-процентного обеспечения банковских операций". Таким образом, хотя "паразитирующие" эмиссии с неполным обеспечением могут продолжать существовать, они смогут удерживаться в обращении только при такой политике, при которой их ценность никогда не будет ставиться под сомнение. Хотя такая политика может ограничить масштабы обращения, а, следовательно, и прибыль первоначального эмитента, она не должна серьезно отразиться на его способности поддерживать постоянную ценность своей валюты.

Чтобы контролировать ситуацию, первоначальный эмитент валюты определенного наименования должен предвидеть последствия чрезмерного выпуска такого рода "паразитирующих" валют (или другой валюты, претендующей на поддержание равной ценности с его валютой) и безжалостно отказываться покупать их по номиналу еще до того, как ожидаемое обесценение появится в повышении некоторых товарных цен, выраженное в этих "паразитирующих" валютах. По этой причине операции эмиссионного банка с другими валютами никогда не должны быть чисто механическим делом (покупкой и продажей по постоянным ценам), основанным только на наблюдаемых изменениях покупательной способности других валют. Эмиссионный банк не должен покупать любую другую валюту по курсу, ориентируясь только на ее покупательную способность по отношению к стандартному набору товаров. Ему необходимо будет опираться на детальный анализ и здравый смысл, чтобы эффективно защитить краткосрочную стабильность своей собственной валюты. Бизнес должен в известной мере направляться прогнозами будущей динамики ценности других валют.

(продолжение -- главы XII-XXV следует)

Фридрих А.Хайек -- ЧАСТНЫЕ ДЕНЬГИ

ГЛАВЫ XII-XXV и библиография

XII. КАКОЙ ВИД ВАЛЮТЫ ИЗБЕРЕТ ПУБЛИКА?

Выше я выдвинул тезис о том, что публика будет выбирать из ряда конкурирующих частных валют такие, которые окажутся лучше правительственных. Теперь нам предстоит исследовать сам процесс отбора и критерии, по которым он будет производиться.

Это вопрос, по которому мы располагаем весьма скудными эмпирическими знаниями. Не помогут ответить на него и опросы общественного мнения: не побывав ни разу в такой ситуации, большинство людей никогда не думали об этом и не выработали плана собственного поведения в подобных условиях. Мы можем просто попытаться проследить, каков будет вероятный характер индивидуальных решений, исходя из общего представления о целях, ради которых люди хотят иметь деньги, и о том, как они действуют в схожих ситуациях. В конце концов, именно таким путем была создана большая часть экономической теории и сделаны выводы, как правило, подтвердившиеся впоследствии. Конечно, мы не должны ожидать, что люди, оказавшись в новой ситуации, сразу же станут действовать рационально. Однако они очень скоро выяснят, какое поведение более всего отвечает их интересам, если не благодаря своей проницательности, то, участь на собственном опыте, или подражая наиболее удачливым. (Ср. С. Menger [43], р. 261: "Для людей нет лучшего способа стать более просвещенными по части своих экономических интересов, чем, наблюдая за экономическими успехами тех, кто применяет правильные средства для достижения своих целей".) Серьезное изменение, такое, как мы рассматриваем здесь, может вначале создать большую неопределенность и путаницу. Однако я не думаю, что стоит сомневаться в способности людей вскоре разобраться там, где ответы могут быть найдены в области рациональных соображений. На практике скорость этого процесса может быть различной в зависимости от особенностей той или иной страны. (Мы не должны полностью сбрасывать со счетов и то, что бизнесмены в своих ожиданиях и практической деятельности, основанных на прошлом опыте и в особенности • на опыте последних пятидесяти лет, настолько сжились с вероятностью непрерывного роста цен, что осознание того факта, что впредь средние цены будут, скорее всего, оставаться постоянными, может сперва подействовать на них обескураживающе. Возможно, это даже заставит некоторых из них заключать сделки и держать счета в медленно обесценивающейся валюте. Я убежден, однако, что, в конечном счете, те, кто выберут стабильную валюту, добьются большего успеха.)

Четыре способа использования денег

Существует четыре главных способа использования денег, которые и определяют выбор определенного вида валюты среди нескольких. Деньги используются, во-первых, для покупки товаров и услуг за наличные; во-вторых, для создания резервов на будущее; в-третьих, в контрактах с отсроченными платежами и, наконец, как счетная единица, особенно в бухгалтерском деле. Хотя принято рассматривать эти способы применения как

различные "функции" денег, но на самом деле в этом нет особого смысла. В сущности, все они представляют собой всего лишь следствия основной функции денег как средства обмена и только в исключительных случаях, например, при быстром обесценении средства обмена, приобретают самостоятельность. Кроме того, они настолько взаимосвязаны, что хотя, на первый взгляд, разные свойства денег служат различным целям, в действительности деньги выполняют одну функцию, выступая в качестве счетной единицы, вследствие чего стабильная ценность денег оказывается наиболее желательным качеством. Хотя поначалу может показаться, что решающим при отборе валют будет удобство при пользовании ими для повседневных покупок, я убежден, что задавать тон будет их пригодность в качестве счетной единицы.

1) Покупки за наличные

Для громадной массы работающих по найму главный интерес будет, вероятно, заключаться в возможности совершать ежедневные покупки в той валюте, в которой люди получают заработную плату, имея возможность всюду находить цены, указанные в той валюте, которой они пользуются. Однако если владельцы магазинов уверены, что могут мгновенно обменять любую валюту на любую другую по известному курсу, они должны будут весьма охотно принимать всякую валюту по соответствующей цене. Вероятно, будут быстро разработаны электронные кассовые аппараты, не только мгновенно показывающие эквивалент любой цены в любой желаемой валюте, но также связанные через компьютер с банками, так что фирмы смогут немедленно получать, кредит, эквивалентный сумме выручки, в той валюте, в которой они держат счета. (Кассовую наличность в разных валютах нужно будет инкассировать каждый вечер.) Вместе с тем, если в данной местности широко пользуются двумя-тремя валютами, лавочники сочтут удобным ставить ценники, выполненные, например, разными цветами для каждой валюты, чтобы облегчить сравнение цен в разных магазинах и разных валютах.

2) Создание резервов для будущих платежей

Кроме возможности использовать регулярные поступления для своих обычных трат, человек, живущий на заработную плату, будет, вероятно, заинтересован главным образом в ее стабильности:

И хотя при платежах по закладным и взносах за товары, купленные в рассрочку, он может получать некоторый выигрыш от обесценения валюты, в целом контракт о найме будет определять его заинтересованность в валюте, курс которой повышается.

Ясно, что все держатели наличных денег, то есть все вообще, предпочтут иметь валюту с повышающейся ценностью. По этой причине может возникнуть существенный спрос на такие деньги; но занимать деньги в этой валюте будет явно невыгодно для заемщиков, а банкам невыгодно будет поддерживать ее ценность выше той, по которой они выпускали валюту. Возможно, ограниченное число банкнот такой "дорожающей" валюты может выпускаться и использоваться для специальных целей, но крайне маловероятно, что они найдут широкое применение. Вероятно, основной спрос будет предъявляться на стабильную валюту, в которой люди, как ожидается, должны платить долги.

3) Стандарт для отсроченных платежей

Когда мы переходим к третьему предназначению денег • средства оплаты отсроченных платежей, исходные интересы участников контракта будут, конечно, прямо

противоположными: кредиторы предпочтут дорожающую, а заемщики - обесценивающуюся валюту. Однако, состав каждой группы будет достаточно смешанным:

группа "кредиторов" будет включать всех работающих по найму и собственников капитала, а группа "должников" - банки, предприятия и фермеров. Поэтому кажется маловероятным, что рыночные силы создадут сильный перевес какой-то одной стороне. И хотя в краткосрочной перспективе участники сделок либо выиграют, либо проиграют от изменения ценности валюты при выдаче или получении кредитов, все они, вероятно, вскоре обнаружат, что эти выгоды и убытки были лишь временными и, скорее всего, исчезнут, как только процентные ставки приспособятся к ожидаемому движению цен.

4) Надежная счетная единица

Мне кажется, что решающим фактором, который вызовет всеобщее предпочтение валюты со стабильной ценностью, будет то, что только в такой валюте возможны реалистические расчеты и, следовательно, успешный в долгосрочной перспективе выбор между альтернативными валютами, использующимися в производстве и торговле. В частности, главная цель бухгалтерского учета - обеспечить, чтобы основной капитал предприятия не проедался и чтобы в распоряжение акционеров поступал только действительный чистый выигрыш, показываемый как прибыль - может быть достигнута только в том случае, когда ценность счетной единицы близка к стабильному уровню.

Попытка дальнейшего объяснения причин, почему успешные экономические расчеты возможны только при стабильной ценности денег, поднимает вопрос: что именно мы имеем в виду под "ценностью денег", а также вопросы о различных аспектах, в которых эта ценность может оставаться стабильной. Мы отложим ответы на эти вопросы до раздела XIII. Здесь нам достаточно эмпирического факта: эффективное сохранение капитала и контроль за издержками возможны только в том случае, если счета ведутся в денежной единице, которая в определенном смысле остается достаточно стабильной. Поэтому мы временно оставляем этот предмет, делая вывод, что, по крайней мере, в долгосрочной перспективе, эффективный выбор между конкурирующими валютами будет обычным конкурентным выбором. Преобладающей окажется валюта, которой отдадут предпочтение те, кому она помогла преуспеть и кому, вследствие этого, будут подражать другие.

XIII. ЧТО ТАКОЕ "ЦЕННОСТЬ ДЕНЕГ"?

Подходя к проблеме с чисто научной точки зрения, можно заметить, что такого явления как совершенно стабильная ценность не существует, ни для денег, ни для чего бы то ни было еще. Ценность есть отношение, коэффициент эквивалентности, или, как сказал У. С. Джевонс, "косвенный способ выражения пропорции" (W. S. Jevons [34], p. 11; ср. там же, стр. 68 "Ценность просто выражает переменное по сути своей отношение, в котором обмениваются два товара, так что пег основания предполагать, что любая вещь два дня подряд сохраняет одну и ту же ценность."), которую можно установить только определив то количество одного объекта, которое оценивается как равное "эквивалентному" количеству другого объекта. Два объекта могут иметь постоянную относительную ценность в терминах друг друга, однако высказывание о том, что ценность чего-то не изменилась, лишено смысла, если при этом не конкретизируется, об отношении к какому другому объекту идет речь.

Когда мы привычно, но опрометчиво пользуемся такими выражениями как "ценность пива более стабильна, чем ценность свеклы" (и это максимум того, что еще имеет какой-то смысл), в действительности мы хотим сказать, что относительная ценность пива, или его "обменный курс", остается более стабильной по отношению к большему числу других товаров или в течение большего промежутка времени, чем это можно сказать о свекле и множестве других товаров. Для обычных товаров и услуг мы, прежде всего, имеем в виду их отношение к деньгам. Когда мы применяем понятие "ценность" к самим деньгам, это означает, что цены большинства товаров не изменяются преимущественно в одном направлении, либо что их изменения будут относительно невелики и непродолжительны.

"Стабильная ценность денег"

Однако некоторые цены на свободном рынке меняются всегда. Мы иногда чувствуем, что ценность денег осталась приблизительно на том же уровне, хотя многие цены изменились, а иногда - что ценность денег определенно увеличилась или уменьшилась, хотя изменились цены только некоторых значимых товаров, но зато у всех в одном и том же направлении. Но если индивидуальные цены постоянно меняются, что же мы тогда называем стабильной ценностью денег?

В первом приближении, конечно, вполне очевидно, что общая власть над товарами, которую дает некоторая сумма денег, уменьшилась, если эта сумма позволяет приобрести меньшее количество большинства из них и большее количество только малой части из них. Если эти изменения уравнивают друг друга, то можно сказать, что власть над товарами осталась примерно той же самой. Однако для наших целей нам, разумеется, необходимо, более точное определение понятия "стабильная ценность денег" и более точное определение выгод, которых мы ожидаем от этого явления.

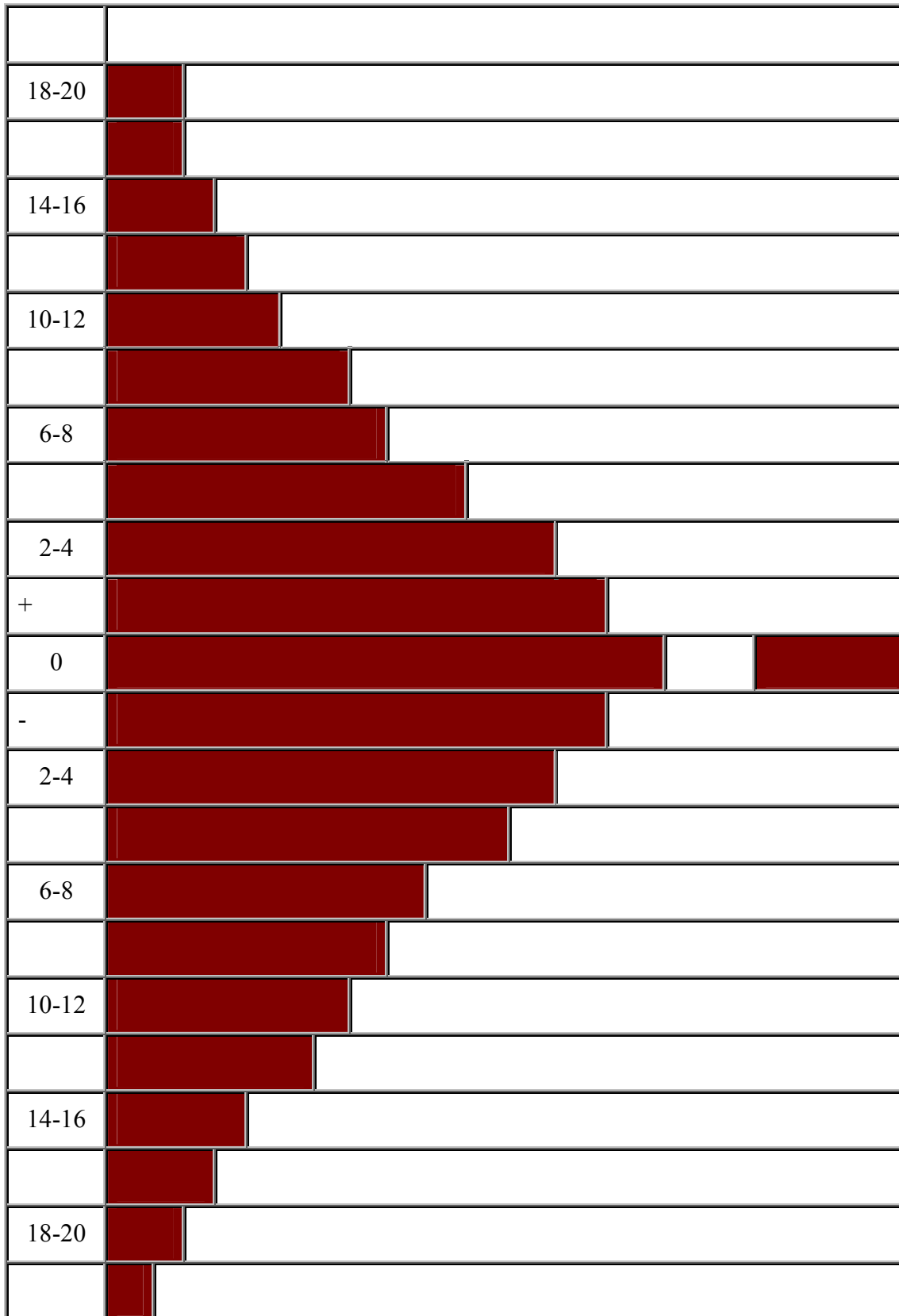
Взаимопогашающиеся отклонения

Как мы видели, основные помехи, генерируемые изменениями в ценности денег, возникают из-за воздействия этих изменений на отсроченные платежи и на использование денежных единиц в качестве основы для калькулирования затрат и бухгалтерского учета. В обоих случаях принимаемые решения сталкиваются с непреодолимой для индивидуума реальностью: будущая динамика большинства цен непредсказуема (поскольку они выступают сигналами событий, о большинстве которых он не в состоянии знать). Риск, связанный с этим обстоятельством, можно снизить, основывая расчеты на ожидаемых значениях будущих цен, от которых фактические цены могут отклоняться как в одну, так и в другую сторону на любое заданное количество процентных пунктов с некоторой вероятностью. Медиана вероятных будущих отклонений будет правильно оценена только в том случае, если она равна нулю и, следовательно, совпадает с вероятным поведением большого количества цен, которые достаточно устойчивы или негибки (таковы, прежде всего, тарифы на коммунальные услуги, а также цены большинства товаров известных торговых марок, товаров по почте и проч.).

Лучше всего проиллюстрировать это на двух диаграммах. Если ценность денег регулируется таким образом, что соответствующий средний уровень цен остается постоянным, то вероятность будущих колебаний цен, которые придется учитывать при планировании любой будущей деятельности, может быть представлена следующим образом (см. рис. 1).

Рис. 1. Агрегированная цена товаров, проданных по изменившимся ценам, в процентах к ценам предыдущего периода

а) стабильный общий уровень цен

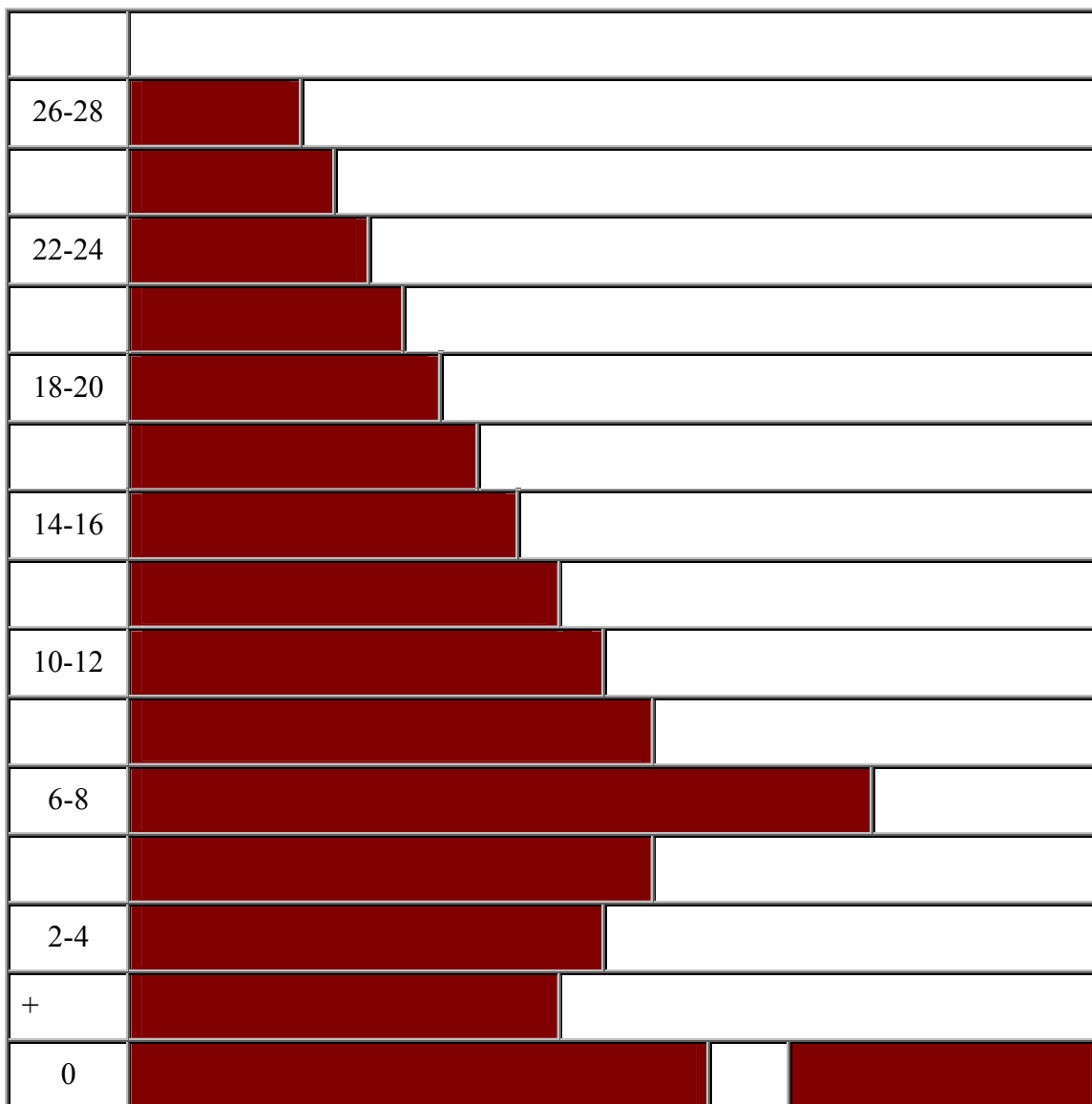
22-24	
-------	--

Хотя в этом случае будущие изменения отдельных цен остаются непредсказуемыми, что неизбежно в условиях функционирования рыночной экономики, при этом достаточно велика вероятность того, что в долгосрочной перспективе воздействия этих непредсказуемых изменений на жизнь людей будут, в общем, и в целом взаимно погашаться. По крайней мере, они не будут отклонять ожиданий публики в одну какую-то сторону, и тем самым расчеты, основанные на гипотезе о стабильности цен, будут достаточно успешными (для ситуации, когда более точная информация отсутствует).

Ситуация, при которой изменения индивидуальных цен ведут к *повышению* среднего уровня всех цен, будет выглядеть примерно как на рис. 2.

Рис. 2. Агрегированная цена товаров, проданных по изменившимся ценам, в процентах к ценам предыдущего периода

б) *рост общего уровня цен*

-		
2-4		
6-8		
10-12		
14-16		

В этом случае у индивидуума-предпринимателя будет также мало оснований для правильного прогнозирования медианы всех этих изменений, как и для предсказания движения отдельных цен. Поэтому ему уже не удастся в своих расчетах и решениях полагаться на некоторый медианный уровень, от которого индивидуальные колебания цен отклонялись бы в ту или иную сторону с равной вероятностью. Успешные расчеты, или эффективный бухгалтерский учет капитала и издержек, в этой ситуации становятся невозможными.

Чем дальше, тем сильнее в такой ситуации люди будут стремиться получить такую счетную единицу, изменение ценности которой было бы более тесно увязано с общей тенденцией, и даже, быть может, вынуждены будут использовать в качестве счетной единицы что-то такое, что нельзя использовать в качестве средства обмена. (Кривая, представляющая дисперсию изменений цен в виде доли всех продаж, произведенных за определенный период по возросшим или снизившимся по сравнению с предыдущим периодом ценам, будучи построена по логарифмической шкале, должна, конечно, иметь одну и ту же форму, независимо от того, используем мы в качестве измерителя цен деньги или какой-нибудь товар. Если мы используем в качестве стандарта товар, цена которого упала больше, чем цена любого другого, все изменения цен будут выглядеть как повышения, однако рост относительной цены одного товара по сравнению с другим будет оставаться одним и тем же, скажем, 50 процентов, какую бы систему мер, мы ни выбрали. Мы, вероятно, получим кривую в виде нормальной (гауссовой) кривой распределения ошибок. Случайные отклонения от нее в ту или другую сторону, насколько мы способны предсказать, будут взаимно погашаться, и количество их будет уменьшаться с ростом величины отклонения. (Большинство ценовых изменений будет вызываться смещением спроса с соответствующим падением некоторых цен и повышением других; относительно мелкие смещения такого рода будут, вероятно, более частыми, чем крупные.) Общий уровень цен, выраженный в деньгах со стабильной в данном смысле ценностью и представленный данной кривой, не должен в этом случае меняться, а объемы сделок, совершаемых по ценам, возросшим или упавшим на некоторый процент, должны уравновешивать друг друга. Это минимизирует ошибки - не обязательно отдельных индивидуумов, но всего общества в целом. И хотя никакое индексное число, обычно

исчисляемое для этих целей, не поможет полностью подтвердить то, что мы предположили, достаточно точное приближение к измерению такого эффекта вполне достижимо.)

Критерии выбора

Смещение распределения изменений цен, вызываемое изменениями количества денег, и проистекающую из этого трудность для прогнозирования, калькулирования и учета не следует путать с процессом временных изменений в структуре относительных цен, процессом, который также дезорганизует производство. Ниже мы рассмотрим (см. XVII), каким образом стабилизация ценности денег может в значительной мере предотвратить такую дезориентацию, неизбежно ведущую к смене экономического роста спадом, потере огромной части инвестиций и безработице. Мы утверждаем, что в этом состоит одно из главных преимуществ стабильной валюты. Но едва ли можно утверждать, что пользователи выберут валюту со стабильной ценностью именно по этим соображениям. Отмеченный выше дезориентирующий эффект они вряд ли уловят и примут в расчет, решая какие деньги использовать, хотя наблюдения за плавным течением дел в регионах со стабильной валютой могут побудить людей из других регионов предпочесть сходную валюту. Индивидуум также не смог бы защитить себя от этого эффекта, используя стабильную валюту сам, поскольку структура относительных цен будет одной и той же в терминах различных конкурирующих валют и указанных искажений нельзя будет избежать, пока бок о бок со стабильными валютами широко будут использоваться нестабильные.

Причина, по которой люди предпочтут стабильную (в единицах товаров) валюту, будет, следовательно, состоять в том, что такая валюта поможет им минимизировать последствия неизбежной непредсказуемости ценовых изменений, ибо ошибки в противоположных направлениях будут в большинстве случаев взаимно погашать друг друга. Такого взаимного погашения не произойдет, если медиана, вокруг которой группируются отклонения индивидуальных цен, равна некоторой неизвестной ненулевой величине. Даже если мы согласимся с тем, что стабильные деньги, которыми люди предпочтут пользоваться, создадут ситуацию, когда индивидуальные цены товаров, в которых люди больше всего заинтересованы, будут (в этих деньгах) с равной вероятностью расти или падать, это еще не говорит нам о том, какой уровень цен большинство людей предпочтет видеть в качестве постоянного. Разные люди или предприятия будут, очевидно, интересоваться ценами разных товаров. А совокупные цены на разные наборы товаров будут, разумеется, меняться по-разному.

Эффективность учета - снова решающий фактор

Хотя мы, вероятно, склонны обращать внимание, прежде всего на розничные цены или на уровень стоимости жизни и хотя большинство индивидуальных потребителей могло бы предпочесть деньги, стабильные в этом отношении, маловероятно, чтобы валюта, регулируемая таким образом, нашла широкое применение. Стоимость жизни различается в зависимости от места, и изменения в ней также происходят с неодинаковой скоростью. Бизнес, несомненно, предпочел бы деньги, принимаемые в более обширных регионах. Наиболее важными для расчетов и бухгалтерского учета (а, следовательно, и для эффективного использования ресурсов) на каждом предприятии, полагающемся на общую стабильность цен, а не на свои специализированные знания конкретного рынка, будут цены на повсеместно продаваемые продукты, такие, как сырье, продовольствие и

некоторые стандартизованные промышленные полуфабрикаты. Их дополнительное преимущество состоит в том, что торговля ими осуществляется на регулярных рынках, информация о ценах на них может поступать быстро, кроме того, их цены, по крайней мере, в случае сырья, особенно чувствительны и поэтому дают возможность принимать оперативные меры с тем, чтобы предвосхищать тенденции в общем движении цен (которые часто в первую очередь и проявляются по таким товарам).

Вполне возможно, что регулирование эмиссии, непосредственно направленное на стабилизацию цен на сырье, выразится даже в большей стабильности цен на потребительские товары, чем меры, непосредственно направленные на стабилизацию последних. Значительный временной лаг, который, как показывает опыт, существует между изменениями количества денег и изменениями уровня цен потребительских товаров, может означать, что если откладывать регулирование выпуска валюты до тех пор, пока эффект ее избытка или нехватки не скажется на ценах потребительских товаров, то весьма заметных изменений в ценах этих товаров избежать будет нельзя; в тоже время в случае сырья, где этот лаг короче, раннее предупреждение позволит быстрее принять превентивные меры.

Люди, работающие по найму, вероятно, обнаружат также, что коллективные соглашения выгодно заключать в средних ценах на сырье или в аналогичных показателях, что автоматически обеспечит получателям фиксированных доходов долю в приросте производительности. (Развивающиеся страны также предпочли бы международную валюту, в целом обеспечивающую сырью возрастающую покупательную способность по сравнению с промышленной продукцией, хотя они, вероятно, подорвут эту возможность, настаивая на стабилизации цен на отдельные виды сырья.) Я надеюсь, во всяком случае, что таков будет преобладающий выбор, поскольку валюта, стабильная с точки зрения цен на сырье, позволит, вероятно, ближе всего подойти к обстановке, благоприятной с точки зрения стабильности общей экономической деятельности.

Оптовые товарные цены как стандарт ценности для валют в интернациональных регионах

Я ожидаю, что, по крайней мере, в крупных регионах, намного превышающих нынешние национальные территории, люди согласятся считать стандартный набор оптовых товарных цен стандартом ценности, относительно которого они предпочли бы сохранять постоянство своей валюты. Несколько банков, создавших широкую сферу обращения валют в ответ на такую заинтересованность и выпускающих валюты различных наименований, не более или менее постоянными обменными курсами друг относительно друга, могли бы продолжить уточнение состава стандартной "корзины" товаров, цены которых в своих валютах они стремились бы держать постоянными. (Соперничество, вероятно, заставит их усовершенствовать технику поддержания максимальной стабильности до такого предела, за которым достижение сколько-нибудь ощутимых преимуществ стало бы уже невозможным.) Но эта практика не вызвала бы существенных колебаний в относительных ценностях главных валют региона. Регионы с различным сочетанием валют в обращении будут, конечно, частично пересекаться. Валюты, ценность которых основана по преимуществу на товарах, важных для какого-то определенного образа жизни или какой-то определенной группы ведущих отраслей, могли бы колебаться относительно больше в сравнении с другими валютами и все же сохранять собственную клиентуру среди людей с какими-то специфическими занятиями и привычками.

XIV. НЕПРИГОДНОСТЬ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ ДЛЯ НАШИХ ЦЕЛЕЙ

Обычные предпосылки денежной теории о том, что существует только один вид валюты, "одни-единственные деньги", и что нет резкого различия между полноценными деньгами и заменителями денег, таким образом, устраняются. Вместе с ними исчезает и возможность применения так называемой количественной теории денег, даже в качестве отдаленного приближения к удовлетворительному с теоретической точки зрения определению ценности денег (а это все, что данная теория может дать). (Но, как я писал 45 лет назад [24, р. 3] и как я продолжаю считать, "...с практической точки зрения одна из худших вещей, которые могут с нами случиться, - это если широкая публика снова перестанет верить в элементарные положения количественной теории".)

Количественная теория предполагает, конечно, что на данной территории имеется в обращении только один вид денег, количество которых можно определить путем подсчета однородных (или почти однородных) денежных единиц. Но если различные валюты, обращающиеся в регионе, не имеют постоянной относительной ценности, совокупный объем денег в обращении можно определить только исходя из относительной ценности валют и никакого другого смысла, помимо этого он не имеет. Теория, которая пригодна только для особой ситуации, даже если эта ситуация преобладала в течение долгого периода, очевидно, страдает серьезным недостатком. Хотя мы склонны принимать это на веру, сущность денег вовсе не сводится к тому, что на данной территории должен существовать только один их вид. Обычно так происходит только потому, что правительства препятствовали использованию других видов денег. Но даже при этом валютная монополия никогда не бывает полной, поскольку всегда есть значительные различия в спросе на различные формы денег и денежных заменителей разной степени ликвидности. Но если мы допускаем, что эмитенты валют постоянно конкурируют друг с другом, стремясь увеличить число пользователей своей валюты, мы не можем также предполагать, как это с известным основанием делает количественная теория для валюты одного наименования, что существует достаточно устойчивый спрос на деньги в том смысле, что совокупная ценность общей их массы будет оставаться приблизительно постоянной (или изменяться предсказуемым образом вслед за численностью населения, валовым национальным продуктом и аналогичными факторами).

Подход с точки зрения остатков наличности...

Для проблем, обсуждаемых в этой работе, нам, безусловно, понадобится инструмент более широкого применения. К счастью, он имеется в виде теории, более пригодной даже для объяснения более простых ситуаций: подход с точки зрения остатков наличности, развитый в работах Карла Менгера, Леона Вальраса и Альфреда Маршалла. Эта теория позволяет нам не только объяснить конечный эффект влияния "количества денег" на "общий уровень цен", но также исследовать процесс, в ходе которого изменения в предложении разнообразных видов денег будут последовательно затрагивать различные цены. Она делает возможным анализ, который, признаем, не может претендовать на квазиточность количественной теории, но имеет куда более широкий охват и может принимать в расчет индивидуальные предпочтения в отношении различных видов денег.

Решающее соображение, важное для наших целей, состоит в том, что в мультивалютной системе не существует такой вещи как *данная* величина спроса на деньги. Спрос на различные виды валют будет различным; но, поскольку эти валюты не будут являться

полностью взаимозаменяемыми, совершенными субститутами, показатели спроса на них просто нельзя сложить в общую сумму. Спрос на обесценивающиеся валюты может оказаться маленьким (но их предложение - большим); будет существовать, как мы надеемся, равенство спроса и предложения для стабильных валют (это равенство, собственно, и будет обеспечивать стабильность их ценности); и, наконец, спрос на валюты, ценность которых повышается, окажется большим (но их предложение - незначительным). В условиях свободного рынка валют, люди будут готовы *продавать* и покупать (по определенной цене) в обмен на любую валюту, но они не будут готовы *держат* любую валюту; а характеристики существующих заменителей станут влиять на спрос на любую конкретную валюту. Таким образом, не будет единого количества денег, которое можно было бы считать решающим фактором при определении их ценности.

... и скорости обращения

Можно утверждать, что анализ спроса на остатки наличности и использование понятия скорости обращения в количественной теории формально эквивалентны. Но важно различие. Подход с точки зрения их остатков наличности привлекает внимание к основному фактору: желанию индивидуумов держать запас денег. Скорость обращения отражает результирующую статистическую величину, которая в принципе может быть достаточно постоянной на протяжении относительно длительных периодов времени, для которых имеются статистические данные. Это отчасти оправдывает притязания количественной теории, утверждающей простую связь между "данным" количеством денег и "данным" уровнем цен. Но все же это утверждение зачастую обманчиво, поскольку легко ассоциируется с ошибочным убеждением, будто денежные изменения затрагивают только *общий* уровень цен. Именно по этой причине эти изменения часто считают вредными, как будто они повышают или понижают все цены *одновременно и в той же самой мере*. Однако реальный вред от них заключается в *дифференцированном* воздействии на разные цены, которые по очереди изменяются весьма беспорядочно и в очень разной степени, так что в результате вся структура относительных цен искажается и ориентирует производство в неверных направлениях.

К несчастью, лорд Кейнс практически не воспользовался этим важнейшим вкладом в теорию денег, внесенным в нее кембриджской традицией, идущей от Маршалла. Хотя и критикуя всю современную денежную теорию за тенденцию вести анализ так, как если бы цены всегда изменялись одновременно, он почти полностью оставался в русле количественной теории Ирвинга Фишера (даже выдвигая аргументы против нее). Едва ли не главный ущерб, нанесенный кейнсианским течением объяснению экономического процесса, состоит в том, что понимание факторов, определяющих как ценность денег, так и влияние денежных изменений на стоимость конкретных товаров, было по большей части утрачено. Я не могу пытаться дать здесь хотя бы сжатый пересказ этого центрального раздела теории денег и вынужден ограничиться рекомендацией экономистам, имевшим несчастье изучать теорию денег в институтах, где полностью господствовали кейнсианские взгляды, но все еще стремящимся понять теорию ценности денег, восполнить пробел, проработав сперва два тома "Теории цен" А. У. Марджета [42], и опустив затем большую часть литературы за последующие 25 лет, обратиться к недавней книге профессора Акселя Лейонхуфвуда [37] (кратким введением к этой книге профессора Лейонхуфвуда является его собственная работа "Кейнс и классики" - Keynes and the Classics, Occasional Paper 30, IEA, 1969 (7th Impression, 1981) - ред.), способной послужить путеводителем по работам периода, который пропускать не следует.

Замечание о монетаризме

С тех пор, как дала о себе знать реакция протеста против господства кейнсианской догмы, стало обычным делом зачислять в монетаристы всех, кто считал ошибочным отрицание Кейнсом того факта, что "инфляционное или дефляционное движение обычно вызывается, или неизбежно сопровождается... изменениями в количестве денег и скорости их обращения" (R.F.Harrod [23a,p.513]). Этого монетаризма, конечно же, придерживались до Кейнса почти все экономисты, за исключением очень немногих диссидентов и чудаков, включая в частности тех европейских экономистов, которые из-за своих советов в области экономической политики несут ответственность за великие инфляции 20-х годов. Я согласен с этими монетаристами, в частности, в том, что теперь, вероятно, считается их ключевым пунктом, а именно, что любая инфляция представляет собой, выражаясь современным языком, инфляцию спроса (demand-pull inflation) и что не существует, если говорить об экономическом механизме, такого явления как инфляция издержек - если только не считать частью экономических причинно-следственных зависимостей политические решения об увеличении количества денег в ответ на повышение ставок заработной платы, потому, что иначе, мол, это вызвало бы безработицу. (В другом отношении, однако, моя позиция находится за рамками спора между кейнсианцами и монетаристами. Оба эти подхода являются макроэкономическими, тогда как я считаю, что денежная теория не нуждается в подобном подходе и не должна его применять, даже если она и не может полностью обойтись без такого, в сущности, макроэкономического понятия как деньги. Макроэкономика и микроэкономика суть альтернативные методы, при помощи которых мы пытаемся справиться с трудностями, связанными с тем, что при изучении столь сложного феномена, как рынок, мы никогда не владеем всей фактической информацией, которая необходима для его исчерпывающего объяснения. Макроэкономика пытается преодолеть эту трудность, обращаясь к агрегированным и средним величинам, которые статистически доступны. Подобный подход дает полезное приближение к фактическому положению дел, но в качестве теоретического объяснения причинно-следственных связей он неудовлетворителен и подчас вводит в заблуждение, так как устанавливая эмпирически наблюдаемые корреляции, не предоставляет никаких оснований для веры в то, что они будут существовать всегда.

Альтернативный, микроэкономический подход, который предпочитаю я, опирается на построение моделей, преодолевающих проблему нашего неизбежного незнания всех имеющих значение фактов путем "сокращения масштаба" - то есть путем уменьшения числа независимых переменных до минимума, который необходим для формирования структуры, способной воспроизводить все *типы* изменений и сдвигов, которые присущи рыночной системе. Как я пытался объяснить более подробно в другой работе [30], с помощью этой техники могут осуществляться только предсказания, названные мной "структурными" (pattern predictions); она неспособна предсказывать конкретные события, на что, как я полагаю, ошибочно претендует макроэкономика.)

Я расхожусь с большинством других монетаристов и в частности, с ведущим представителем этой школы профессором Милтоном Фридманом в том, что считаю простую количественную теорию денег даже для ситуаций, где на данной территории применяется только один вид валюты, всего лишь полезной, при этом весьма грубой, попыткой приблизиться к действительно адекватно объяснению. Она, однако, становится совершенно бесполезной, когда на определенной территории одновременно используются несколько конкурирующих видов денег. Хотя этот недостаток становится серьезным

только в ситуации множественности конкурирующих валют, которую мы здесь рассматриваем, феномен замены одних вещей, считающихся в теории деньгами, другими, которые теория не считает таковыми, неизбежно нарушает строгость ее выводов.

Главный недостаток монетаристской школы состоит, мне кажется, в том, что, подчеркивая влияние изменений в количестве денег на общий уровень цен, она целиком сосредотачивается на пагубном влиянии инфляции и дефляции на отношениях между должниками и кредиторами, игнорируя еще более важные и вредные последствия вливаний и изъятий денег из обращения на структуру относительных цен и проистекающих из них неэффективное размещение ресурсов, в особенности же - дезориентацию инвестиций.

Здесь не место рассматривать во всей полноте теоретические тонкости, по поводу которых существуют значительные разногласия внутри самой монетаристской школы, хотя эти тонкости крайне важны для оценки результатов наших предложений. Мое принципиальное возражение против чисто количественной теории денег состоит в том, что даже при единственной валюте, обращающейся на данной территории, не существует, строго говоря, такой вещи, как *данное* количество денег и что любая попытка разграничить существующие группы средств обмена, выраженные в терминах единственной денежной единицы, так как будто они являются однородными или полностью взаимозаменяемыми, обманчива даже в обычной ситуации. Это возражение приобретает, разумеется, решающее значение, когда речь идет о нескольких конкурирующих валютах.

Стабильный уровень цен, высокий и устойчивый уровень занятости не требуют или не допускают, чтобы общее количество денег оставалось постоянным или изменялось в постоянном темпе. Требуется нечто похожее и вместе с тем отличающееся по сути, а именно, чтобы количество денег (или, скорее, совокупная ценность всех наиболее ликвидных активов) удерживалось бы на таком уровне, чтобы люди не стремились сокращать или увеличивать свои расходы с целью приспособления размеров остатков наличности к изменившимся предпочтениям ликвидности. Поддержание массы денег постоянной не означает, что их приток должен оставаться постоянным: ведь чтобы заставить его вести себя желаемым образом, предложение денег должно обладать значительной эластичностью. При управлении денежными средствами достижение строго определенного объема денег в обращении не может считаться конечной целью даже в случае существования территориального эмитента-монополиста. Тем более это является неверным в условиях конкурирующих эмиссий. То, чего нужно добиваться - это определения необходимого количества денег - такого, при котором цены будут оставаться постоянными. Никакая власть не может заранее установить "оптимального количества денег", выявить это может только рынок. Оно может быть обеспечено только продажей и покупкой по фиксированным ценам набора товаров, совокупную цену которых мы хотим сохранить стабильной.

Что касается предложения профессора Фридмана о законодательном установлении предельной нормы эмиссии, выше которой эмитенту-монополисту не будет позволено увеличивать количество денег в обращении, я могу только сказать, что не хотел бы быть свидетелем того, что случится, если в условиях действия такого стандарта когда-либо окажется известно, что объем денег в обращении приближается к установленному законом верхнему пределу и поэтому возросшая потребность в ликвидных средствах не может быть удовлетворена. (К такой ситуации применима классическая формулировка

Уолтера Бэджгота [3, предпоследний абзац]: "При чувствительном состоянии английского денежного рынка приближение к законодательно установленной норме резервов, несомненно, возбудило бы панику; если законом предусматривается одна треть, то в момент, когда банки приблизятся к одной трети, возникнет тревога, которая начнет распространяться как по мановению руки".)

Почему индексация не заменяет стабильной валюты

Обычно подчеркивают наиболее широко и болезненно ощущаемые пагубные последствия, которые вызывает инфляция, а именно - ее влияние на отношения между должниками и кредиторами, в особенности для получателей фиксированных доходов. Это привело к предположению, что подобные последствия могут быть смягчены, если оговорить долгосрочные обязательства в терминах "табличного стандарта", то есть непрерывно корректировать номинальную сумму долга в соответствии с изменениями индекса цен. Разумеется, верно, что такая практика устранил наиболее вопиющие проявления несправедливости, возникающие из-за инфляции и смягчит наиболее тяжкие страдания, непосредственно вызываемые ею. Но это далеко не самый страшный ущерб, наносимый инфляцией. Принятие такого паллиатива для "лечения" некоторых симптомов, вероятно, ослабит общественное сопротивление инфляции, тем самым продлив и усугубив ее. В долгосрочной перспективе это значительно увеличит экономический ущерб и, в особенности, страдания, причиняемые безработицей, которую влечет за собой инфляция.

Каждый, разумеется, знает, что инфляция влияет не на все цены одновременно, но заставляет разные цены подниматься в определенной последовательности и потому меняет соотношения между ними, хотя привычная статистика изменения *средних* цен скрывает сдвиги в *относительных* ценах. Изменение относительных доходов - один из наиболее явных при поверхностном наблюдении эффектов искажения всей структуры относительных цен. Но в долгосрочной перспективе еще более пагубное для функционирования всей экономики последствие, которое, в конечном счете, делает систему свободного рынка неработоспособной, заключается в том, что искаженная структура цен порождает неэффективное использование ресурсов, отвлекая рабочую силу и другие факторы производства (в особенности, капитал) в сферы, остающиеся прибыльными только в условиях ускоряющейся инфляции. Именно этот эффект создает главные волны безработицы (Замечательное признание этой основополагающей истины содержится в начальных абзацах итогового коммюнике совещания "Большой шестерки" на Даунинг-стрит 8 мая 1977 г., проходившего под председательством премьер-министра Соединенного королевства при участии президента США, канцлера Западной Германии, президента Франции, премьер-министра Японии и премьер-министра Италии. В первых строках говорится: "Инфляция - не лекарство от безработицы, а одна из ее главных причин". Это истина, за которую я боролся почти в одиночку более сорока лет. Однако, к несчастью, такая формулировка упрощает проблему. Во многих случаях инфляция действительно приводит к *временному* сокращению безработицы, но только ценой возрастания безработицы позднее. Именно это делает инфляцию столь соблазнительной, политически - почти неотразимой, и, по этой же причине, особенно коварной.), но экономисты, использующие макроэкономический подход, обычно либо пренебрегают, либо недооценивают его.

Этот тяжелейший ущерб, наносимый инфляцией, ни в коей мере не устраняется индексированием. В самом деле, правительственные меры такого рода, облегчающие жизнь в условиях инфляции, в конечном счете, должны вести к ухудшению положения.

Безусловно, они не облегчают борьбу с инфляцией, поскольку люди меньше осознают, что именно инфляции они обязаны своими страданиями. Совершенно неоправданно предположение профессора Фридмана о том, что "...устраняя искажения в системе относительных цен, вызванные инфляцией, широкое распространение пунктов о повышении оплаты в соответствии с ростом стоимости жизни в трудовых контрактах облегчит для публики распознавание изменений темпов инфляции, тем самым, сократив временной лаг приспособления к подобным переменам и придав, таким образом, большую чувствительность и гибкость номинальному уровню цен" (M. Friedman [20b], p. 31).

Такое сопротивление инфляции, при смягчении некоторых видимых ее эффектов, будет слабее, а продолжаться она будет, соответственно, дольше.

Правда, профессор Фридман открыто отвергает любые предположения, что индексация является заменой стабильных денег (Ibid., p. 28), но он пытается сделать ее более терпимой в краткосрочной перспективе, а я считаю любое подобное предприятие чрезвычайно опасным. Несмотря на его отрицание, мне кажется, что до некоторой степени это даже ускорит инфляцию. Это безусловно, укрепит требования отдельных групп рабочих, чья реальная зарплата должна упасть (поскольку соответствующий вид труда становится менее ценными), сохранить неизменной их реальную заработную плату. Но это означает, что всякое повышение чьих-либо ставок заработной платы относительно остальных будет оборачиваться ростом номинальных ставок у всех работников, за исключением самых низкооплачиваемых, а это само по себе сделает продолжение инфляции неизбежным.

Иными словами, мне кажется, что эти и любые другие попытки принять жесткие цены и ставки как неизбежность и приспособить к ним денежную политику (установка, от которой ведет свое происхождение кейнсианская экономика) есть один из шагов, которые на первый взгляд диктуются практической необходимостью, но в долгосрочной перспективе делающей структуру ставок заработной платы все более и более жесткой и тем самым ведущий к разрушению рыночной экономики. Но политические потребности сегодняшнего дня не должны волновать ученого-экономиста. Его задача, как я не стану повторять, заключается в том, чтобы сделать политически возможным то, что сегодня еще политически невозможно. Решать, что можно сделать в настоящий момент, есть задача политика, а не экономиста, который должен постоянно подчеркивать, что упорное движение в данном направлении ведет к катастрофе.

Я полностью согласен с профессором Фридманом в вопросе о неизбежности инфляции при существующей политической и финансовой системе. Но я уверен, что если мы не изменим существующие политические условия, это приведет к разрушению нашей цивилизации. В этом смысле я признаю, что мое радикальное предложение, касающееся денег, вероятно, будет осуществимо только как часть куда более далеко идущих изменений нашей политической системы. Но часть эта - весьма существенная и в недалеком будущем будет признана необходимой. Две предлагаемые мной различные реформы экономического и политического порядка (F. A. Hayek [31a], vol. 3) в действительности являются, взаимодополняющими: тип денежной системы, которую я предлагаю, возможен только в условиях ограниченного правления, а ограничение власти правительства может потребовать чтобы оно было лишено и монополии на эмиссию денег. В сущности, второе должно с неизбежностью следовать из первого.

Исторические свидетельства

Профессор Фридман с тех пор (в интервью журналу Reason, IX: 34, New York, August 1977, p. 26) более полно разъяснил свои сомнения по поводу действенности моего предложения и заявил, что "у нас достаточно эмпирических и исторических данных, показывающих, что эти надежды (т.е. мои - Ф. Хайек) на самом деле не могут оправдаться, что частные валюты с надежной покупательной способностью не вытеснят правительственные валюты".

Я не могу найти свидетельств о том, что какому-то средству обмена, похожему на валюту, о которой идет здесь речь, то есть валюту, о которой публика знала, что ее эмитент может продолжать свой бизнес только при условии, что он поддерживает ее ценность на постоянном уровне, на валюту, которую можно было использовать во всех обычных банковских операциях и которая признавалась законом в качестве инструмента для заключения контрактов, ведения бухгалтерского учета и совершения расчетов, не было отдано предпочтение перед обесценивающейся официальной валютой. Таких свидетельств нет просто потому, что такой ситуации, по-видимому, никогда не существовало. Вполне возможно, что во многих странах выпуск такой валюты формально не запрещен, но остальные условия, как правило, отсутствуют. И каждый знает, что если такой частный эксперимент будет обещать успех, правительства сразу же вмешаются, чтобы этому воспрепятствовать.

Если попытаться найти исторические свидетельства, возможного поведения людей в ситуации, когда они могут свободно выбирать используемую валюту, то вытеснение фунта стерлингов с арены международной торговли, где он служил общей денежной единицей, сразу после начала его непрерывного обесценения, кажется серьезным подтверждением моих ожиданий. Все, что мы знаем о поведении индивидуумов, которым приходится иметь дело с плохими национальными деньгами и сталкиваться с правительством, не гнушающимся никакими средствами принуждения людей к использованию выпускаемых им денег, указывает на вероятный успех любых денег, которые имеют желательные для публики свойства, если ей искусственно не мешают ими пользоваться. Американцы, к счастью для себя, никогда не переживали периода, когда все граждане страны считали более безопасной не свою собственную, а другую национальную валюту. Но на европейском континенте было немало случаев, когда люди вместо своих национальных валют использовали бы доллары. Они так и поступали, причем в гораздо большей мере, чем допускалось законом, и приходилось прибегать к жестоким наказаниям, чтобы не позволить быстро распространиться этой привычке. Вспомним о миллиардах неучтенных долларовых банкнот, несомненно, находящихся в частных руках по всему миру.

Я никогда не сомневался, что большинство людей не сразу признает преимущества подобной новой валюты, и предполагал даже, что если предоставить такую возможность, то вначале массы обратятся скорее к золоту, чем к каким бы то ни было формам бумажных денег. Но как всегда бывает, успех тех немногих, кто быстро поймет преимущества действительно стабильной валюты, в конце концов, побудит других к подражанию.

Однако я признаться, несколько удивлен тем, что среди всех именно профессор Фридман так мало доверяет способности конкуренции создать лучшие денежные инструменты, поскольку Фридман, кажется, отнюдь не считает, что это когда-либо окажется под силу монополии и просто опасается лени, вызываемой старыми привычками, (см. эпиграф к предисловию к русскому изданию - прим. ред.)

XV. ЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВАЛЮТЫ

До сих пор мы условно допускали, что тот вид денег, которым предпочтут пользоваться отдельные люди, будет также и наиболее благоприятным для беспрепятственного функционирования рыночного процесса в целом. Хотя это похоже на правду и, как мы увидим, примерно соответствует действительности, но, тем не менее, это не является самоочевидным. Нам еще предстоит исследовать обоснованность такого представления. Возможно, что использование одного конкретного вида валюты может быть самым удобным для каждого отдельно взятого человека, но при этом ему было бы лучше, чтобы все остальные пользовались какой-либо другой валютой.

Мы видели (раздел XIII), что успешная экономическая деятельность (или реализация тех ожиданий, которые к ней привели) зависит, главным образом, от более или менее точного предвидения будущих цен. Такие предсказания будут основываться на текущих ценах и оценке тенденций их изменений, но будущие цены всегда остаются в какой-то мере неопределенными, ибо обстоятельства, от которых они зависят, большинству индивидов неизвестны. В самом деле, функция цен состоит именно в том, чтобы как можно быстрее сообщать, о тех изменениях, о которых индивидум не может знать, но с которыми ему нужно согласовать свои планы. Эта система работает потому, что в целом текущие цены - достаточно надежные индикаторы вероятных будущих цен, подверженные только тем "случайным" отклонениям, которые, как мы видели, в случае если средние цены остаются постоянными, скорее всего, нейтрализуют друг друга. Мы видели так же, как такое взаимное погашение противоположных изменений становится невозможным, если имеет место существенный общий сдвиг цен в каком-нибудь одном направлении. Но текущие цены конкретных товаров или групп товаров могут начать вводить в заблуждение, если они станут определяться одноразовыми, неповторяющимися событиями, такими, как временный приток или отток денег из системы. Ибо столь явные отклонения спроса от определенной траектории странным образом являются самообратимыми: они систематически толкают производственные усилия в тех направлениях, где их невозможно поддерживать. Самые серьезные из повторяющихся искажений в распределении ресурсов возникают, когда в результате впрыскивания (или изъятия) какого-то количества денег, денежные средства, доступные для инвестирования, возрастают существенно выше (или падают существенно ниже) тех объемов, которые передаются в настоящее время от потребления на инвестирование или сберегаются.

Хотя повторяющиеся кризисы и депрессии порождаются именно таким механизмом, он не является специфическим результатом использования какой-либо конкретной валюты, который пользователи могут осознать и который может, поэтому, заставить их переключиться на другую валюту. Следует ожидать, что на выбор валюты будут влиять только такие ее свойства, которые явно затрагивают сферу деятельности пользователей, а не косвенные эффекты изменений ее объема, которые будут сказываться по большей части на решениях других людей.

Предложение валюты, стабильные цены и эквивалентность инвестиции и сбережению

Хотя Кнут Виксель, первый из современных экономистов обративший внимание на критическую важность этого разрыва между инвестициями и сбережениями, считал, что он исчезнет, если поддерживать ценность денег постоянной, это, к несчастью, оказалось не вполне так. Сейчас стало общепризнанным, что даже те прибавления к общему

количеству денег, которые необходимы в растущей экономике для обеспечения *стабильного* уровня цен, могут вызывать превышение инвестиций над сбережениями. Но хотя я один из первых указал на эту трудность (F. R. Nauek [25] p. 114 ff.), я склонен полагать, что эта проблема имеет лишь второстепенное практическое значение. Если бы приток или отток денежной массы никогда не превышал объема, необходимого для поддержания средних цен приблизительно постоянными, мы подошли бы к положению, при котором инвестиции приблизительно соответствовали бы сбережениям - настолько, насколько это было бы вообще возможно при использовании любого другого доступного нам метода. По сравнению с разрывом между инвестициями и сбережениями, который неизбежно сопровождает сильные колебания в уровне цен, порядок этих расхождений при стабильном уровне цен окажется, вероятно, таким, что нам не придется о них беспокоиться.

Фикция "нейтральных денег"

У меня создалось впечатление, что экономисты заходят слишком далеко в вопросе о степени стабильности, достижимой или даже желательной при любом мыслимом экономическом порядке и, к несчастью, поощряют этим политические требования, касающиеся гарантий занятости при данном уровне желательной для занятых заработной платы - требования, которые в долгосрочной перспективе не сможет удовлетворить никакое правительство. Такое полное соответствие или совпадение индивидуальных планов, которое следует из теоретической модели совершенного рыночного равновесия основанной на гипотезе, что деньги, необходимые для опосредованного обмена, не оказывают влияния на относительные цены, является чистым вымыслом, не имеющим ничего общего с действительностью. Я сам ввел в оборот выражение "нейтральные деньги" (которое, как обнаружил потом, бессознательно позаимствовал у Викселля), но только ради того, чтобы описать эту принимаемую почти всеми посылку, лежащую в основе теоретического анализа. Моей целью было поставить вопрос, могут ли какие-либо реальные деньги обладать этим свойством, а вовсе не предлагать эту идею в качестве модели для денежной политики (F. R. Nauek [26]). С тех пор я давно уже пришел к заключению, что никакие реальные деньги не могут быть нейтральными в этом смысле, и что мы должны довольствоваться системой, способной быстро исправлять неизбежные ошибки. Как мне кажется, наибольшим приближением к таким условиям, которых мы вообще можем надеяться достичь, будет состояние, при котором средние цены "первичных факторов производства" будут оставаться постоянными. Но поскольку для средних цен земли и труда нелегко найти статистические измерители, наиболее доступным для нас приближением к этой цели будет сохранение стабильности цен на сырье и, может быть, некоторых других оптовых цен. Эту стабильность, как мы надеемся и, может обеспечить эмиссия валют на конкурентной основе.

Я готов признать, что подобное временное решение (эксперименты с конкуренцией валют могут его постепенно усовершенствовать), хотя и обеспечивает несравнимо лучшие деньги и гораздо большую общеэкономическую стабильность, чем мы когда-либо имели, оставляет открытым множество вопросов, на которые у меня нет готовых ответов. Но оно отвечает нашим самым насущным нуждам намного больше, чем любые возможные перспективы, открывающиеся если мы отказываемся рассматривать вопрос об уничтожении монополии на эмиссию денег и о свободной конкуренции в деле обеспечения валютой.

Возросший спрос на ликвидность

Чтобы рассеять сомнение относительно возможности поддержания стабильного уровня цен, которое я и сам разделял какое-то время, мы можем кратко обсудить, что произойдет, если однажды большинство членов сообщества пожелает держать намного большую, чем прежде, долю своих активов в высоко ликвидной форме. Не приведет ли это к тому, что ценность самых ликвидных активов, то есть денег, повысится по сравнению с ценностью товаров?

Ответ состоит в том, что подобные потребности людей можно удовлетворять не только повышая *ценность* существующих ликвидных активов, но и увеличивая их *объемы*. Об удовлетворении желания каждого индивидуума держать большую долю своих активов в высоко ликвидной форме можно позаботиться, увеличив общий объем денежной массы. Это парадоксальным образом увеличит суммарную ценность всех существующих активов и одновременно долю тех из них, которые высоко ликвидны. Ничто, конечно, не может увеличить ликвидность закрытого общества в целом, если это понятие вообще имеет какой-то смысл - исключая случай, когда мы настолько расширяем его значение, что рассматриваем и переход от производства узко специфических товаров к производству товаров универсального назначения, что повышает скорость приспособления к непредвиденным событиям.

Не следует опасаться искусственного роста потребности в деньгах, обусловленного тем, что для обеспечения достаточной ликвидности понадобится больше денег. Требуемый объем любой валюты всегда можно выпустить или удерживать в обращении, не вызывая роста или снижения совокупной (прямой или косвенной) цены "корзины" товаров, которой надлежит оставаться постоянной. Это правило будет отвечать всем законным требованиям об удовлетворении меняющихся "нужд торговли". И так будет до тех пор, пока объявленный набор товаров может быть куплен или продан по объявленной совокупной цене; оседание же или высвобождение валюты из остатков наличности не нарушает этого условия.

Справедливым остается, однако, что если одновременно обращаются хорошая и плохая валюты, индивидуум не в состоянии полностью защититься от вредных воздействий плохой валюты, используя в своих сделках только хорошую. Поскольку относительные цены различных товаров в разных конкурирующих валютах должны оставаться одними и теми же, пользователь стабильной валюты не может избежать последствий искажения ценовой структуры из-за инфляции (или дефляции) той или иной широко используемой конкурирующей валюты. Преимущества стабильного течения экономической деятельности, которые, как мы убедимся, может принести использование стабильной валюты, будут, поэтому достигаться только в том случае, если подавляющее большинство сделок станет заключаться в стабильных валютах. Такое вытеснение плохих денег хорошими наступит, я полагаю, достаточно скоро, но случайные нарушения всей ценовой структуры и, вслед за ней, общей экономической деятельности нельзя полностью исключить до тех пор, пока публика не научится быстро отвергать соблазны дешевых денег.

XVI. СВОБОДНАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Некоторые из проблем, с которыми мы сталкиваемся, широко обсуждались в ходе знаменитых споров о "свободной банковской деятельности" в середине прошлого столетия, прежде всего - во Франции и Германии (хороший обзор этой дискуссии можно найти в: V. C. Smith [33]).

Эти споры вращались вокруг вопроса о праве коммерческих банков эмитировать банкноты, обмениваемые на существовавшие тогда золотую и серебряную национальную валюту. Банкноты играли тогда гораздо большую роль, чем весьма слабо распространенные чековые счета, которые приобрели значимость только после (и, быть может, отчасти вследствие) того, как у коммерческих банков, в конце концов, окончательно были отняты права выпускать банкноты. Результатом этих споров стало создание в каждой из европейских стран одного-единственного банка с правительственной привилегией на эмиссию банкнот (Соединенные Штаты последовали европейскому примеру только в 1914 г.).

Единая национальная валюта вместо нескольких конкурирующих валют

Особо следует отметить, что требование свободы банковской деятельности в то время целиком и полностью сводилось к требованию разрешить коммерческим банкам выпускать банкноты, денонмированные в единой официальной национальной валюте. Насколько мне известно, возможность выпуска коммерческими банками различных валют никогда не рассматривалась. Это, конечно, вытекало из представления, согласно которому можно использовать только банкноты, размениваемые на золото и серебро. Банкноты, не обеспеченные стандартным количеством драгоценного металла, показались бы попросту совершенно бесполезными.

Старейший законный довод в пользу свободы банковской эмиссии, однако, потерял силу в тот момент, когда обмен выпускаемых банкнот стал осуществляться не на золото или серебро, за поддержание запаса которых каждый отдельный эмиссионный банк нес полную ответственность, а в единицах "законного платежного средства", поставляемого привилегированном центральным эмиссионным банком, который был фактически обязан обеспечивать наличность, необходимую для погашения банкнот, выпускаемых частными эмиссионными банками. Возникновение такой совершенно ущербной системы был предотвращена (по крайней мере, в части эмиссии банкнот, но не чековых депозитов) путем запрета эмиссии частных банкнот.

Требование свободной банковской деятельности (то есть свободной эмиссии банкнот) основывалось, по большей части, на том, что банки смогли бы благодаря этому предоставлять более обширные и дешевые кредиты. По этой же причине против нее выступали те, кто понимал, что результатом будет инфляция, хотя, по меньшей мере, один защитник свободной эмиссии банкнот отстаивал ее по иной причине: "...то, что называется свободной банковской деятельностью, приведет к полному изъятию из обращения банкнот во Франции. Я хочу дать каждому право выпускать банкноты, чтобы никто не захотел больше принимать никаких банкнот" (H. Chernuschi [9], цит. по L. v. Mises [47], p. 446; см. -также: V. C. Smith [55], p. 91). Идея, разумеется, состояла в том, что неизбежное злоупотребление правом эмиссии, то есть выпуск такого количества банкнот, которое банки не могли бы выкупить за счет собственных резервов, привело бы к их провалу.

Окончательная победа сторонников централизации национальной эмиссии была, однако, на деле смягчена одной уступкой тем, кто был заинтересован, прежде всего, в дешевом банковском кредите. Она состояла в признании обязанности привилегированного эмиссионного банка снабжать коммерческие банки любым количеством банкнот, которое потребуется им при погашении депозитов до востребования, значимость которых быстро росла. Это решение или, скорее, признание практики, в которую втянулись центральные

банки, вызвало к жизни крайне неудачную гибридную систему, в которой ответственность за поддержание общей денежной массы была фатальным образом поделена так, что никто не мог эффективно ее контролировать.

Текущие счета подобны банкнотам и чекам

Это неблагоприятное течение событий возникло потому, что долгое время мало кто понимал, что чековые депозиты играли во многом ту же самую роль, что и банкноты, и могли создаваться коммерческими банками точно таким же образом. Последующий подрыв государственной, как еще верили, монополии на эмиссию денег привел к тому, что контроль за всем денежным обращением был поделен между центральным банком и множеством коммерческих банков, на кредитную политику которых центральный банк мог влиять лишь косвенно. Только много позже начали понимать, что "нестабильность, внутренне присущая кредиту" ("inherent instability of credit" - выражение, впервые употребленное Р. Дж. Хоутри) была неизбежным результатом такой системы; что ликвидные средства стали предоставляться в основном организациями, которые сами должны были поддерживать ликвидность, выраженную в иной денежной форме, так что они вынуждены были сокращать свои неоплаченные обязательства именно тогда, когда все остальные также начинали стремиться к большей ликвидности. К тому времени подобная система укоренилась настолько прочно, что, несмотря на "искаженную эластичность предложения кредита" (ср.: L. Currie [12]), которую она обусловила, на нее стали смотреть, как на нечто неизменное. Уолтер Бэдждот ясно видел эту дилемму сто лет назад, но отчаялся найти возможности излечить этот порок прочно утвердившейся банковской структуры. (W. Bagehot [3], p. 160: "Я уныло твердил, что естественная система банковской деятельности есть система многих банков, поддерживающих собственные резервы, наказанием для которых в случае пренебрежения этой обязанностью будет крах. Я показал, что наша система состоит из единственного банка, держащего весь резерв и не подвергающегося реальной угрозе краха. И все же я предлагаю сохранить эту систему и только пытаюсь подправить и смягчить ее... поскольку я совершенно уверен, что бесполезно предлагать изменить ее..., что нет силы, способной на такую обширную реконструкцию и такие большие разрушения, а потому бесполезно предлагать их". Это было почти безусловно верно до тех пор, пока господствующая система работала удовлетворительно, но не после того, как она сломалась.) А Викселль и вслед за ним фон Мизес ясно показали, что такое устройство должно приводить к повторяющимся сильным колебаниям деловой активности - так называемым "торгово-промышленным циклам" (trade-cycle).

Новый контроль за валютами, новая банковская практика

Не последнее преимущество предложенной отмены государственной монополии на эмиссию денег состоит в том, что открывается возможность выбраться из тупика, в который завел нас ход событий. Это должно создать условия, при которых ответственность и контроль над количеством валюты будет возлагаться на агентства, чьи интересы должны заставлять их осуществлять этот контроль так, чтобы делать эту валюту максимально привлекательной для потребителей.

Это также показывает, что предлагаемая реформа требует полного изменения практики работы не только тех банков, которые занимаются эмиссией денег, но и всех остальных. Ибо последние не смогут больше полагаться на помощь центрального банка, если окажутся не в состоянии удовлетворить за счет собственных резервов требования

клиентов на наличность - даже если они будут вести счета в валюте, выпускаемой еще существующим правительственным центральным банком, так как он, чтобы поддержать ее обращение, окажется, вынужден последовать практике других эмиссионных банков, с которыми конкурирует.

Оппозиция новой системе со стороны существующих банков...

Необходимость для всех банков выработать совершенно новую практику будет, несомненно, вызывать сильное сопротивление отмене правительственной монополии. Маловероятно, что большинство старейших банкиров, воспитанных в условиях прежней банковской рутины, будут способны справиться с новыми проблемами. Я уверен, что многие из нынешних лидеров банковского дела будут неспособны постичь, как вообще сможет работать новая система, и будут, поэтому, называть ее полностью неосуществимой и невозможной.

Это особенно касается тех стран, где конкуренция среди банков в течение многих поколений сдерживалась картельной организацией, обычно разрешенной и даже поощряемой правительствами. Старшее поколение банкиров в этих странах, вероятно, будет неспособно даже представить себе, как будет действовать новая система и поэтому практически единодушно отвергнет ее. Но эта предсказуемая оппозиция профессионалов банковского дела не должна нас смущать. Я убежден, что если поколение молодых банкиров получит такую возможность, оно быстро выработает технические приемы, которые сделают новую форму банковского дела не только безопасной и прибыльной, но и намного более выгодной для населения, чем существующая.

... и со стороны банковских аферистов

Другим курьезным источником оппозиции, которая возникнет, как только выяснится, что последствия "свободной банковской деятельности" окажутся прямо противоположными ожидаемым, будут все те многочисленные аферисты, которые проповедовали "свободу банков" опираясь на соображения инфляционистов. (Среди этого весьма внушительного списка помимо хорошо известных авторов, чьи работы присутствуют в нашей библиографии под номерами [13], [22], [44] и [51], особого упоминания заслуживает опубликованная в период 1929-1944 гг. серия работ Эдварда Кларенса Риджела (1879-1953) - пример того, насколько из-за незнания элементарной экономической теории обесцениваются результаты глубоких прозрений и длительных размышлений, привлечшие внимание экономиста такого ранга как Ирвинг Фишер. О выходе не публиковавшейся при жизни Риджела работы "Flight from Inflation. The Monetary Alternative" объявил фонд Тектор Фаун-дейшн", Сан-Педро, Калифорния.) Как только публика получит альтернативу, невозможно будет побудить ее держать дешевеющие деньги. Желание избавиться от валюты, находящейся под угрозой обесценения, быстро превратит ее в исчезающие деньги. Инфляционисты будут протестовать, поскольку, в конце концов, останутся только очень "твердые" деньги. Деньги - это единственная вещь, которую конкуренция не удешевит, ибо их привлекательность определяется "их дороговизной".

Проблема "дорогих" (стабильных) денег

Конкуренция, главное достоинство которой состоит в том, что она делает продукцию конкурентов дорогой, поднимает немало интересных вопросов. В чем будут конкурировать поставщики, создавшие себе примерно равные репутации и вызывающие

доверие способностью поддерживать стабильность своих валют? Прибыли от эмиссионного бизнеса (равнозначного займам с нулевым процентом) будут очень большими и маловероятно, что очень много фирм сможет в нем преуспеть. По этой причине услуги предприятиям, опирающимся в бухгалтерском учете на валюту данного банка, станут, вероятно, главным орудием конкурентной борьбы и я не удивлюсь, если банки по существу возьмут на себя бухгалтерский учет своих клиентов.

Хотя даже очень большие прибыли успешно утвердившихся эмитентов не будут слишком высокой ценой за хорошие деньги, они неизбежно создадут серьезные политические трудности. Не считая неизбежного возмущения прибылями денежной монополии, реальной угрозой системе будет алчность финансовых министров, которые вскоре потребуют своей доли в прибылях за разрешение данной валюте циркулировать в стране, а это, конечно, все испортит. Вполне может оказаться, что для демократического правительства почти так же невозможно не вмешиваться в денежные дела, как и разумно, регулировать их.

Реальная опасность состоит, таким образом, в том, что хотя сегодня люди покорно мирятся с любыми злоупотреблениями правительственной монополии, в новой системе, как только станет возможным заявить, что деньги выпускаются "богатыми финансовыми организациями", жалобы на злоупотребления их, якобы, монопольным положением станут несмолкаемыми. Отнять у денежной власти ее предполагаемые привилегии - вот что станет постоянным требованием демагогов. Я верю, что банки окажутся достаточно мудрыми, чтобы не желать занять положение, даже отдаленно напоминающее монополию, но ограничение размеров собственного бизнеса может стать для них одной из самых щепетильных проблем.

XVII. НИКАКОЙ ОБЩЕЙ ИНФЛЯЦИИ ИЛИ ДЕФЛЯЦИИ В БУДУЩЕМ?

И общий рост, и общее падение цен окажутся невозможными в условиях, когда нескольким эмитентам различных валют будет позволено свободно конкурировать без вмешательства правительства. Всегда найдутся эмитенты (один или более), которые сочтут выгодным регулировать предложение своей валюты таким образом, чтобы сохранять постоянной ее ценность, сообразно совокупной цене набора широко используемых товаров. Это вскоре заставит каждого менее дальновидного эмитента конкурирующей валюты покончить со снижением или повышением ценности своих денег, если он не желает или полностью потерять эмиссионный бизнес, или обнаружить, что ценность его валюты приближается к нулю.

Не существует инфляции издержек, вызываемой ростом цен на нефть или любые другие товары

Здесь, конечно, принимается, как само собой разумеющееся, что средние цены в любой валюте всегда могут контролироваться путем соответствующего изменения ее количества. И теоретический анализ, и опыт подтверждают, как мне кажется, это предположение.

Поэтому нам не стоит доверять теориям, которые всегда выдвигаются в периоды продолжительных инфляций в целях оправдания правительства. Утверждается, что непрерывный рост цен есть не следствие правительственной политики, а результат изначального повышения издержек. В ответ на это следует подчеркнуть, что такого явления как инфляция издержек (cost-push inflation) в строгом смысле слова просто не

существует. Ни повышение ставок заработной платы, ни повышение цен на нефть, ни даже рост цен на импорт в целом не могут поднять совокупную цену всех товаров до тех пор, пока покупателям не предоставляется дополнительных денег на их покупку. То, что называют инфляцией издержек, есть просто результат роста денежной массы, который правительства считают необходимым обеспечить, чтобы предотвратить безработицу, вызываемую повышением ставок заработной платы (или других издержек): такое повышение предшествует инфляции и на него решаются в ожидании, что правительство увеличит денежную массу. Эти меры предпринимаются в надежде, что люди смогут найти работу, благодаря повышению спроса на их продукцию. Если правительство не увеличивает денежную массу, повышение заработной платы какой-либо группы работников приведет не к росту общего уровня цен, а просто к сокращению продаж и, следовательно, к безработице.

Стоит, однако, рассмотреть чуть более подробно, что произойдет, если картель или другая монополистическая организация, такая, как профсоюз, добьется успеха и сумеет существенно повысить цены на значимый вид сырья или ставки большой группы работников, устанавливая их в валюте, стабильность которой эмитент стремится сохранить. При таких обстоятельствах стабильность общего уровня цен в данной валюте может быть достигнута только снижением ряда других цен. Если людям приходится платить больше денег за нефть или книги, или печатные материалы, которые они покупают, они вынуждены будут потреблять меньше каких-то других товаров.

Проблема жесткости цен и заработной платы

Ни одна валюта не может, конечно, устранить негибкости некоторых видов цен. Но она может сделать невозможной политику, способствующую установлению такой негибкости, заставляя тех, кто сохраняет жесткость цен перед лицом падающего спроса, смириться с последующим сокращением продаж.

Вся разница в подходах между господствующей кейнсианской школой и взглядами, лежащими в основе моих рассуждений, заключается, в конечном счете, в трактовке феномена ригидности цен и заработной платы. Кейнс привел к его точке зрения убеждение, что усиливающаяся ригидность, т.е. негибкость заработной платы есть непреложный факт, который надо принять и последствия которого можно смягчить, просто приспособив уровень денежных расходов к некоей ставке заработной платы. (Это мнение было до известной степени оправдано в условиях Великобритании 20-х годов, когда в результате неблагоразумной попытки повысить ценность фунта на внешнем рынке, большинство ставок заработной платы в Великобритании перестало соотноситься с товарными ценами мирового рынка.) Я утверждаю с тех пор, что такое приспособление денежной массы к ригидности некоторых цен и, в особенности, к ригидности ставок заработной платы, должно сильно увеличить сферу распространения подобной ригидности и, в долгосрочной перспективе, полностью разрушить функционирование рынка.

Заблуждение насчет "благотворности умеренной инфляции"

Всякая инфляция очень опасна именно потому, что многие люди, включая многих экономистов, считают умеренную инфляцию безвредной и даже полезной. В политике, однако, есть несколько ошибок, по отношению к которым имеет смысл применять старую максиму *prīncipiis obsta* ("дави в зародыше" - Овидий, "Лекарство от любви", 91).

Удивительно, но факт: самоускоряющийся механизм любой организованной инфляции до сих пор не понимается даже некоторыми экономистами. Первоначальный общий стимул, обеспечиваемый ростом денежной массы, объясняется, главным образом, тем, что цены и, следовательно, прибыли оказываются выше, чем ожидалось.

Все предприятия преуспевают, включая даже тех, которые должны были бы обанкротиться. Но это может продолжаться только до тех пор, пока непрерывный рост цен остается для всех неожиданным. Как только люди научатся учитывать его, даже непрерывное повышение цен с одним и тем же темпом не будет больше давать стимулов, которые оно давало вначале. Денежная политика сталкивается тогда с неприятной дилеммой. Чтобы поддерживать ту степень деловой активности, которая создана ею при помощи умеренной инфляции, приходится ускорять темпы инфляции и повторять это снова и снова с нарастающей силой всякий раз, когда существующий темп инфляции становится ожидаемым. Если правительство этого не делает и либо прекращает ускорение инфляции, либо вообще ее останавливает, экономика оказывается в намного худшем положении, чем в начале процесса. Инфляция позволяет накапливаться ошибкам, которые в нормальных условиях быстро устраняются, а теперь их нужно будет ликвидировать все одновременно. Кроме того, она вызывает дезориентацию производства и отвлекает трудовые и другие ресурсы, направляя их на те виды деятельности, которые могут поддерживаться только благодаря дополнительным инвестициям, финансируемым за счет продолжающегося увеличения денежной массы.

Сейчас уже всем стало понятно, что тот, кто контролирует общее предложение денег в стране, в большинстве ситуаций способен обеспечить почти мгновенное облегчение безработицы, пусть ценой ее значительного роста позднее. Политическое давление на такое агентство должно быть непреодолимым. Эту угрозу понимали некоторые экономисты, стремившиеся ограничить денежные власти барьерами, которые те не смогли бы нарушать. Но с тех пор, как некая школа теоретиков путем профессионального предательства или по невежеству купила себе временную популярность, политический контроль за денежной массой стал таить в себе слишком большую опасность для всего рыночного порядка. С другой стороны, какое бы политическое давление ни оказывалось на самые крупные частные эмиссионные банки, чтобы заставить их смягчить условия кредита и расширить обращение своей валюты, ясно, что если монополистический институт уступит такому давлению, он вскоре перестанет входить в число крупнейших эмитентов.

"Денежная иллюзия", то есть вера, что деньги представляют постоянную ценность, могла появиться только потому, что было бесполезно заботиться об изменениях ценности денег, так как с этим ничего нельзя было поделать. Как только люди получают возможность выбора, они станут внимательно следить за всевозможными изменениями в ценности различных доступных им валют. Все должны знать и будут знать, что за деньгами нужен глаз да глаз, и предупреждения о подозрительности той или иной валюты будут рассматриваться как похвальное, а не как антипатриотическое деяние.

Ответственность за безработицу снова ложится на профсоюзы

Лишение правительства возможности противодействовать последствиям монополистического повышения заработной платы и цен путем увеличения денежной массы переместит ответственность за полное использование ресурсов туда, где она и должна быть, то есть туда, где принимаются решения, служащие действительной

причиной их недоиспользования: я имею в виду монополистов, договаривающихся о ставках заработной платы и ценах.

Пора понять, что попытки использовать инфляцию для борьбы с безработицей, порождаемой монополистическими действиями профсоюзов, просто отодвигают увеличение безработицы до того момента, когда темпы инфляции, необходимые для поддержания занятости путем непрерывного увеличения денежной массы, станут невыносимыми. Чем скорее мы сделаем невозможным принятие таких вредных мер (вероятно, неизбежных, пока правительство имеет финансовую власть их предпринимать), тем лучше будет для всех, кого это касается.

Предлагаемая схема обещает в действительности нечто большее, чем просто предотвращение инфляции и дефляции в строгом смысле этих терминов. Не все изменения в общем уровне цен вызываются изменениями денежной массы или ее неспособностью адаптироваться к сдвигам в спросе держателей на деньги, а только такого рода изменения и могут называться, собственно говоря, инфляцией или дефляцией. Правда, в наши дни маловероятны масштабные одновременные изменения в предложении многих важных товаров. Это случалось, когда колебания в размерах урожая могли вызывать нехватку или переизбыток большинства главных видов продовольствия и тканей. И даже сегодня, быть может, в военное время в островной или осажденной врагами стране можно себе представить острый недостаток (или переизбыток) продуктов, на производстве которых специализируется страна. По крайней мере, если бы индекс товарных цен, от которого зависели бы размеры эмиссии в стране, основывался главным образом на внутренних ценах, то такая практика могла бы приводить к изменениям в предложении денег, направленным на нейтрализацию ценовых колебаний, вызываемых неденежными факторами.

Предотвращение общей дефляции

Читатель может быть еще не вполне убежден, что в конкурентной денежной системе, которую мы здесь рассматриваем, общая дефляция будет столь же невозможной, как и общая инфляция. Опыт, кажется, действительно показал, что в условиях глубокой неопределенности или тревоги о будущем даже очень низкие процентные ставки не могут предотвратить сокращения объема банковских кредитов. Что бы мог сделать банк, выпускающий собственную валюту, когда он оказывается в такой ситуации, и когда товарные цены в его валюте грозят упасть? И насколько сильна будет заинтересованность банка в приостановке такого падения цен, если эти обстоятельства так же воздействуют на конкурирующие с ним финансовые организации?

Разумеется, не составит труда провести дополнительное размещение денег в тот период, когда публика стремится к высокой ликвидности. Эмиссионный банк, однако, не будет заинтересован брать на себя обязательств поддерживать посредством скупки более высокую ценность своей валюты, чем та, по которой он ее выпускал. Можно предположить, что для того чтобы поддерживать прибыльные инвестиции, банк начнет покупать процентные ценные бумаги, тем самым вложив наличность в руки людей, желающих инвестировать, а также понизит долгосрочные процентные ставки, с аналогичным результатом. Организация с очень большим объемом обращения валюты может даже счесть выгодным начать покупать с целью создания запасов товары, относящиеся к группе, тенденция к падению цен, на которую особенно сильна.

Этого будет, вероятно, достаточно, чтобы противодействовать любой тенденции к снижению общего уровня цен, вызванной собственно экономическим процессом, и этот результат, если он будет достигнут, есть, вероятно, все, чего вообще можно добиться любым контролем за денежной массой.

Нельзя, конечно, полностью исключить, что какие-то события могут породить такое уныние и летаргию, что ничто не сможет побудить людей возобновить инвестиции и тем самым остановить угрожающее падение цен. Если это вызвано внешними для экономики событиями: страхом перед нависшей мировой катастрофой или неминуемой победой коммунизма, или стремлением в каком-либо регионе обратить все частное имущество в наличные деньги, чтобы быть готовыми к бегству, то, по-видимому, ничто не сможет предотвратить падения цен на предметы, которые нелегко унести с собой. Но пока нормальные условия для эффективной деятельности капиталистического предпринимательства сохраняются, конкуренция будет поставлять деньги, вызывающие наименьшие нарушения в его работе. И это, вероятно, все, на что мы можем надеяться. (Остальные сомнения касаются вопроса о желании держателей наличности в этих условиях переключиться на валюту с повышающейся ценностью, но в этих условиях такая валюта вряд ли будет доступна.)

XVIII. ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА НЕЖЕЛАТЕЛЬНА И НЕВОЗМОЖНА

Понятно, что при предлагаемом нами валютном устройстве денежная политика в том виде, в каком она нам известна сейчас, не могла бы существовать. Нельзя отрицать, что при нынешнем разделении ответственности между эмитентами базовых денег и эмитентами, паразитирующими на них, центральные банки должны, чтобы не дать делам принять полностью неуправляемый характер, пытаться сознательно предупреждать события, на которые они могут лишь влиять, но которые они не в состоянии прямо контролировать. Но система центральных банков, которая всего 50 лет назад считалась вершиной финансовой мудрости, сильно дискредитировала себя. Это стало особенно очевидно с тех пор, как после отмены золотого стандарта и фиксированных обменных курсов дискреционная власть центральных банков возросла еще больше, чем прежде, когда они пытались все же придерживаться твердых правил. Это в равной мере относится как к странам, где целью политики еще является достижение хотя бы относительной стабилизации, так и к странам, подавленным инфляцией.

Правительства - главный источник нестабильности

Мы имеем свидетельство компетентного и авторитетного экономиста, ни в коей мере не чуждого новейшим воззрениям, о том, что в течение последнего десятилетия (1962-1972), когда сторонники "точной настройки" денежной политики приобрели влияние, которое, мы надеемся, они уже никогда не будут более иметь, основная часть колебаний в экономике была следствием бюджетной и денежной политики. (O. Eckstein [14], в особенности р. 19: "По традиции теория стабилизации рассматривала капиталистическую экономику, основанную на частной собственности, как механизм, который создает колебания... Сейчас нет сомнений в том, что главным источником нестабильности является правительство". И р. 25: "Темпы инфляции (в США, в период 1962 -1972 г.) были бы значительно ниже, реальный рост- равномернее, общий уровень безработицы изменился бы мало, его перепады были бы умереннее, а условия в конце этого периода позволили бы избежать введения контроля за заработной платой и ценами".) Безусловно, нельзя утверждать, что период после отказа от полуавтоматического регулирования

денежной массы в целом оказался более стабильным или свободным от нарушений в сфере денежного обращения, чем периоды господства золотого стандарта или фиксированных обменных курсов.

Нашему взору действительно откроются совершенно иные экономические перспективы, созданные свободным выпуском конкурентных валют, когда мы поймем, что при такой системе то, что считается сейчас денежной политикой, станет ненужным и даже невозможным. Эмиссионные банки, руководимые единственно стремлением к выгоде, должны в силу этого служить общественным интересам лучше, чем когда-либо делало или могло бы делать любое учреждение, специально предназначенное для этого. Не будет существовать поддающегося точному определению количества денег в стране или регионе и будет нежелательно, чтобы частные эмитенты разных валют стремились к чему-либо, кроме возможно большего повышения совокупной стоимости своей валюты, которую публика готова держать при данной ценности ее единицы. Если мы правы в том, что, будь у людей выбор, они предпочли бы валюту, ожидаемая покупательная способность которой остается стабильной, то тогда у нас будет лучшая валюта и более стабильные условия для бизнеса, чем существовали когда-либо прежде. Главная мнимая слабость рыночной системы - повторяющиеся периоды массовой безработицы - всегда отмечалась социалистами и другими критиками как непростительный дефект, внутренне присущий капитализму. (Длительная депрессия 30-х годов, вызвавшая оживление марксизма, который, вероятно, сегодня был бы без нее мертв, полностью вызвана ошибочной денежной политикой правительств как до, так и после кризиса 1929 г.)

На деле же это есть всецело результат действий правительства, препятствующего частным предприятиям свободно работать и обеспечивать себя деньгами, гарантирующими стабильность. Как мы видели, нет никаких сомнений, что свободное предприятие было бы способно обеспечить деньги, гарантирующие стабильность, и что стремление к индивидуальной выгоде подталкивало бы к этому частные финансовые институты, если бы им это было разрешено. Я не уверен, что частное предпринимательство должно принять на вооружение именно тот способ выполнения задачи, который я предложил, но я склонен думать, что с помощью обычной процедуры отбора всего самого удачного, оно своевременно выработает еще более эффективные решения этих проблем, чем можно предвидеть сегодня.

Денежная политика как причина депрессии

Должно было стать очевидным, что денежная политика является причиной депрессий, а не лекарством от них. Гораздо легче, уступив требованиям дешевых денег, вызвать дезориентацию производства, с последующей неизбежной реакцией на нее, чем помочь экономике избавиться от последствий чрезмерного развития в каких-то определенных направлениях. Нестабильность рыночной экономики в прошлом была следствием выведения самого важного регулятора рыночного механизма - денег - из сферы, контролируемой рыночным процессом.

Единственное монополистическое правительственное агентство не может, во-первых, владеть информацией, из которой должно было бы исходить предложение денег, а во-вторых, даже если бы оно знало, что необходимо делать в общих интересах, оно, как правило, оказалось бы не в состоянии действовать соответствующим образом. В самом деле, если, как я убежден, главное преимущество рыночного порядка состоит в том, что цены сообщают деятельным людям всю необходимую информацию, только постоянное

наблюдение за текущими ценами конкретных товаров может информировать нас о том, на что следует тратить больше или меньше денег. Деньги не являются инструментом политики, которая может достичь точных предсказуемых результатов путем контроля за их количеством. Они должны быть частью саморегулирующегося механизма, который побуждает людей постоянно приспосабливать свою деятельность к обстоятельствам, информацию о которых они получают только через абстрактные ценовые сигналы. Цены должны быть рабочим звеном в процессе, сообщающем о результатах событий, никогда и никому полностью не известных, звеном, необходимым для поддержания такого порядка, при котором достигается взаимосогласование планов его участников.

Правительство не может действовать во имя общего блага

Даже если мы допустим, что правительство может знать, что нужно сделать по части предложения денег во имя общего блага, крайне маловероятно, чтобы оно было способно осуществить это. К такому выводу приходит, в частности профессор Экстайн на основании своего опыта правительственного советника в статье, уже цитированной выше: "Правительства неспособны жить по правилам, даже если они принимают философию [обеспечения стабильных рамочных условий]" (O. Eckstein [14], p. 26).

Коль скоро правительствам дана власть одаривать отдельные группы или слои населения, механизм правления большинства заставляет использовать эту власть для завоевания поддержки достаточного числа людей, обеспечивающего такое большинство.

Постоянное искушение отвечать на недовольство тех или иных регионов и секторов, манипулируя количеством денег так, чтобы большее их количество шло тем, кто взывает о помощи, часто будет непреодолимым. Подобные расходы не лечат болезни, а неизбежно расстраивают функционирование рынка.

В действительно чрезвычайных обстоятельствах, таких, как война, правительства, конечно, еще будут в состоянии навязать людям облигации или другие листки бумаги для осуществления платежей, которые не могут быть покрыты из текущих поступлений. Принудительные займы и тому подобные вещи, по-видимому, более совместимы с требуемой быстрой перенастройкой промышленности в соответствии с радикально изменившимися обстоятельствами, чем инфляция, приостанавливающая эффективную работу ценового механизма.

Конец проблемы платежного баланса

С исчезновением отдельных национальных валют должны, конечно, исчезнуть и так называемые "проблемы платежного баланса", лежащие, как думают многие, в основе серьезных затруднений современной денежной политики.

Между различными регионами неизбежно будет происходить постоянное - как относительное, так и абсолютное - перераспределение валюты по мере того, как некоторые из них будут становиться относительно богаче, а другое относительно беднее. Этот процесс создаст не больше трудностей, чем сходные процессы, протекающие сегодня в любой крупной стране. Люди, ставшие богаче, будут иметь больше денег, а ставшие беднее - меньше. Вот и все. Исчезнут специфические трудности, обусловленные тем фактом, что при существующем институциональном устройстве сокращение налично-денежной базы национальной валюты в данной стране требует сужения всей воздвигнутой на ней кредитной надстройки.

Таким же образом будет преодолена, в основном, и сильная инерционность структуры относительных цен внутри каждой страны по сравнению со структурой относительных цен на мировом рынке и вместе с ней исчезнет статистическая иллюзия непрерывных колебаний относительных уровней цен, выраженных в отдельных национальных валютах. Окажется, что "проблема платежного баланса" - это совершенно необязательное порождение системы отдельных национальных валют, которая является причиной крайне нежелательной большей взаимосцепленности внутренних цен по сравнению с международными. С точки зрения желательного международного экономического порядка "проблема платежного баланса" - это псевдопроблема, до которой никому не должно быть дела, кроме эмитента-монополиста на данной территории. Немаловажным преимуществом исчезновения национальных валют был бы возврат к счастливым дням статистической невинности, когда никто не сможет знать, каков платежный баланс его страны или региона и, следовательно, не станет беспокоиться и не будет обязан проявлять заботу о нем.

Одурманивающий наркотик дешевых денег

Вера в то, что дешевые деньги всегда желательны и выгодны, делает неизбежным и непреодолимым давление на всякий политический орган или всякого монополиста, о котором известно, что он способен сделать деньги дешевыми, выпуская их в большом количестве. Однако кредитные ресурсы, ставшие искусственно дешевыми благодаря созданию дополнительных денег, предназначенных для предоставления ссуд, помогают, хотя и за счет других, не только тем, кому они достаются, но на время оказывают стимулирующий эффект и на общую деловую активность. Не так легко увидеть, что в то же самое время подобные эмиссии разрушают регулирующий механизм рынка. Предоставление такого рода кредитов для дополнительных покупок товаров вызывает искажения в структуре относительных цен, в результате чего ресурсы отвлекаются на те виды деятельности, которые невозможно долго поддерживать, что становится причиной неизбежной последующей реакции. Косвенные и медленно проявляющиеся последствия такого рода по самой их природе намного труднее распознать или понять, чем сиюминутные приятные эффекты и, в особенности, выгоды тех, кому в первую очередь идут дополнительные деньги.

Предоставлять средство обмена для людей, которые хотят держать его до тех пор, пока не пожелают купить эквивалент того, что они дали другим, есть такая же полезная услуга, как и производство любых других благ. Если на увеличение спроса на такого рода денежные остатки отвечают увеличением количества денег (или, при сокращении остатков, которые готовы держать люди, - соответствующим уменьшением общего объема денежной массы), это не нарушает соответствия между спросом и предложением всех остальных товаров и услуг. Но давать некоторым возможность покупать больше, чем они заработали, путем предоставления им большего объема денег, чем тот, который в то же самое время не был востребован другими людьми, есть, в сущности, преступление, сравнимое с воровством.

Когда такое весьма доходное преступление совершается монополистическим эмитентом денег, в особенности, правительством, люди терпят и оставляют его безнаказанным, так как не понимают его последствий. Но для эмитента валюты, которая должна конкурировать с другими валютами, это было бы самоубийственным актом, поскольку это лишило бы его валюту того качества, из-за которого люди и хотели ее иметь.

Так как преступление монополиста - чрезмерная эмиссия - не осознается людьми, его не только терпят, но даже приветствуют. Это одна из главных причин столь частого расстройства нормального функционирования рынка. Но сегодня почти каждый государственный деятель, пытающийся делать добро на этом поприще, и уж, конечно, каждый, кто вынужден делать то, что считают благом мощные организованные группы приносит, пожалуй, гораздо больше вреда, чем пользы. Вместе с тем каждый кто просто знает, что успех его бизнеса - выпуска денег - целиком зависит от его умения сохранять покупательную способность своей валюты постоянной, будет больше способствовать общественному благу, стремясь единственно к большим прибылям для самого себя, нежели сознательно заботясь о более отдаленных последствиях своих действий.

Ликвидация центральных банков

Быть может, здесь нужно сказать несколько слов об одном очевидном следствии отмены правительственной монополии на эмиссию денег. Эта отмена должна повлечь за собой также и устранение центральных банков в том виде, в каком мы их знаем, не только потому, что какой-нибудь частный банк, как нетрудно представить, может попытаться присвоить себе функции центрального, но еще и потому, что может создаться впечатление, будто, даже без правительственной монополии на эмиссию некоторые из классических функций центральных банков, такие как служить "кредитором последней инстанции" или "держателем конечных резервов" (образцовое описание этой функции и ее возникновения см. в: [3, p. 142], который правильно говорит о "естественном состоянии банковского дела, когда все крупные банки держат свои собственные резервы") все равно необходимы.

Потребность в "кредиторе последней инстанции" целиком вызвана тем, что коммерческие банки берут на себя обязательства, подлежащие оплате по требованию в денежной единице, выпускать которую имеет право только центральный банк. Таким образом, коммерческие банки фактически создают деньги, погашаемые в другой валюте. В этом, как мы покажем ниже, и заключается главная причина нестабильности существующей кредитной системы, и тем самым, - значительных колебаний уровня общей экономической активности. Без монополии центрального банка (или правительства) на эмиссию денег и предусмотренного законом "законного платежного средства" у банков не было бы никаких оснований полагаться в деле обеспечения своей кредитоспособности на наличность, предоставляемую другим органом. "Однорезервная система", как назвал ее Уолтер Бэджот, - неременная спутница монополии на денежную эмиссию - без нее оказывается ненужной и нежелательной.

Можно, тем не менее, возразить, что центральные банки требуются для обеспечения необходимой "эластичности" денежного обращения. И хотя в прошлом для маскировки инфляционистских требований этим выражением злоупотребляли больше, чем любым другим, мы не должны пройти мимо содержащегося в нем рационального зерна. Способ увязки эластичности предложения денег со стабильностью их ценности представляет собой подлинную проблему и она будет решена, только если эмитент данной валюты осознает, что его бизнес зависит от регулирования количества валюты таким образом, чтобы ценность ее денежной единицы оставалась стабильной (в товарном выражении). Если приток количества денег приводит к повышению цен, ясно, что он неоправдан, как бы сильно люди ни ощущали потребность в дополнительной наличности, которая в этом случае будет наличностью для трат, а не для пополнения резервов ликвидности. Валюту делает повсеместно принимаемой, то есть действительно ликвидным активом, именно то,

что ее предпочитают другим активам, поскольку ожидают, что ее покупательная способность останется постоянной.

Неизбежно ограниченной является не ликвидность, а покупательная способность - возможность распоряжаться товарами для потребления или для использования их в дальнейшем производстве. Покупательная способность всегда ограничена, поскольку для покупки имеется только данное количество - и не большее - товаров и услуг. До тех пор, пока люди стремятся к увеличению ликвидных активов только для того, чтобы держать их, а не тратить, активы могут создаваться без падения их ценности. Но если ликвидные активы нужны людям, чтобы тратить их на товары, ценность таких трат будет таять у них на глазах.

Конец фиксированных процентных ставок

Вслед за центральными банками и монополией на эмиссию денег, должна, конечно, исчезнуть также и возможность сознательно устанавливать процентные ставки. Исчезновение так называемой "процентной политики" является предпочтительным безо всяких оговорок. Процентная ставка, как и любая другая цена, должна отражать общее воздействие тысяч обстоятельств, влияющих на спрос и предложение кредитов, обстоятельств, которые просто не могут быть известны никакому агентству. Последствия большинства ценовых изменений неприятны для некоторых людей, но изменения процентной ставки, подобно остальным ценовым изменениям, сообщают всем, кого это касается, что какая-то совокупность обстоятельств, которой не знает никто, сделала их необходимыми. Вся идея использования процентной ставки в качестве инструмента политики ошибочна от начала до конца, поскольку только конкуренция на свободном рынке может учесть все обстоятельства, которые должны быть приняты во внимание при определении процентной ставки.

Пока каждый отдельный эмиссионный банк в своей кредитной деятельности нацелен на регулирование объема собственной валюты, находящейся в обращении, так, чтобы поддерживать ее покупательную способность постоянной, процентную ставку будет определять за него рынок. И в целом предназначенные для инвестиций ссуды всех банков вместе взятых не могут во избежание роста цен превышать текущего объема сбережений (и наоборот: чтобы не понижать уровня цен, они не должны падать ниже текущего объема сбережений) на величину большую, чем требуется для увеличения

совокупного спроса в соответствии с растущим объемом выпуска. Процентная ставка будет определяться уравниванием спроса на деньги (на расходы) и - предложения, необходимого для поддержания неизменного уровня цен. Я думаю, что это обеспечит настолько точное соответствие между сбережениями и инвестициями, какого нам вообще дано достичь, а чистый прирост или чистое сокращение денежной массы будет отражать изменения в спросе на деньги, вызываемые изменениями остатков наличности, которые хотят держать люди.

Разумеется, правительство могло бы по-прежнему воздействовать на рыночную процентную ставку, меняя чистый объем заимствований. Но оно не сможет больше заниматься теми пагубными манипуляциями с процентной ставкой, цель которых - обеспечить возможность дешевых кредитов. Эта практика причинила так много вреда в прошлом, что одного этого было бы достаточно, чтобы держать правительство подальше от денежного крана.

XIX. КОНКУРЕНЦИЯ ДИСЦИПЛИНИРУЕТ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ФИКСИРОВАННЫЕ ОБМЕННЫЕ КУРСЫ

Читатели, знающие, что я неизменно, в течение более 40 лет, выступал за фиксированные обменные курсы национальных валют и критиковал систему плавающих курсов даже после того, как большинство моих единомышленников - защитников свободного рынка обратилось в другую веру, вероятно, почувствуют, что моя нынешняя позиция противоречит моим прежним взглядам или даже полностью противоположна им. (Первое систематическое изложение этой позиции можно найти в моих женевских лекциях 1937 г. "Денежный национализм и международная стабильность" [27]. Это была серия лекций на заданную тему, написанных торопливо и плохо, да еще в период, когда я был занят другими проблемами. Я все еще думаю, что они содержат важные аргументы против плавающих обменных курсов национальных валют, которые никогда не были убедительно опровергнуты, но я не удивляюсь тому, что имеется мало людей, которые их когда-либо читали.) Однако, это не так. По крайней мере, в двух отношениях рассматриваемое здесь предложение является результатом развития тех соображений, которые определяли мою прежнюю позицию.

Во-первых, я всегда считал в высшей степени нежелательным, чтобы цены на товары и услуги в одной стране повышались или понижались как единое целое относительно цен в других странах ради того, чтобы скорректировать сдвиги в спросе или предложении какого-либо отдельного товара. Это ошибочно считалось необходимым, главным образом, в силу того, что доступная статистическая информация в форме индексов *среднего* изменения цен некоторой страны создавала ложное впечатление о том, что должна измениться "внутренняя ценность" соответствующей единой валюты относительно ценности других валют, в то время как в действительности необходимо было внести изменения, прежде всего, в соотношения цен отдельных товаров во всех сравниваемых странах. И до тех пор, пока изменение соотношения общих уровней цен в этих странах полагались необходимыми, имел место искусственный и нежелательный эффект несовершенной международной денежной системы, которую создал золотой стандарт с надстройкой в виде депозитных денег. Мы рассмотрим эти вопросы в следующем разделе.

Официальная валюта не должна быть ограждена от конкуренции

Во-вторых, я считал фиксированные обменные курсы необходимостью по той же причине, по какой теперь я стою за идею полностью свободных рынков для всех видов валюты. Фиксированные валютные курсы были нужны для того, чтобы наложить крайне необходимые дисциплинирующие узы на агентства, выпускающие деньги. Ни я, ни кто другой, очевидно, не думали тогда о намного более эффективной дисциплине, которая установится, если эмитенты будут лишены возможности ограждать выпускаемые ими деньги от соперничества *конкурирующих валют*.

Принудительное поддержание фиксированной пропорции обмена на золото или другие валюты в прошлом было единственным дисциплинирующим средством, которое эффективно препятствовало денежным властям уступать непрекращающимся требованиям дешевых денег. Золотой стандарт, фиксированные обменные курсы и любые другие формы обязательной конвертации по фиксированному курсу преследовали лишь одну цель: наложить на эмитентов валюты дисциплинирующие узы и, сделав ее регулирование автоматическим, лишить их возможности произвольно менять объем денежной массы. Эти узы оказались слишком слабыми, чтобы помешать правительствам

их разорвать. Однако, хотя регулирование, достигнутое посредством такого автоматического контроля, было далеко не идеальным и даже малоудовлетворительным, все же такой тип регулирования был намного более эффективным, чем это когда-либо получалось у дискреционной власти правительственных монополий. Стойкость органов, ответственных за денежное обращение, перед требованиями дешевых денег подкреплялась исключительно страхом невыполнения международных обязательств, что расценивалось как национальный позор. Я никогда не отрицал, что очень мудрый и политически независимый денежный орган мог бы придумать нечто лучшее, чем подчиняться обязательству сохранять фиксированный паритет с золотом или другой валютой. Но у меня нет никаких надежд, что в нашем реальном мире денежные власти будут сколько-нибудь долгое время действовать в соответствии со своими благими намерениями.

Лучше, чем ненадежный "золотой якорь"

Всем, конечно, давно пора понять, что ценность валюты, размениваемой на золото (или другую валюту), не имеет своим источником ценности золота, а просто поддерживается на некотором уровне благодаря автоматическому регулированию ее количества. Суеверия умирают медленно, но даже при системе золотого стандарта утверждение, что ценность валюты определяется ценностью, которую дало бы использование соответствующего количества золота в иных целях (или же издержками его производства), было бы ничуть не более (быть может, даже менее) справедливо, чем обратное:

что ценность золота определяется ценностью валют, в которые оно может быть обращено. Исторически верно, что все деньги, сохранявшие свою ценность сколько-нибудь длительное время, были металлическими (или обратимыми в металл - в золото или серебро);

верно также, что правительства рано или поздно "портили" даже металлические деньги, так что все виды бумажных денег, которые мы знаем, оказывались еще хуже. Поэтому в настоящее время многие считают, что помочь может только возвращение к металлическому (или иному товарному) стандарту. Однако, металлические деньги не только точно так же подвержены риску мошенничества со стороны правительств, но даже лучшие из них никогда не будут столь же надежны, как деньги, выпускаемые агентством, весь бизнес которого зависит от успеха обеспечения публики деньгами, которые эта публика предпочитает всем прочим. Хотя золото - якорь, а любой якорь лучше, чем правительственный произвол, это очень ненадежный якорь. Он, безусловно, не выдержит нагрузки, если большинство стран решит ввести собственный золотой стандарт. Золота попросту не хватит. Международный золотой стандарт сегодня может означать только, что несколько стран станут поддерживать реальный золотой стандарт, в то время как другие будут связаны с ними через стандарт в золотовалютной форме.

Конкуренция обеспечит более надежные деньги, чем правительство

Я убежден, что мы сможем делать это лучше, чем золото, а правительства - нет. Система свободного предпринимательства, то есть институты, которые возникнут в процессе конкуренции за предоставление хороших денег, без сомнения, способна на большее. В этом случае незачем будет обременять процесс предложения денег сложным, и дорогостоящим механизмом поддержания конвертируемости, который был необходим для обеспечения автоматического действия золотого стандарта, и который казался более

практичным, чем несравненно больше подходящий на роль идеального, стандарт, основанный на товарном резерве.

Для него была разработана весьма интересная схема, основанная на резервировании большого числа сырьевых и других стандартных товаров, при которой денежная единица обменивалась бы на фиксированный набор таких товаров и, тем самым, достигалась бы ее стабильность. Практическая ценность данного предложения, однако, снижается необходимостью резервирования (с созданием складов и т.д.), что будет очень дорогим и удобным для весьма небольшого набора товаров (ср. Friedman [19]). Однако, такой предохранительный механизм, заставляя эмитента регулировать объем своей валюты, окажется необходимым или желательным только в том случае, если его интерес будет состоять в том, чтобы понизить или повысить ценность своей валюты относительно стандарта. Конвертируемость - мера безопасности, необходимая против *монополиста*, но необязательная при *конкуренции* поставщиков, которым не удастся удержаться в бизнесе, если они не предложат деньги, по меньшей мере, столь же привлекательные для пользователя, как и чьи-то еще.

Правительственная денежная монополия не является необходимой

Не так давно, в 1960 году, я сам утверждал, что лишать правительства контроля за денежной политикой было бы не только непрактично, но, скорее всего, и нежелательно (Hayek [29], pp. 324 и далее). Этот взгляд был основан на общепринятой неявной предпосылке о том, что в каждой стране должен быть один-единственный вид валюты. Мне даже не приходила тогда в голову мысль о возможности подлинной конкуренции между валютами в какой-нибудь стране или регионе. Если разрешен только один вид денег, монополия на эмиссию, вероятно, действительно должна находиться под контролем правительства. Конкуренентное обращение нескольких валют может время от времени причинять некоторые неудобства, но подробный анализ последствий показывает, что преимущества оказываются настолько значительными, что эти неудобства перестают играть хоть сколько-нибудь значительную роль, хотя новизна ситуации, вероятно, усилит их восприятие во много раз.

Разница между добровольно принятыми и навязанными бумажными деньгами

Хотя весь исторический опыт, по-видимому, вполне оправдывает серьезное недоверие, которое большинство людей питает к бумажным деньгам, в действительности оно имеет смысл только по отношению к деньгам, выпускаемым *правительством*. Зачастую термин "неразменные бумажные деньги" (fiat money, также "декретные деньги" - прим. ред.) использовался так, как если бы он относился ко всем бумажным деньгам. Однако на самом деле он обозначает только деньги, которые были введены в обращение произвольным директивным указом или другим актом государственной власти. Деньги, которые обращаются только потому, что люди вынуждены принимать их, совершенно отличны от денег, которые принимаются потому, что люди верят, что эмитент сохранит их стабильность. Добровольно принимаемые бумажные деньги не должны страдать от скверной репутации, которую правительства создали бумажным деньгам.

Деньги ценятся настолько, насколько их считают редким ресурсом. По этой причине они, вероятно, и станут приниматься по объявленной ценности. И любые деньги, которыми люди пользуются добровольно только вследствие веры в то, что эмитент будет сохранять их количество ограниченным, и которые станут держать лишь до тех пор, пока эмитент

оправдывает это доверие, будут, чем дальше, тем больше подтверждать, что их можно принимать по установленной ценности. Люди будут знать, что риск, которому они подвергаются, держа эти деньги, меньше, чем риск образования запасов любого другого ресурса, специальной информацией, о котором они не располагают. Их готовность держать деньги будет опираться на ощущение того, что другие люди согласны принимать их по более или менее твердой цене, поскольку и они разделяют те же самые ожидания, и т.д. Подобное состояние дел может продолжаться сколь угодно долго и даже будет все больше и больше стабилизироваться по мере того, как оправдавшиеся ожидания станут укреплять доверие.

Кому-то, очевидно, окажется трудно поверить, что простые бумажные знаки, которые не дают держателю законного права требовать их размена по пропорции, установленной в единицах какого-то объекта, обладающего внутренней ценностью (равной его текущей стоимости), могут стать общепринятыми на сколько-нибудь длительный промежуток времени или сохранять свою ценность. При этом, по-видимому, забывают, что за последние 40 лет во всем западном мире не было иных денег, кроме неразменных бумажных денежных знаков. Различные бумажные валюты, которыми нам приходилось пользоваться, сохраняли некоторую ценность, уменьшавшуюся какое-то время относительно медленно, не из-за надежды на их конечный размен, а только потому, что монополистические агентства, имеющие полномочия на эмиссию валюты данной страны, пусть в недостаточной степени, но все-таки ограничивали ее объем. Но условие на фунтовой купюре, гласящее: "Я обещаю подателю сего выдать по его требованию сумму в один фунт", подписанное от лица управляющего и правления Банка Англии его главным кассиром, означает, конечно, не более чем обещание обменять этот листок бумаги на другие листки бумаги.

Регулирование общего количества денег, выпущенных в обращение, путем обмена одних банкнот на другие (или на ценные бумаги), полностью оставлено на усмотрение таких учреждений или правительств. Такой обмен представляет собой просто-напросто метод регулирования количества денег на руках у людей и, пока общественное мнение не было сбито с толку всякими ложными теориями, считалось само собой разумеющимся, что, например, "ценность (гринбеков) меняется по мере того, как правительство расширяет или сокращает эмиссию" (W. Bagehot [3], p. 12).

История, безусловно, опровергает предположение, что правительство, которое выигрывает от чрезмерной эмиссии, заслуживает большего доверия, чем частный эмитент, весь бизнес которого зависит от того, злоупотребит он доверием или нет. Неужели, основываясь на опыте последних пятидесяти лет, кто-нибудь в развитых странах Запада и впрямь стал бы верить в ценность денег, за которыми стоит правительство, в большей мере, чем в деньги, выпущенные частным агентством, бизнес которого полностью зависел бы от выпуска хороших денег?

XX. ДОЛЖНЫ ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ ВАЛЮТНЫЕ ЗОНЫ?

Мы так привыкли к существованию в каждой стране ее собственной валюты, в которой заключаются практически все внутренние сделки, что склонны рассматривать как естественный и необходимый тот факт, что внутренние цены могут сдвигаться все целиком относительно цен в других странах. Однако этот факт ни в коей мере нельзя считать необходимым, естественным и желательным.

Существование национальных валют не является ни неизбежным, ни желательным

Очевидно, что в условиях отсутствия таможенных тарифов и других препятствий для свободного движения товаров и людей через границы, тенденция внутренних цен меняться "в унисон" друг с другом является *следствием*, а не оправданием для существования отдельных национальных валютных систем. Существование национальных валютных систем ведет также к появлению таких институтов, как коллективные трудовые договора, заключаемые в масштабах всей страны, что еще больше усугубляет последствия различий между ценовыми структурами разных стран. Все дело в том, что контроль за предложением денег предоставляет национальным правительствам большую свободу в совершении действий, совершенно нежелательных с точки зрения международного порядка и стабильности; Такую систему могут одобрять только эстатисты всех мастей, однако она абсолютно противопоказана спокойному развитию международных отношений.

Действительно, я не вижу других причин, кроме отстаивания интересов монополий, образование которых становится возможным благодаря национальному протекционизму, почему территории, оказавшиеся под властью различных правительств, должны формировать обособленные национальные экономические зоны, если не существует никаких выгод, приносимых существованием в каждой такой зоне единой валюты, отличной от валют других зон. В условиях мирового порядка, который в огромной мере зависит от международного обмена, было бы весьма нелепо считать нередко случайные агломерации различных регионов, оказавшиеся под властью одного из правительств, обособленными экономическими зонами. Экономисты совсем недавно осознали эту истину, и некоторые из них задались вопросом - "какими должны бы быть валютные зоны?" Найти ответ на этот вопрос оказалось достаточно трудно (McKinnon [40] и Mundell [49]).

Хотя исторически отдельные национальные валюты были просто инструментом расширения власти национальных правительств, современные защитники денежного национализма пропагандируют такой порядок, при котором *все* цены в данном регионе могут одновременно повышаться или понижаться *относительно всех* цен в других регионах. Это считается преимуществом, поскольку таким образом можно избежать необходимости снижения цен на товары той или иной группы, в особенности снижения ставок заработной платы, когда внешний спрос на данные продукты изменился и переместился в другие страны. Но ведь это - политический паллиатив; на практике он означает, что вместо понижения *немногих* цен, которых непосредственно коснулось изменение спроса, приходится повышать куда *большее* число цен, чтобы восстановить международное равновесие после того, как упала международная цена местной валюты. Первоначальный мотив агитации в пользу плавающих обменных курсов национальных валют был, поэтому, чисто инфляционистским, хотя и была предпринята неумная попытка возложить бремя приспособления на страны с активным сальдо платежного баланса. Однако позднее эта идея была подхвачена странами, которые хотели защитить себя от инфляционистской политики других стран.

Предотвращение сокращения количества денег, обращающихся в какой-либо стране, или части какого-то более крупного сообщества, оправдано не более чем меры правительства, препятствующие падению денежных доходов отдельных лиц или групп, - хотя такие меры способны временно облегчить трудное положение этих групп населения. Для

честного правительства важнее всего, чтобы никто не обладал властью освобождать какие-то группы населения от необходимости приспосабливаться к непредвиденным изменениям, поскольку, если правительство позволит себе это один раз, оно будет вынуждено поступать так постоянно.

Жесткость ставок заработной платы: перемещение вверх всей структуры цен в стране нельзя считать решением

Опыт показал, что способ преодоления негативных последствий ригидности, т.е. негибкости ставок заработной платы, представляющийся таким легким и состоящий в повышении *общею* уровня цен, лишь ухудшает положение в стране, практически освобождая профсоюзы от ответственности за безработицу, которая, в противном случае, наступила бы в ответ на их требования о повышении заработной платы. Этот способ также создает необычайно сильное давление на правительство с тем, чтобы оно смягчило эти последствия, провоцируя инфляцию. Поэтому я, как и прежде, остаюсь противником денежного национализма и плавающих обменных курсов. (Историческое происхождение озабоченности национальным уровнем цен, а также другие аспекты денежного национализма рассмотрены в моей книге: *Monetary Nationalism* [27], см. особенно р. 43.) Однако теперь простой конвертируемости национальных валют друг в друга по фиксированному курсу я предпочитаю полную отмену валютных границ. Вся концепция "вырезания" какого-то сектора из международной структуры цен, где бы понижение или повышение цен происходило как бы "сообща" относительно цен на те же товары во всех других регионах, до сих пор представляется мне идеей, которая могла зародиться только в мозгах людей, мыслящих исключительно в терминах национальных ("макро-"), а не индивидуальных ("микро-") уровней цен. Похоже, они стали считать, что средний уровень цен, сложившийся в данной экономике, стал определяющим фактором человеческой деятельности, и утратили, тем самым, понимание роли относительных цен.

Стабильный уровень внутренних цен может подорвать экономическую деятельность

В действительности нет никаких причин, по которым нам следовало бы желать, чтобы уровень цен в регионе, связанном с мировой экономикой большим числом товарных потоков, оставался стабильным. Поддержание его стабильности в условиях перемещения спроса в страну и из страны лишь расстраивает функционирование рынка, не облегчая его. В этом смысле отношения между регионами или отдельными районами не слишком отличаются от отношений между странами. Перемещение спроса на самолеты из Сиэттла в Лос-Анджелес действительно приведет к потере рабочих мест, падению доходов и, вероятно, розничных цен в Сиэттле; но если в Сиэттле упадет заработная плата, то это, скорее всего, привлечет в этот город другие отрасли. Ничего нельзя выиграть, разве что на короткое время, увеличивая количество денег в Сиэттле или в штате Вашингтон в целом. И проблема нисколько не упростится, если весь Северо-запад Соединенных Штатов будет иметь собственную валюту, объем которой можно будет поддерживать постоянным или даже увеличивать, облегчая невзгоды некоторых его жителей.

Хотя у нас нет оснований желать, чтобы отдельные регионы имели свои индивидуальные валюты, возникает совершенно другой вопрос, а именно, не приведет ли повсеместная свободная эмиссия конкурентных валют во всех регионах к формированию валютных зон - или, точнее, зон, где преобладают определенные валюты, хотя могут использоваться и другие. Как мы уже убедились (раздел XII), при отмене валютной монополии могли бы

проявиться различные предпочтения по поводу состава товарного эквивалента, в котором следовало бы сохранять постоянство валюты. В слаборазвитой стране, где основные предметы потребления составляют рис, рыба, свинина, хлопок и древесина, разные люди по большей части будут интересоваться разными ценами - хотя локальные тенденции такого рода будут, вероятно, нейтрализовываться теми из пользователей, которые в своих предпочтениях будут руководствоваться доверием к эмитентам с международной репутацией, а не к тем, кому лучше других удалось приспособить свою валюту к особенностям местных условий. Я не удивлюсь, если на больших пространствах для обычных сделок будет использоваться только одна валюта, пока потенциальная конкуренция будет заставлять эмитента сохранять ее стабильной. Как и везде, пока дело не дошло до попыток инноваций и улучшений, конкуренция *in posse* (*in posse*: потенциальная, лат.) будет, вероятно, почти столь же эффективной, как конкуренция *in esse* (*in esse*: существующая, лат. - прим. ред.). Ясно, что свободная конвертируемость повсеместно используемой валюты позволит всем, кто имеет какие-то связи за пределами региона, достаточно быстро обменивать свои накопления на другую валюту, как только на ее счет у них возникнут какие-либо подозрения.

Зоны с одной доминирующей валютой не будут, однако, иметь четких или устойчивых границ, а будут перекрывать друг друга, разделительные линии между ними будут подвижными. Если такой принцип найдет всеобщее признание в ведущих экономически развитых странах, он, вероятно, быстро распространится повсюду, где люди могут сами выбирать свои институты. Без сомнения, останутся диктаторские анклавов, где диктаторы не пожелают поступиться своей властью над деньгами - даже после того, как отсутствие валютного контроля станет отличительным признаком цивилизованной и честной страны.

XXI. ВЛИЯНИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ И РАСХОДЫ

Цели управления системой государственных финансов и обеспечения страны удовлетворительной валютой совершенно различны и, по большей части, противоречат друг другу. Возлагать обе задачи на одно и то же ведомство всегда означало путаницу, и привело к катастрофическим результатам в последние годы. Это проявилось не только в том, что деньги стали главной причиной экономических колебаний, но и в неконтролируемом росте государственных расходов. Если мы хотим сохранить функционирующую рыночную экономику (и с ней индивидуальную свободу), *ничто не может быть более настоящим, чем расторжение несправедливого брака между денежной и фискальной политикой*, брака, который долго оставался тайным, хотя и формально освящен кейнсианской теорией.

Нет необходимости излагать все последствия пагубного влияния финансовых "нужд" правительства на предложение денег. Дело не только в том, что все случаи наиболее острой инфляции до недавнего времени были результатом деятельности правительств, покрывавших свои финансовые "нужды" с помощью печатного станка. Даже в течение периодов относительной стабильности необходимость удовлетворять финансовые "нужды" правительств, постоянно возникавшая перед центральными банками, и решавшаяся ими путем поддержания низких процентных ставок, была источником постоянных затруднений: она мешала попыткам банков обеспечить стабильность и придавала их политике инфляционистский уклон, который исправлялся, обычно с запозданием, с помощью механизма золотого стандарта.

Хорошие национальные деньги невозможны при демократическом правительстве,

зависящем от групп - со специфическими интересами

Не будет большим преувеличением, если я скажу, что центральный банк, подверженный политическому контролю или просто серьезному политическому давлению, совершенно неспособен регулировать количество денег так, чтобы это благоприятствовало четкой работе рыночного механизма. Хорошие деньги, как и хорошие законы, должны действовать без оглядки на то, как повлияют решения эмитента на какие-либо группы или отдельные лица. Благожелательный диктатор мог бы сознательно игнорировать их интересы, но ни одно демократическое правительство, зависящее от множества групп со специфическими интересами, на это совершенно не способно. Использование контроля над предложением денег в качестве инструмента для достижения конкретных целей разрушает балансирующее действие ценового механизма, необходимое для осуществления непрерывного процесса приспособления рынка, при котором шансы индивидов на то, что их ожидания сбудутся, оказываются весьма высокими.

Правительственная денежная монополия и правительственные расходы

О вреде, который причиняет денежная политика, направляемая финансовыми соображениями, сказано уже достаточно. Теперь нам предстоит рассмотреть обратное влияние власти над предложением денег на финансовую политику. Подобно тому, как отсутствие конкуренции оградило монополистического поставщика денег от целительной дисциплины рынка, власть над деньгами освободила правительства от необходимости согласовывать расходы с доходами. В основном именно по этой причине кейнсианская теория так быстро приобрела популярность у экономистов социалистического толка. В самом деле, если экономисты говорят министрам финансов, что создание дефицита является достойным делом, и что дополнительные правительственные расходы не стоят народу ничего, коль скоро в экономике имеются свободные ресурсы, то все действенные барьеры на пути быстрого роста государственных расходов оказываются сломанными.

Вряд ли можно усомниться в том, что поразительный рост государственных расходов в последние 30 лет, когда правительства некоторых западных стран стали требовать на свои цели до половины национального дохода, а иногда и более, стал возможным благодаря контролю денежной эмиссии со стороны правительств. С одной стороны, инфляция постоянно втаскивала людей с данным уровнем реальных доходов в категории с гораздо более высокими ставками налогообложения, чем они могли предвидеть, когда одобряли такую налоговую шкалу, так что налоговые поступления в правительственную казну росли намного быстрее, чем это входило в их намерения. С другой стороны, ставшие привычными огромные бюджетные дефициты и сравнительная легкость выхода за пределы утвержденных бюджетных показателей еще больше увеличивали размеры той доли продукта в реальном выражении, которую правительства могли требовать на свои цели.

Правительственные деньги и несбалансированность бюджетов

В известном смысле требование к правительству сбалансировать бюджет в течение периода, равного календарному году, является произвольным. Однако чередование времен года и твердо установившаяся практика бухгалтерской отчетности дают серьезные основания для такого требования, а практика бизнеса, при которой поступления и расходы регулярно балансируются с известными отклонениями, еще более подкрепляет его. Если крупные экономические колебания можно предотвратить с помощью других мер, то такое

балансирование лучше всего производить на протяжении года, традиционного для составления бюджетов срока. Если допустить, что регулирование предложения денег путем конкуренции между частными валютами действительно должно обеспечить не только стабильность ценности денег, но и стабильность экономической конъюнктуры, аргумент о необходимости государственного дефицита для сокращения безработицы сведется к утверждению, что правительственный контроль над деньгами нужен, чтобы излечить болезнь, которую он сам и вызвал. Непонятно, зачем вообще в условиях стабильных денег у правительства должно быть право тратить средств больше, чем оно имеет. И, конечно, куда важнее, чтобы правительственные расходы не становились причиной общей нестабильности, чем чтобы занять громоздкий правительственный аппарат (если сделать маловероятное предположение, что он срабатывает вовремя) для противодействия любому ослаблению экономической активности.

Легкость, с которой министр финансов наших дней может и составить бюджет с превышением расходов над поступлениями, и превысить этот уровень расходов, создала совершенно новый стиль управления финансами по сравнению с осторожным их ведением в прошлом. А благодаря легкости, с которой уступают одному требованию за другим, вызывая все новые и новые ожидания дальнейших подарков, возникает самоускоряющийся процесс, который даже люди, искренне желающие его избежать, оказываются неспособными остановить. Всякий, кому известно, как трудно сдерживать постоянное расширение бюрократического аппарата, не подчиняющегося исчислению прибылей и убытков, знает также, что без жесткого барьера в виде строго ограниченных средств ничто не остановит безудержный рост правительственных расходов.

Пока мы не восстановим положения дел, при котором правительства (и другие государственные органы) будут понимать, что если они совершат перерасход, то, как и любой человек, окажутся неспособными выполнить свои обязательства, будет невозможно прекратить этот рост, который, подменяя частную деятельность коллективной, станет грозить удушением индивидуальной инициативы. При существующей форме неограниченной демократии, когда правительство в состоянии одаривать те или иные группы разного рода материальными льготами, ему ничего не остается, как покупать поддержку достаточного числа людей для обеспечения большинства среди избирателей. Никакое правительство даже с самыми лучшими намерениями не сможет противостоять этому давлению, если не сумеет сослаться на прочный барьер, который оно не может преодолевать. Хотя правительства будут иногда вынуждены обращаться к обществу за займами для удовлетворения непредвиденных нужд или финансирования за счет этого каких-то инвестиций, крайне нежелательно, чтобы эти средства, при любых обстоятельствах, обеспечивались созданием дополнительных денег. Столь же нежелательно, чтобы в обращение подобным образом вводились те приращения совокупной денежной массы, которые требуются в растущей экономике для снабжения поставщиков дополнительных факторов производства необходимым запасом наличных денег.

Власть правительств над деньгами способствует централизации

Можно не сомневаться и в том, что способность центрального правительства прибегать к такого рода финансированию - одна из главных причин, усиливающих крайне нежелательную централизацию государственного управления. Можно было бы только приветствовать лишение правительств власти над деньгами, что позволило бы остановить кажущуюся непреодолимой тенденцию к ускоренному росту доли национального дохода,

на которую они заявляют права. Если позволить этой тенденции развиваться, она за несколько лет приведет нас к состоянию, при котором правительства будут претендовать на 100 процентов всех ресурсов (в Великобритании и Швеции эта доля уже превышает 60 процентов) и станут, вследствие этого, в буквальном смысле "тоталитарными". (Одним из тревожных сигналов, говорящих об угрозе, которая еще недостаточно оценена, является распространяющаяся тенденция считать правительственную пенсию *единственным* надежным обеспечением в старости, поскольку опыт, по-видимому, подсказывает, что политическая целесообразность заставляет правительства поддерживать или даже увеличивать ее реальную величину.) Чем полнее будут отделены государственные финансы от регулирования денежного обращения, тем лучше. Эта власть была вредной всегда. Ее использование в финансовых целях всегда вело к злоупотреблениям. И у правительства нет ни *заинтересованности*, ни *способности* пользоваться ею так, как требуется для обеспечения бесперебойного хода экономической деятельности.

Предложение лишить правительство монополии на эмиссию денег и способности делать любые деньги "законным платежным средством" при оплате всех существующих долгов было выдвинуто прежде всего, потому, что правительства неизменно и неизбежно чудовищно злоупотребляли этой властью на протяжении всей истории и этим сильно расстраивали саморегулирующийся механизм рынка. Но может статься, что отстранение правительства от источника, питающего его дополнительными деньгами, окажется не менее важным и для того, чтобы остановить тенденцию к безудержному росту, внутренне присущую системе неограниченного правления, которая становится такой же опасной угрозой для будущего цивилизации, как и плохие деньги, ей поставляемые. Только если люди осознают, что те деньги, которые правительство вправе потратить, они должны платить ему - в форме явных налогов (или добровольных займов), можно будет остановить процесс подкупа большинства посредством раздачи разного рода льгот все возрастающему числу людей и групп с особыми интересами.

XXII. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Подавляющему большинству людей появление нескольких конкурирующих валют попросту предоставит набор альтернативных возможностей; изменений в привычном использовании денег не потребуется. Опыт постепенно научит людей улучшать свое положение, переключаясь от одного вида денег на другие. Банки вскоре предложат розничной торговле соответствующее счетное оборудование, которое избавит ее от трудностей начального периода в менеджменте или бухгалтерском учете. Поскольку эмитент, деньгами которого они пользуются, будет заинтересован в оказании им содействия, они, вероятно, обнаружат, что их обслуживают лучше, чем прежде. В производстве, торговле и сфере услуг приобретение навыков для полного использования всех новых возможностей может отнять несколько больше времени, но в ведении дел не потребуется серьезных изменений или слишком трудной адаптации.

Как помешать быстрому обесценению бывшей единственной валюты

Есть два вида деятельности, которые будут глубже всего затронуты! новой системой, и в которых потребуется почти полное изменение привычной практики и порядка. Это, во-первых, государственное финансирование и, во-вторых, вся область частных финансовых услуг, включающая банковское дело, страхование, строительные общества, сберегательные и ипотечные банки. Для правительства, кроме изменений в финансовой политике, отмеченных в разделе XXI, главной задачей станет защита против быстрого

вытеснения и последующего ускоренного обесценения валюты, выпускаемой существующим центральным банком. Этого, по-видимому, можно достичь, только сразу же дав ему полную свободу и независимость, то есть, поставив его в равные условия со всеми другими эмиссионными банками, (иностранными или создаваемыми вновь в самой стране) и одновременно вернувшись к политике сбалансированных бюджетов, ограниченной только возможностью получения займов на открытом ссудном рынке, которым нельзя манипулировать. Срочность этих шагов вытекает из того, что раз началось вытеснение единственной дотоле валюты новыми, оно будет так быстро нарастать из-за ее усиливающегося обесценения, что его практически невозможно будет остановить какими-либо обычными методами денежного сжатия. Ни правительство, ни бывшие центральные банки не будут обладать резервами других валют или золота, достаточными для выкупа всех старых денег, от которых публика захочет избавиться, как только сможет перейти от быстро обесценивающейся валюты к той, которая, как имеются веские основания полагать, будет оставаться стабильной. Доверие к старой валюте можно восстановить, только если банк, ее выпускающий, продемонстрирует способность регулировать ее точно таким же образом, как конкурирующие с ним новые эмиссионные банки.

Вводить новые валюты сразу, а не постепенно

Другое важное условие успеха правительственных действий при переходе к новому порядку состоит в том, чтобы все требуемые свободы давались сразу, без предварительных робких проб или сохранения контрольной власти "на всякий пожарный случай". Особенно существенны для успеха плана возможность свободной конкуренции между множеством эмитентов и полная свобода любых передвижений валюты и капитала через границы. Любой осторожный подход с *постепенным* ослаблением существующей монополии на эмиссию, безусловно, приведет к неудаче. Люди научатся доверять новым деньгам, только если будут уверены, что эти деньги совершенно свободны от какого-либо правительственного контроля. Только если деньги находятся под контролем жесткой конкуренции, люди будут верить, что частные банки станут поддерживать стабильность своих валют. Только если люди получают возможность свободно выбирать, какой валютой пользоваться в зависимости от их разнообразные целей, процесс отбора приведет к преобладанию хороших денег. Только если начнется активная торговля на валютной бирже, банки-эмитенты смогут вовремя получать предупреждения о необходимых действиях. Только если границы будут открыты для свободного движения валюты и капитала, появится гарантия против тайного сговора местных учреждений в целях манипулирования местной валютой. И только при наличии свободных товарных рынков стабильные средние цены будут означать, что процесс приспособления предложения к спросу идет нормально.

Изменения в политике коммерческих банков

Если правительству удастся передать дело снабжения деньгами в руки частных учреждений без краха существующей валюты, главной проблемой отдельных коммерческих банков будет решить, стоит ли пытаться вводить собственную валюту или же избрать другую валюту (или валюты), в которой и вести дела в будущем. Ясно, что огромное большинство банков будет вынуждено довольствоваться чужими валютами.

Таким образом, они должны будут (см. разделы XI и XII) следовать тактике "банковского дела со 100-процентным обеспечением" и держать достаточный резерв по всем своим

обязательствам, подлежащим оплате по требованию.

Необходимость в этом окажется, пожалуй, самым далеко идущим изменением в деловой практике из всех, которые потребует конкуренция валют. Поскольку таким банкам, по-видимому, придется взимать значительную плату за ведение чековых счетов, они проигранут большую часть этих клиентов эмиссионным банкам и их роль будет сведена к управлению менее ликвидными капитальными активами.

Если такое изменение можно осуществить путем продуманного перехода к использованию валюты по выбору, оно может оказаться несколько болезненным, но не вызовет не поддающихся контролю проблем. А покончить с такими банками, которые, в сущности, создавали валюту, не неся никакой ответственности за результаты, было в течение более ста лет заветной мечтой всех экономистов, понимавших врожденную неустойчивость механизма, под власть которого мы постепенно попали, но обычно не видевших возможности когда-либо оттуда выбраться. Сторонники явления, оказавшегося таким вредным, а именно банковской системы с частичными резервами, не предполагающей ответственности отдельного банка за деньги (то есть - чековые депозиты), которые он создал, не вправе сетовать, если поддержка правительственной монополии, сделавшая его существование возможным, будет ликвидирована. Несомненно, должно будет также сложиться намного более четкое разграничение между чисто банковским бизнесом и инвестиционными услугами, или между так называемыми "английскими" и "континентальными" типами банков (Depositenbanken и Spekulationsbanken, как они когда-то назывались по-немецки). Я думаю, что вскоре обнаружится, что бизнес по созданию денег плохо уживается с управлением крупными портфельными инвестициями и даже с контролем за крупными секторами промышленности.

Совершенно иной набор трудностей возникнет, конечно, если правительству или его привилегированному банку не удастся предотвратить крах своей валюты. Этой возможности банки, неспособные выпускать собственную валюту, должны бояться, поскольку большая часть их активов, а именно, все ссуды, резко сократятся вместе с большинством обязательств. Но это будет просто означать, что для них окажется особенно сильной опасностью высокой инфляции, наподобие той, которая постоянно угрожает сегодня, но которой другие смогут избегать, переходя на иные валюты. Правда, банки обычно утверждают, что более или менее успешно проводят свои активы даже сквозь галопирующую инфляцию. Банкиры, не знающие как это делать, могли бы обратиться за консультацией к своим коллегам в Чили и других местах, где по этой части накоплен богатый опыт. Во всяком случае, избавиться от нынешней нестабильной структуры - слишком важная задача, чтобы жертвовать ею ради интересов отдельных групп.

XXIII. ЗАЩИТА ОТ ГОСУДАРСТВА

Несмотря на то, что предлагаемая система полностью возлагает задачу обеспечения деньгами на частные институты, вмешательство государства останется главной опасностью для бесперебойной работы нового механизма. (Я употребляю здесь термин "государство" потому, что многие люди, желая подчеркнуть благотворительную природу данного вида общественной деятельности, обычно используют его в подобном контексте. Большинство людей быстро осознает идеалистический и нереалистичный характер своей аргументации, когда им указывают на то, что действующий субъект - не абстрактное государство, а вполне конкретное правительство, со всеми недостатками, неизбежно

присущими этому политическому институту.) Хотя основная защита эмиссионных банков от прямого политического давления будет обеспечена международным характером эмиссионного бизнеса (что, впрочем, не избавит их от нападков демагогов), доверие к любому учреждению будет зависеть, главным образом, от доверия к правительству, при котором оно было создано. Чтобы устранить подозрения в обслуживании политических интересов стран, в которых они учреждены, важно, чтобы имела место конкуренция банков, штаб-квартиры которых расположены в разных странах. Наибольшим доверием, по крайней мере, пока обеспечивается сохранение мира, будут, вероятно, пользоваться институты, созданные в небольших богатых странах, для которых международный бизнес является важным источником доходов и которые по этой причине должны особенно заботиться о своей финансовой репутации.

Давление за возвращение к национальным денежным монополиям

Многие страны, скорее всего, попытаются, с помощью субсидий и подобных мер сохранить собственный банк, выпускающий национальную валюту, которой придется обращаться наряду с международными валютами, даже если деятельность таких банков будет лишь ограниченно успешной. Тогда появится опасность, что националистические и социалистические силы своей дурацкой агитацией против многонациональных корпораций заставят правительства постепенно вернуться к нынешней системе привилегированных национальных эмитентов валюты, посредством предоставления преимуществ национальным институтам.

Возобновление правительственного контроля за движением валюты и капитала

Главная опасность, однако, будет исходить от попыток правительств контролировать международные потоки валюты и капитала. Власть над этими потоками в настоящее время является самой серьезной угрозой не только функционированию международной экономики, но и личной свободе; и эта угроза сохранится до тех пор, пока правительства обладают материальной силой, чтобы навязывать такой контроль. Надо надеяться, что люди постепенно распознают эту угрозу личной свободе и полностью запретят употребление таких мер, закрепив это в виде соответствующих конституционных поправок. Последняя защита от правительственной тирании состоит в том, что значительная часть трудоспособных людей может прибегнуть к эмиграции в случае, когда тирания станет нестерпимой. Я боюсь, что немногие англичане, считавшие мое высказывание неоправданно тревожным и преувеличенным 30 лет назад, когда я впервые опубликовал его, продолжают считать его неоправданно тревожным и сегодня: "Распространение контроля, проистекающее из контроля над экономикой, на все сферы жизни хорошо видно на примере операций с иностранной валютой. На первый взгляд государственный контроль за обменом иностранной валюты никак не затрагивает личную жизнь граждан, и для большинства из них безразлично, существует он или нет. Однако опыт большинства стран континентальной Европы показал мыслящим людям, что введение такого контроля является решающим шагом на пути к тоталитаризму и подавлению свободы личности. Фактически, эта мера означает полное подчинение индивида тирании государства, пресечение всякой возможности бегства - как для богатых, так и для бедных. Когда люди лишаются возможности свободно путешествовать, покупать иностранные журналы и книги, когда контакты с заграницей могут осуществляться только по инициативе или с одобрения официальных инстанций, общественное мнение оказывается под гораздо более жестким контролем, чем это было при любом абсолютистском режиме XVII или XVIII века" ([28], p. 69, note).

Помимо противодействия чрезмерному росту правительственных расходов, ликвидация правительственной монополии на денежную эмиссию могла бы внести еще один фундаментальный вклад в защиту индивидуальной свободы. Этот вклад будет состоять в интенсификации международных взаимодействий, что сделает установление правительственного контроля за международным движением товаров, капиталов и людей все менее и менее достижимым. Таким образом, у диссидентов сохранятся возможности избежать угнетения со стороны правительств.

XXIV. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Можно надеяться на то, что конкуренция, как это обычно с ней происходит, приведет к открытию еще неизвестных возможностей, заложенных в феномене денег. Это делает любую попытку предсказания долгосрочных результатов предлагаемой реформы крайне рискованной. Мы, тем не менее, попытаемся вкратце суммировать вероятные долговременные последствия ее осуществления. Я убежден, что когда система полностью сформируется и конкуренция ликвидирует некоторое число неудачных предприятий, в свободном мире останется несколько широко используемых и очень близких по своим качествам валют. В больших регионах будут доминировать одна-две валюты, но эти регионы не будут иметь четких или постоянных границ, а валюты, доминирующие в них, будут пересекаться в широких и изменчивых по своему составу регионах. У большинства таких валют, опирающихся на сходные наборы товаров, краткосрочные колебания курсов относительно друг друга будут очень малы (вероятно, намного меньше, чем у валют наиболее стабильных стран сегодня, но несколько сильнее, чем у валют, базировавшихся на реальном золотом стандарте). Если состав товарных корзин, на которые будут опираться некоторые валюты, будет приспособлен к условиям регионов их основного использования, постепенно может начаться обособление этих валют. Но большинство из них будет обращаться *сообща*, не только параллельно, но и согласованно изменяя свою ценность. После экспериментов с поиском самого благоприятного набора товаров, к ценам которых должна быть привязана валюта, последующие изменения будут, вероятно, редкими и малозначительными. Конкурентная борьба между эмиссионными банками заставит их сосредоточиться на том, как избежать даже незначительных отклонений ценности, выраженной в этих товарах, на распространении наиболее полной информации о своей деятельности и на различных дополнительных услугах (таких, как помощь в бухгалтерском учете), предлагаемых клиентам. Уцелевшие правительственные банки все чаще и сами будут вынуждены принимать платежи не в тех валютах, которые выпускаются привилегированными национальными банками, и даже стремиться к их получению.

Возможность появления множества сходных валют

Существует, однако, одно обстоятельство, являющееся и возможным, и вероятным, и которое я не обсуждал в первом издании. После того, как определенные валюты, базирующиеся на том или ином наборе товаров, получают широкое хождение, другие банки могут прибегнуть к выпуску валют, ценность которых базируется на том же наборе товаров, но под иными наименованиями, в банкнотах с таким же, большим или меньшим номиналом. Иными словами, конкуренция может привести к широкому использованию различными банками-эмитентами одной и той же товарной базы, причем такие банки будут продолжать конкурировать за благосклонность публики, сохраняя ценность выпускаемой валюты постоянной и предоставляя иные услуги. Публика могла бы тогда научиться принимать значительное число видов таких валют с различными

наименованиями (при этом соответствующих единому, например какому-нибудь "Цюрихскому стандарту") по постоянным обменным курсам; а магазины могли бы вывешивать список всех валют, которые они готовы принимать, как представляющих этот стандарт. Такая система сможет удовлетворительно работать долгое время, если пресса, осуществляющая свою функцию надзора, будет вовремя предупреждать публику о нарушении кем-либо из эмитентов своих обязательств.

Соображения удобства должны, вероятно, привести к принятию стандартной денежной единицы, то есть единицы, основанной не только на одном и том же наборе товаров, но также одной размерности. В этом случае большинство банков могло бы, под разными названиями, выпускать банкноты в этих стандартных единицах, которые будут охотно приниматься всюду, где известна их репутация.

***Сохраняете стандарта долгосрочных долговых обязательств даже при
возможной потере валютой своей ценности***

При доступности хотя бы каких-то стабильных валют на исчезновение будет обречена абсурдная практика превращения "законного платежного средства" в простую символическую монету, которая может обесцениваться и все же оставаться годной для уплаты долгов, сделанных в единицах какого-либо объекта определенной ценности. Этот абсурд создан исключительно властью правительства, имеющего возможность навязывать людям то, чего они не имели в виду при заключении договоров. Вслед за отменой правительственной монополии на эмиссию денег суды вскоре поймут и, я надеюсь, законодательство признает, что справедливость требует уплаты долгов в единицах той ценности, в которых заключался контракт, а не в навязанных правительством заменителях. (Исключение существует там, где контрактом в явной форме предусматривается уплата определенного количества денежных знаков, а не выраженной в них ценности).

После распространения повсеместно предпочитаемого общего стандарта ценности, судам, как правило, не составит труда определить приблизительную величину абстрактной ценности, которую стороны имели в виду при заключении контракта, оперируя указанным в контракте количеством общепринятых денежных единиц. Если валюта, в которой заключен контракт, серьезно обесценилась, выйдя за приемлемые пределы отклонений, суд не должен позволить сторонам выигрывать или терять от противозаконных действий третьей стороны, выпустившей данную валюту. Суд без труда сможет определить количество другой валюты или валют, в которой должник имеет право и обязан выполнить свои обязательства.

В результате даже полный крах одной валюты не будет иметь тех разрушительных и далеко идущих последствий, которые подобное событие вызывает сегодня. Хотя держатели наличных денег в форме банкнот или депозитов до востребования в той или иной валюте могут лишиться всей соответствующей им ценности, это будет относительно мелким расстройством по сравнению с общим обесценением или полной ликвидацией требований третьих лиц, выраженных в этой валюте. Структура долгосрочных контрактов в целом останется незатронутой и люди будут сохранять свои инвестиции в форме облигаций, закладных и аналогичных требований, хотя они могут потерять всю свою наличность, если, по несчастью, пользовались валютой банка, который потерпел крах. Портфель облигаций и других долгосрочных требований мог бы по-прежнему оставаться вполне надежным помещением капитала, даже если случится так, что какие-то эмитенты

обанкротились, и их банкноты и депозиты утратили ценность. Полностью ликвидные активы еще будут связаны с риском, но кто захочет (разве что временно) держать все свои активы в полностью ликвидной форме? Никогда не сможет произойти полного исчезновения какого-то общего стандарта погашения долгов или уничтожения всех денежных обязательств - конечного итога всех крупных инфляций. Задолго до того, как это могло бы случиться, все оставили бы обесценившуюся валюту и никакие прежние обязательства выполнять в ней было бы нельзя.

Новые правовые рамки банковского дела

Хотя правительства и не должны вмешиваться в подобные процессы, не должны предпринимать каких-либо сознательных попыток контроля (то есть актов интервенции в строгом смысле слова), может оказаться, что для успешного осуществления новой банковской деятельности нужны новые законы, обеспечивающие необходимые правовые рамки. Кажется, однако, довольно сомнительным, что делу поможет повсеместное введение таких правил, например, посредством принятия международных договоров. Скорее всего, в этом случае экспериментам с альтернативными схемами будет положен конец.

Трудно сказать, сколько времени понадобится отдельным странам для того, чтобы оставить желание иметь собственную валюту из чисто националистических или престижных соображений, а правительствам - для того, чтобы перестать обманывать общество, жалуясь на неоправданное ущемление своего суверенитета. (Окончательный триумф новой системы будет достигнут тогда, когда правительства предпочтут получать налоги не в своей валюте!) Вся эта система, конечно же, совершенно несовместима со стремлением к тоталитарной власти любого рода.

XXV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отмена правительственной денежной монополии была придумана мной как средство предотвращения приступов острой инфляции и дефляции, которые преследуют мир в последние 60 лет. Исследование показало, что оно является также весьма действенным лекарством против еще более запущенной болезни: повторяющихся волн депрессии и безработицы, которые часто представляются как врожденный и смертоносный порок капитализма.

Золотой стандарт - не решение

Можно надеяться помешать сильным колебаниям ценности денег, наблюдавшимся в недавние годы, возвратившись к золотому стандарту или какому-то режиму фиксированных обменных курсов. Я все еще убежден, что *пока управление деньгами остается в руках правительств*, золотой стандарт, со всеми его несовершенствами, - это единственная более или менее безопасная система. Но мы, безусловно, в состоянии построить лучшую систему, не предполагающую участия правительства. Кроме бесспорного факта наличия серьезных дефектов и у золотого стандарта, противники такого шага могут справедливо указать, что в нынешних обстоятельствах централизованное управление денежной массой необходимо для того, чтобы противостоять врожденной нестабильности существующей кредитной системы. Но коль скоро признано, что эта врожденная нестабильность кредита сама есть результат определенной структуры депозитных банковских операций, заданной монополистическим

контролем за предложением наличных денег, в которых должны погашаться депозиты, эти возражения рушатся. Если мы хотим, чтобы свободное предпринимательство и рыночная экономика выжили (этого, очевидно, хотят даже сторонники так называемой "смешанной экономики"), у нас нет выбора: мы должны заменить правительственную валютную монополию и национальные валютные системы свободной конкуренцией между частными эмиссионными банками. Никогда контроль за деньгами не был в руках учреждений, *единственной и исключительной* заботой которых было бы дать публике валюту, превосходящую все остальные, и которые в то же время поставили бы самое свое существование в зависимость от соответствия ожиданиям, которые они породили.

Может оказаться, что при свободной конкуренции между различными видами денег самым популярным видом вначале окажутся золотые монеты. Но сам этот факт - рост сброса на золото - приведет, вероятно, к такому повышению (и, скорее всего, сильным колебаниям) его цены, что хотя золото еще будет широко использоваться для тезаврации, оно вскоре перестанет быть удобной счетной единицей для сделок и бухгалтерского учета. Конечно, необходимо, чтобы им можно было пользоваться совершенно свободно, но я не думаю, что это приведет к его победе над другими видами частных денег, спрос на которые зависит от того, насколько успешно регулируется их количество с тем, чтобы поддерживать постоянной их покупательную способность.

То самое качество, которое сегодня повышает доверие к золоту в сравнении с контролируруемыми правительствами бумажными деньгами, а именно, невозможность произвольна манипулировать его общим количеством ради достижения политических целей, в долгосрочной перспективе заставит его уступить место бумажным денежным знакам, выпускаемым конкурирующими учреждениями, бизнес которых зависит от успешного регулирования эмиссии с целью сохранения ценности денежной единицы приблизительно постоянной.

Только собственный интерес, а не хорошие намерения может дать хорошие деньги

Мы всегда имели плохие деньги потому, что частному предпринимательству не позволяли дать нам лучшие. В мире, управляемом давлением организованных интересов, важно помнить, что если мы хотим получить институты, в которых нуждаемся, мы не можем рассчитывать на разум или понимание, но должны полагаться на чисто корыстные интересы. Благословен тот день, когда мы сможем рассчитывать на предложение надежных денег не в силу добрых намерений правительств, а вследствие соблюдения банками своего собственного интереса.

"Именно таким путем мы получаем друг от друга наибольшую часть необходимых нам услуг" (Adam Smith [54], p. 26). Но, к несчастью, деньги еще не входят в их число.

Не "капитализм", а правительственный интервенционизм виновен в повторявшихся кризисах прошлого." (Это тема, к которой постоянно возвращался покойный Людвиг фон Мизес.) Правительство мешало предприятиям заручиться инструментами, необходимыми для того, чтобы защищать свою деятельность от дезориентации, возникающей из-за ненадежных денег, инструментами, прибыльными для поставщика и выгодными для всех остальных. Признание этой истины ясно показывает, что предлагаемая реформа - не просто незначительное техническое усовершенствование финансовой системы, это коренное изменение, которое может решить судьбу свободной цивилизации. То, что здесь предлагается, кажется мне единственным реальным способом создания завершеного

рыночного порядка, освобождения его от важнейшего недостатка и причины главных упреков, обращенных против него.

Насколько осуществима система конкурентных бумажных валют?

Мы не можем, конечно, надеяться на такую реформу до осознания обществом того, каковы ставки и выигрыши. Те, кто считает это предложение совершенно нереальным и утопическим, должны вспомнить, что 200 лет назад писал в "Богатстве народов" Адам Смит: "ожидать восстановления когда-нибудь полной свободы торговли в Великобритании так же нелепо, как ожидать осуществления в ней "Океании" или "Утопии". ([54], р. 47. Весь абзац, начинающийся с этой цитаты и заканчивающийся фразой, процитированной ниже, стоит перечитать в связи с обсуждаемой нами темой.)

Понадобилось почти 90 лет после публикации его книга (в 1776 г.), чтобы Великобритания стала первой страной, установившей в 1860 г. полную свободу торговли. Но идея распространялась быстро, и если бы не политическая реакция, вызванная Великой французской революцией и Наполеоновскими войнами, она бы, без сомнения, принесла свои плоды намного скорее. Эффективное просветительское движение в этой области началось только в 1819 году, и лишь бескорыстными усилиями немногих людей, посвятивших себя пропаганде этих идей через организованное Движение свободной торговли, была преодолена опасность, грозившая, как называл их Смит, "со стороны взбешенных и разочарованных монополистов. (Как резонно заметил рецензент первого издания данной работы, John Porteous, *New Statesman*, 14 Jan. 1977: "400 лет назад казалось немыслимым, чтобы правительства когда-либо отказались от контроля над религиозными убеждениями".)

(Говорят, что мое предложение "сконструировать" совершенно новые денежные институты противоречит моей общефилософской установке. Но ничто не может быть дальше от моих намерений, чем желание спроектировать новые институты. Я предлагаю просто устранить существующие препятствия, столетиями мешавшие возникновению желательных денежных институтов. Наша денежная и банковская система является продуктом вредных ограничений, навязанных правительствами для увеличения своей власти. Конечно же, об этих институтах нельзя сказать, что они проверены и признаны хорошими, поскольку людям не было позволено испытать действие каких-либо альтернатив.

Чтобы обосновать требование свободного развития в этой области, необходимо было объяснить, какие вероятные результаты даст предоставление такой свободы. Но возможности предвидения неизбежно ограничены. Одно из величайших достоинств свободы и состоит в том, что она поощряет новые изобретения, а они по самой своей природе непредсказуемы. Я думаю, что эволюция окажется намного изобретательнее меня. Хотя социальная эволюция всегда формируется под влиянием идей сравнительно небольшого числа людей, разница между свободной и регулируемой системой состоит в том, что при первой люди, имеющие лучшие идеи, и определяют развитие, поскольку им подражают. При второй системе направлять эволюцию позволено идеям и желаниям людей, стоящих у власти. Свобода вновь и вновь заставляет рисковать. Я могу сказать только, что если бы я нес ответственность за судьбу дорогой мне страны, я бы с радостью взял на себя риск в том деле, изложению которого посвящена эта работа.)

Я боюсь, что с тех пор, как кейнсианская пропаганда овладела массами, сделав инфляцию

чем-то respectable, и снабдила агитаторов такими аргументами, которые не в состоянии опровергнуть профессиональные политики, единственный способ не попасть в клетку контролируемой директивной экономики, куда нас загоняет постоянная инфляция, и тем самым спасти, в конечном итоге, цивилизацию, состоит в том, чтобы лишить правительства власти над предложением денег. (Недавний опыт также подсказывает, что в будущем правительства могут подвергнуться международному давлению в пользу такой денежной политики, которая, будучи вредной для собственных граждан, может, как предполагается, помочь какой-либо другой стране. Избавиться от такого давления можно будет только избавившись и от власти, и от ответственности за управление предложением денег. Мы уже достигли такого положения, при котором в адрес стран, добившихся снижения инфляции до пяти процентов в год, раздаются призывы о помощи путем "рефляции" со стороны других стран, имеющих 15-процентную инфляцию.)

"Движение за свободные деньги"

Сейчас мы нуждаемся в международном движении "за свободные деньги", аналогичном движению XIX века за свободу торговли и раскрывающем глаза не только на вред острой инфляции, которой можно избежать и с помощью существующих институтов, но и на более глубокие последствия - наступление периодов стагнации, которые действительно являются врожденным пороком нынешней денежной системы.

Как я мог заметить в ходе работы над этим докладом, тревога по поводу нынешней инфляции слишком быстро рассеивается, стоит ее темпу чуть-чуть замедлиться. Я почти не сомневаюсь, что к моменту, когда эти строки увидят свет, появится масса причин для возвращения этой тревоги (если не произойдет худшего и возобновившаяся инфляция не будет загнана вглубь контролем над ценами). Скорее всего, начавшийся новый инфляционный бум опять окончится крахом. Но для того, чтобы добиться отмены контроля правительств за деньгами, от которого один вред, понадобится более глубокое понимание не видимых на поверхности последствий инфляции. Перед нами стоит, таким образом, громадная просветительская задача, которую нужно решить для того, чтобы избавиться от опаснейшей угрозы общественному миру и длительному процветанию, угрозы, заложенной в существующих денежных институтах.

Необходимо широкое признание существования проблемы и необходимости реформы. Речь идет не о второстепенных технических деталях финансовой системы, как может на первый взгляд показаться профану, который сам никогда в них толком не вникал. Вопрос стоит о единственном пути, позволяющем надеяться, что еще можно остановить непрерывное сползание всех правительств к тоталитаризму, которое многим внимательным наблюдателям кажется уже неотвратимым. Я хотел бы посоветовать двигаться не спеша. Но у нас мало времени. Сейчас настоятельно требуется не строительство новой системы, а быстрее устранение всех правовых препятствий, две тысячи лет блокировавших пути эволюции, все благоприятные результаты которой мы не можем сейчас предвидеть.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Рассмотрите распространенное мнение о том, что в стране должна быть только одна валюта, и что она должна контролироваться правительством. При обсуждении используйте примеры из отдаленной и недавней истории.

2. Каково происхождение "законного средства платежа"? Приведите аргументы за и против его использования как необходимой основы денежной системы.
3. Дайте определение денег. Чем они отличаются от не-денег? Предложите аргументы за и против понятия "количество денег". Примените эти аргументы к количественной теории денег.
4. Обсудите два тезиса: "Желательно установить контроль правительства за деньгами, чтобы; оно могло изменять объем их предложения в соответствии с потребностями экономики". "Люди утратили доверие к деньгам потому, что они контролируются правительством".
5. История показывает, что иногда возникает недостаток доверия к бумажным деньгам, являющимся "законным тендером". Каким образом режим конкурирующих бумажных валют мог бы поддерживать доверие публики?
6. "Чтобы деньгам доверяли, они должны конвертироваться в ценные товары или драгоценные металлы". Вы согласны? Обсудите условия, при которых конвертируемость существенна и при которых несущественна.
7. Рассмотрите мнение о том, что возникновение инфляции и дефляции будет и маловероятным, и невозможным, если правительство будет отстранено от контроля за установлением количества денег. Проиллюстрируйте свой ответ примерами из Великой депрессии 1929-1932 гг. и "Великой инфляции" 1972-1975 гг.
8. Понятия бума и спада ассоциируются с "капитализмом". Есть ли они в некапиталистических экономиках? Являются ли они результатом капитализма или порождены иными причинами?
9. Обсудите тезис: ^Для денежного органа, подверженного сильному лоббистскому давлению, политически невозможно избежать увеличения количества денег во имя повышения занятости, порождая тем самым инфляцию. Золотой стандарт, фиксированные обменные курсы и другие ограничения денежной экспансии оказались недостаточными".
10. Как можно отстранить национальное правительство от контроля за международным движением валюты? Достаточно ли будет международного соглашения? Почему конкуренция валют будет более эффективной?

Артур Сэлдон

ПРИЛОЖЕНИЕ

Крах бумажных денег 1950-1975 гг.

Страна	Падение покупательной способности, %	Рост стоимости жизни, %	Изменение ценности валюты на свободном или черном рынке*, %
Чили	99	11 318 874	-99
Уругвай	99	323 173	-99
Аргентина	99	196 675	-99
Бразилия	99	61 000	-99
Боливия	99	50 792	-99
Южная Корея	99	37 935	-47
Вьетнам	99	нет данных	нет данных
Парагвай	97	3 058	-86
Исландия	95	1 789	-91
Израиль	94	1 684	-93
Колумбия	93	1 262	-91
Турция	91	997	-77
Перу	90	907	-78
Югославия	90	870	-75
Тайвань	89	848	-73
Гана	85	587	-63
Испания	82	466	-16
Мексика	80	404	-31
Финляндия	79	374	+29

Ирландия	78	363	-23
Япония	78	362	+39
Великобритания	78	345	-20
Греция	76	314	-51
Франция	75	305	-13
Дания	74	282	+56
Португалия	74	279	-26
Индия	73	275	-41
Норвегия	73	272	+73
Филиппины	73	272	-59
Иран	73	271	-22
Судан	73	270	нет данных
Эквадор	73	276	-29
Новая Зеландия	73	266	-19
Австралия	73	265	+30 '
Швеция	72	261	+38
Бирма	72	257	нет данных
Италия	72	253	-6
Австрия	71	243	+71
Нидерланды	68	216	+52
Коста-Рика	67	207	-6
Таиланд	67	207	+4
Южная Африка	67	204	-16
Сирия	66	191	-6
Тунис	62	160	нет данных

Бельгия	61	155	+26
Канада	59	142	+3
Доминиканская респ.	58	136	-22
Швейцария	57	133	+63
США	57	131	-75**
Сальвадор	57	130	-17
Зап. Германия	53	115	+110
Египет	52	107	-41
Шри-Ланка	51	103	-61
Ирак	49	95	+11
Малайзия	47	87	+39
Венесуэла	45	82	-22
Гватемала	44	77	-
Панама	40	66	-

*По отношению к доллару США.

**По отношению к золоту, цифра основана на цене в 141 доллар за унцию на свободном рынке в конце 1975 г. против официальной цены 1950 г. в 35 долларов за унцию.

Источник: перепечатано с разрешения автора и издателя из: Franz Pick. *Pick's Currency Yearbook, 1976-1977 Edition*, Pick Publishing Corp., N.Y. 1977.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] Archibald Mison, *History of Europe*,. vol. I, London, 1833.
- [2] W. Bagehot and Y. S. Park, *Artificial Currency Units: The Formation of Functional Currency Areas*, Essays in International Finance, No. 114, Princeton, 1976.
- [3] Walter Bagehot, *Lombard Street* [1873], Kegan Paul, London, 1906.
- [4] Mann, *Die Philosophie der Geschichte als Soziologie*, 2nd edn., Leipzig, 1915.
- [5] Jean Bodin, *The Six Books of a Commonweale* [1576], London, 1606.
- [5a] Fernand Braudel, *Capitalism and the Material Life 1400-1800* [1967], London, 1973.

- [6] S. P. Breckinridge, *Legal Tender*, University of Chicago Press, Chicago, 1903.
- [7] C. Bresciani-Turroni, *The Economics of Inflation* [1931], Alien & Unwin, London, 1937.-
- [7a] Henry Phelps Brown and Sheila V. Hopkins, 'Seven Centuries of the Prices of Consumables, compared with Builders' Wage-rates', *Economica*, November 1956.
- [7b] Henry Phelps Brown and Sheila V. Hopkins, 'Builders' Wage-rates, Prices and Population: Some Further Evidence', *Economica*, February 1959.
- [8] W. W. Carlile, *The Evolution of Modern Money*, Macmillan, London, 1901.
- [9] H. Cernuschi, *Mesanique de l'echange*, Paris, 1865.
- [10] H. Cernuschi, *Contre le billet de banques*, Paris, 1866.
- [III] Carlo M. Cipolla, *Money, Prices and Civilization in the Mediterranean World: Fifth to Seventeenth Century*, Gordian Press, New York, 1967.
- [12] Lauchlin Currie, *The Supply and Control of Money in the United States*, Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1934.
- [12a] Raymond de Roover, *Gresham on Foreign Exchanges*, Cambridge, Mass., 1949.
- [13] C. H. Douglas, *Social Credit* [1924], Omnie Publications, Hawthorn, Calif, 1966.
- [14] Otto Eckstein, 'Instability in the Private and Public Sector', *Swedish Journal of Economics*, 75/1,1973.
- [15] Wilhelm Endemann, *Studien in der Romanisch-kanonistischen Rechtslehre*, vol. II, Berlin, 1887.
- [16] A. E. Feaveryear, *The Pound Sterling*, Oxford University Press, London, 1931.
- [17] Lord Farrer, *Studies in Currency*, London, 1898.
- [17a] F. W. Fetter, 'Some Neglected Aspects of Gresham's Law', *Quarterly Journal of Economics*, XLVI, 1931/2.
- [18] Stanley Fischer, 'The Demand for Index Bonds', *Journal of Political Economy*, 83/3,1975.
- [18a] Ferdinand Friedensburg, *Munzkunde und Geldgeschichte des Mittelalters und der Neuzeit*, Munich and Berlin, 1926.
- [19] Milton Friedman, 'Commodity Reserve Currency' [1951] ,in *Essays in Positive Economics*, University of Chicago Press, Chicago, 1953.
- [20] Milton Friedman, *A Program for Monetary Stability*, Fordham University Press, New York, 1960.
- [20a] Milton Friedman, 'The Quantity Theory of Money: A Restatement', in *Studies in the Quantity Theory of Money*, Chicago, 1956.
- [20b] Milton Friedman, *Monetary Correction*, Occasional Paper 41, Institute of Economic

Affairs, London, 1974.

[21] Josef Gamier, *Traite theorique etpratiave du change et des operation de banque*, Paris, 1841.

[21a] Richard Gaettens, *Inflationen, Das Drama der Geldentwertungen vom Altertum bis zur Gegenwart*, Munich, 1955.

[22] Silvio Gesell, *The Natural Economic Order* [1916], Rev. Edn., Peter Owen, London, 1958.

[22a] Herbert Giersch, 'On the Desirable Degree of Flexibility of Exchange Rates', *Weltwirtschaftliches Archiv*, CIX, 1973.

[23] H. Grote, *Die Geldlehre*, Leipzig, 1865.

[23a] R. F. Harrod, *The Life of Hohn Maynard Keynes*, London, 1951.

[24] F. A. Hayek, *Prices and Production*, Routledge, London, 1931.

[25] F. A. Hayek, *Monetary Theory and the Trade Cycle* [1929], Jonathan Cape, London, 1933.

[26] F. A. Hayek, 'Uber "Neutrales Geld"', *Zeitschrift fur Nationalokonomie*, 4/5, 1933'

[27] F. A. Hayek, *Monetary Nationalism and International Stability*, The Graduate School of International Studies, Geneva, 1937.

[28] F. A. Hayek, *The Road to Serfdom*, Routledge, London and Chicago, 1944.

[29] F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty*, Routledge & Kegan Paul, London and Chicago, 1960.

[30] F. A. Hayek, *Studies in Philosophy, Politics and Economics*, Routledge & Kegan Paul, London and Chicago, 1967.

[31] F. A. Hayek, *Choise in Currency*, Occasional Paper 48, Institute of Economic Affairs, London, 1976.

[31a] F. A Hayek, *Law, Legislation an Liberty*, Routledge & Kegan Paul and the University of Chicago Press, London and Chicago, vol. I, 1973, vol. II, 1976, vol. III forthcoming.

[31b] Karl Helfferich, 'Die geschichtliche Entwicklung der *Munzsysteme*', *Jahrbucher fur Nationalokonomie*, 3. f. IX (LXIV), 1895.

[32] Marianne von Herzfeld, 'Die Geschichte als Funktion der Geldwertbewegungen', *Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 56/3, 1926.

[33] J. R. Hicks, 'A Suggestion for Simplifying the Theory of Money', *Economica*, February 1935.

[34] W. S. Jevons, *Money and the Mechanism of Exchange*, Kegan Paul, London, 1875.

[34a] H. G.Johnson, *Essays in Monetary Economics* [1967], Second Edition, London, 1969.

[34b] H. GJohnson, *FurtherEssays in Monetary Economics*, London, 1972.

- [34c] H. G. Johnson and A.K.Swoboda (eds.), *The Economics of Common Currencies*, London, 1973.
- [34d] Robert A. Jones, 'The Origin and Development of Media of Exchange' *Journal of Political Economy*, LXXXIV, 1976.
- [35] Benjamin Klein, 'The Competitive Supply of Money' *Journal of Money, Credit and Banking* VI, November 1975.
- [35a] Benjamin Klein, 'Competing Moneys:Comment', *Journal of Money, Credit and Banking*, 1975.
- [36] G. F. Knapp, *The State Theory of Money* [1905], Macmillan, London, 1924.
- [37] Axel Leijonhufvud, *On Keynesian Economics and the Economics of Keynes*, Oxford University Press, New York and London, 1968.
- [37a] Wilhelm Lexis, 'Bermerkungen uber Paralellgeld und Sortengeld", *Jahrbucher fur Nationalokonomie*, 3.f.IX (LXIV), 1895.
- [37b] Thelma Liesner & Mervyn A. King (eds), *Indexing for Inflation*, London, 1975.
- [37c] R. G. Upsey, 'Does Money Always Deprecate?', *Lloyds Bank Review*, 58, October 1960.
- [38] Hayek (later Lord Overstone), *Further Reflections on the State of the Currency and the Bank of England*, London, 1837.
- [39] Fritz Machiup, 'Euro-Dollar Creation: A Mystery Story", *Banca Nazio-nale dellavoro Quarterly Review*, 94, 1970, reprinted Princeton, December 1970.
- [40] R. I. McKinnon, 'Optimum Currency Areas', *American Economic Review*, 53/4,1963.
- [41] F. A. Mann, *The Legal Aspects of Money*, 3rd Edition, Oxford University Press, London, 1971.
- [42] Arthur W. Marget, *The Theory of Prices*, 2 vols., Prentice-Hall, New York and London, 1938 and 1942.
- [42a] A. James Meigs, *Money Matters*, Harper & Row, New York, 1972.
- [43] Carl Menger, *Principles of Economics* [1871], The Free Press, Glencoe,III., 1950.
- [43a] Carl Menger, 'Geld' [1892], *Collected Works of Carl Menger*, ed. by the London School of Economics, London, 1934.
- [44] Henry Meulen, *Free Banking*, 2nd Edition, Macmillan, London, 1934.
- [44a] Fritz W. Meyer and Alfred Schuller, *Spontane Ordnungen in der Geldwirtschaft und das Inflationsproblem*, Tubingen, 1976.
- [45] Ludwig von Mises, *The Theory of Money and Credit* [1912], New Edition, Jonathan Cape, London, 1952.
- [46] Ludwig von Mises, *Geldwertstabilisierung und Konjunkturpolitik*, Jena, 1928.

- [47] Ludwig von Mises, *Human Action*, William Hodge, Edinburgh, 1949; Henry Regnery, Chicago, 1966.
- [47a] E. Victor Morgan. *A History of Money* [1965], Penguin Books, Harmondsworth, Rev. Edition, 1969.
- [48] Robert A. Mundell, 'The International Equilibrium', *Kyklos*, 14, 1961.
- [49] Robert A. Mundell, 'A Theory of Optimum Currency Areas', *American Economics Review*, 51, September 1963.
- [49a] W. T. Newlyn, 'The Supply of Money and Its Content', *Economic Journal*, LXXIV, 1964.
- [50] F. Nussbaum, *Money in the Law, National and International*, Foundation Press, Brooklyn, 1950.
- [50a] Karl Olivecrona, *The Problem of the Monetary Unit*, Stockholm, 1957.
- [50b] Franz Pick and Rene Sedillot, *All the Money of the World. A Chronicle of Currency Values*, Pick Publishing Corporation, New York, 1971.
- [50c] Henri Pirenne, *La Civilization occidentale au Moyen Age du milieu du XVe siecle*, Paris, 1933.
- [51] H. Rittershausen, *Der Neubau des deutschen Kredit-Systems*, Berlin, 1932.
- [51a] Herbert Rottmann, *Deutsche Geldgeschichte 1484-1914*, Munich, 1974.
- [52] Murray N. Rothbard, *What has Government Done to Our Money?*, New Rev. Edition, Rampart College Publication, Santa Anna, Calif., 1974.
- [53] Gasparo Scaruffi, *L'Alitinofo per far ragione e concordanza d'ore e d'argento*, Reggio, 1582.
- [53a] W. A. Shaw, *The History of Currency 1252-1894*, London, 1894.
- [54] Adam Smith *Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* [1776], Glasgow edition, Oxford University Press, London, 1976.
- [55] Vera C. Smith, *Rationale of Central Banking*, P. S. King, London, 1936.
- [56] Werner Sombart, *Der moderne Kapitalismus*, vol. II, 2nd Edition, Munich and Leipzig, 1916/17.
- [57] Gasparo Scaruffi, *Social Statics* [1850], Abridged and Rev. Edition, Williams & Norgate, London, 1902.
- [58] G. Tullock, *Über unsere Währungsverfassung*, Tübingen, 1975.
- [58a] Brian Summers, 'Private Coinage in America', *The Freeman*, July 1976.
- [58b] Earl A. Thompson, 'The Theory of Money and Income Consistent with Orthodox Value Theory', in P. A. Samuelson and G. Horwich (eds.), *Trade, Stability and Macroeconomics. Essays in Honor of Lloyd Metzler*, Academic Press, New York and London, 1974.

[59] Cordon Tullock, 'Taper Money - A Cycle in Cathay', *Economic History Review*, IX/3, 1956.

[60] Gordon Tullock, 'Competing Moneys', *Money Credit and Banking*, 1976.

[61] Willem Vissering, 'Plans for a European Parallel Currency and SDR Reform', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 110/2, 1974.

[61a] Roland Vaubel, 'Freier Wettbewerb Zwischen Wahrungen', *Wirtschaftsdienst*, August 1976.

[62] Willem Vissering, 'On Chinese Currency', *Coin and Paper Money*, Leiden, 1877.

[63] Knut Wicksell, *Geldzins und Guterpreise*, Jena, 1898.

[64] Knut Wicksell, *Vorlesungen uber Nationalokonomie* [1922], English Ed[.of], *Lectures on Political Economy*, vol. II: Money, Routledge, 1935.

[64a] Leiland B. Yeager, 'Essential Properties of the Medium of Exchange', *Kyklos*, 21, 1968.

Книга Нобелевского лауреата по экономике Фридриха Хайека посвящена практическим вопросам совершенствования работы денежного механизма в современной экономике.

С момента своего издания в 1976 году стала классической. Работа содержит также теоретический анализ проблем, возникающих при лишении государства монополии на обеспечение юридических и физических лиц полноценным средством обращения, когда право на эмиссию денег становится таким же неотъемлемым правом частного предприятия, как и любая иная производственная деятельность.

Книга адресована руководителям и специалистам государственных и коммерческих кредитно-банковских, страховых, инвестиционных и иных финансовых учреждений, аспирантам и преподавателям по экономике и финансам, работникам правоохранительных органов, депутатам, а также всем, кто интересуется закономерностями общественного развития и его перспективами в **XXI** веке.